

ДИАНА ГЭБЛДОН

Написано кровью
моего сердца

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Чужестранка. Сериал по романам
Дианы Гэблдон в одном томе

Диана Гэблдон

Написано кровью моего сердца

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Написано кровью моего сердца / Д. Гэблдон — «Эксмо»,
2014 — (Чужестранка. Сериал по романам Дианы Гэблдон в одном
тome)

ISBN 978-5-04-185627-4

История великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. 1778 год. Британия спешно уводит свои войска с Американского континента, ведь ее суверенитету угрожает Франция. Джейми Фрэзер, которого долгое время все считали погибшим, узнает, что Клэр вышла замуж и разделила постель с другим мужчиной. Роджер Маккензи, отправившийся в прошлое в поисках похищенного сына, оказывается в 1739 году – времени, когда Клэр и Джейми не знала друг друга, а значит, его любимая жена Брианна еще не родилась. Роджер не знает, что сын давно вернулся домой, к матери. И тогда Брианна, прекрасно понимая, что муж останется в прошлом, принимает единственно верное решение: вместе с детьми проходит через камни в надежде, что сможет перенестись в тот самый год, в котором оказался Роджер, чтобы семья воссоединилась. «Увлекательная сага, которая гарантированно не даст читателям уснуть до поздней ночи». – Booklist

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-185627-4

© Гэблдон Д., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Книга 1	9
Пролог	9
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	46
Глава 11	53
Глава 12	59
Глава 13	68
Глава 14	74
Глава 15	79
Глава 16	80
Глава 17	85
Глава 18	88
Глава 19	95
Глава 20	98
Глава 21	100
Глава 22	110
Глава 23	114
Глава 24	120
Глава 25	134
Часть 2	135
Глава 26	135
Глава 27	143
Глава 28	145
Глава 29	146
Глава 30	153
Глава 31	157
Глава 32	161
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Диана Гэблдон

Написано кровью моего сердца

Diana Gabaldon

WRITTEN IN MY OWN HEART'S BLOOD

Copyright © 2014 by Diana Gabaldon

© Парахневич Е., Сафронова А., Стрепетова М., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Чужестранка

Стрекоза в янтаре

Путешественница

Барабаны осени

Огненный крест

Дыхание снега и пепла

Эхо прошлого

**Написано кровью
моего сердца**

ДИАНА
ГЭБЛДОН

Написано кровью
моего сердца

Москва
2023

Книга 1

Перипетии судьбы

Пролог

В сиянии вечности время не отбрасывает теней.

В Библии сказано: «Вещие сны старцам будут дарованы, и видения – юношам вашим»¹.

А что же снится пожилым женщинам?..

Нам снится наш долг. То, что необходимо делать.

Юным девам этого не дано: они слишком молоды, они спешат испить жизнь, пока та бьет бурным ключом.

Мы же должны беречь источник. Беречь то пламя, что сами некогда зажгли.

...А что вижу я? Все тот же сон, который преследует меня на протяжении долгих лет еще с молодости.

Что я снова стою на пороге войны, не зная ни страны, ни времени, ни пространства, – и мир мой ужаслся до размеров родного лица, залитого кровью.

¹ Книга пророка Иоилия, 2:28 (здесь и далее примечания переводчика).

Часть 1

Узы

Глава 1

Сто фунтов камней

16 июня 1778 года

Где-то в лесу между Филадельфией и Валли-Фордж

Держа камень, Йен Мюррей разглядывал выбранный клочок земли: на крохотной полянке, усеянной мшистыми булыжниками, в стороне от людных троп, под сенью пихт, у самого подножия высокого красного кедра. Здесь не будет случайных прохожих, однако, если знать дорогу, место сыскать легко. Надо ведь будет привезти сюда остальных... свою семью.

Сперва Фергуса. Да, Фергуса прежде всего. Дженни Мюррей его вырастила, другой матери он не знал. Фергус очень ее любил. Может, даже сильнее родного сына...

От этой мысли Йену стало еще горше. Именно Фергус был рядом с матушкой в Лаллиброхе, заботился и о ней, и о поместье, в то время как сам Йен предпочел странствия.

Сглотнув комок, он пристроил камешек на вершину пирамиды и отступил на шаг, недовольно качая головой.

Нет, пирамид должно быть две. Для мамы и для дядюшки Джейми. Они ведь были братом и сестрой, поэтому и оплакивать их надлежит обоим. Пусть сюда приходят и другие, чтобы почтить их память. Джейми Фрэзера многие знали и любили... не то что никому не известную Дженни Мюррей.

При мысли о матери, лежащей в могиле, сердце полоснуло ножом – а потом Йен вспомнил, что у нее и могилы-то нет, и грудь пронзило еще больнее. Перед глазами так и стояло, как они тонут, уходят под воду, но цепляются друг за друга в тщетной надежде спастись...

– *Dhia!*² – рявкнул он, яростно отбрасывая камень – и тут же подбирая другой.

По лицу, смешиваясь с потом, текли слезы. Йен их не стыдился, лишь изредка утирал нос рукавом. Вокруг головы он повязал свернутый жгутом платок, чтобы уберечь глаза от едких капель пота, потому что изрядно взмок, пока таскал камни для двух надгробий.

Отцу они с братьями еще до его смерти возвели высокий курган на кладбище Лаллиброха и увенчали плитой, на которой высекли его имя – полностью, хоть это и обошлось в целое состояние. Потом, на похоронах, каждый член семьи, вплоть до слуг, в знак памяти добавил еще по камешку от себя.

Итак, сперва Йен приведет сюда Фергуса, потом... Хотя нет, о чем он только думает?! Первым делом надо привести тетушку Клэр! Пусть она не шотландка по рождению, но тетушка знает их обычаи и, может, хоть немного утешится, увидев могилу любимого супруга. Да, все верно: сперва тетушку Клэр, потом Фергуса. Фергус ведь приходится дядюшке Джейми приемным сыном, так что у него есть право побывать здесь в числе первых. Потом, наверное, Марсали и детей. Правда, Жермен достаточно взрослый, чтобы прийти вместе с Фергусом... Ему уже десять, пора относиться к мальчику как к мужчине. Да и дядюшке Джейми он приходился внуком. Да, так будет правильно.

Йен выпрямился и, тяжело дыша, смахнул с лица пот. Над ухом надоедливо жужжала мошка, но он, раздевшись до набедренной повязки, натерся медвежьим жиром с мятой по обычаю могавков, и насекомые его не трогали.

² Господи (*гэльск.*).

– Береги их, о дух великого кедра, – сказал он на мохоке, глядя в густую пахучую крону. – Пусть души их будут столь же светлы, как и твоя листва.

Перекрестившись, Йен принялся разгребать лежалые листья. Надо бы добавить в пирамиды еще камней, вдруг животные раскидают. В голове царил сумбур, перед глазами то и дело проносились лица родных и обитателей Риджа... Господи, вернется ли он когда-нибудь в те края?.. А Брианна? Ох, господи, Брианна...

Закусив губу, Йен ощутил на языке терпкий привкус соли. Брианна цела и невредима, она с Роджером Маком и детьми... Хотя, черт побери, как сейчас пригодился бы ее совет. И ее, и Роджера Мака.

К кому теперь обратиться за помощью, за подсказкой?

Тут Йен вспомнил о Рэйчел, и тяжесть в груди ослабла. Да, у него есть Рэйчел. Пусть она совсем молоденькая, ей всего-то девятнадцать, и она квакер, а значит, имеет очень странное представление о некоторых вещах, – и все же Рэйчел дает ему почву под ногами. Йен мечтал, чтобы она осталась с ним... даже после того, как он перед ней исповедуется. Камень на сердце опять потяжелел.

В голове неволью снова всплыл образ кузины. Высокой, длинноносой, крепкой, совсем как ее отец... а вместе с Брианной явился и ее сводный братец. Уильям, черт бы его побрал! Что с ним-то теперь делать? Вряд ли он знает правду: что Джейми Фрэзер – его отец. И как теперь Йену быть? Взять на себя ответственность и самому все рассказать парню? Привести его сюда и объяснить, кого именно он потерял?

Должно быть, Йен застонал вслух, потому что Ролло тревожно вскинул голову.

– Я все равно не знаю, с чего начать, – пожаловался ему Йен. – С Уильямом разберемся как-нибудь потом, хорошо?

Ролло встряхнулся всей мохнатой тушей, отгоняя мух, опустил голову на лапы и сонно притих.

Йен же с утроенными силами взялся за дело в надежде, что тяжкие мысли уйдут вместе со слезами и потом. Остановился, лишь когда заходящее солнце вызолотило вершины каменных пирамид. Однако ощущал он при этом не покой, а лишь бесконечную усталость. Две пирамиды рядышком выросли до колен: небольшие, но крепкие.

Йен замер, ни о чем не думая, просто вслушиваясь в суетливую возню птиц и шепот ветра в кронах деревьев. Затем выдохнул и присел на корточки, погладив макушку одного из надгробий.

– *Tha gaol agam oirbh, a Mhàthair*, – тихо сказал он.

Моя любовь навеки с тобой, мама.

Закрыв глаза, он положил руку на другую грудку камней. Перемазанные в глине пальцы, казалось, могли пробраться напрямик под землю.

Йен застыл, не дыша, потом открыл глаза:

– Прошу, помощи, дядюшка. Боюсь, одному мне не справиться...

Глава 2

Чертов ублюдок

Уильям Рэнсом, девятый граф Элсмир, виконт Эшнесс, барон Дервент продирался сквозь толпу на Маркет-стрит, не обращая внимания на гневные вопли тех, кого он отпихивал локтями.

Уильям не знал, куда идет и что будет там делать. Знал лишь, что если вдруг остановится, то бомбой рванет на месте.

Голова кипела. Все тело тряслось. Рука пульсировала от боли – должно быть, кости сломал... хотя плевать. Сердце рвалось из груди. Ноги... Ноги, черт возьми, так и чесались кого-

нибудь пнуть. Уильям саданул по первому же попавшемуся булыжнику, пинком отправляя его в стаю гусей, а те гневно зашипели и бросились к нему, больно хлопая тяжелыми крыльями.

Во все стороны полетели перья и гусиный помет, прохожие испуганно бросились врассыпную.

– Ублюдок! – завопила пастушка, огрев Уильяма посохом. – Чтоб тебя черти взяли, грязный ты ублюдок!

Остальные подхватили ее вопли. Уильям поспешил укрыться от гусиного гогота и яростных криков в ближайшем проулке.

Потирая звенящее от удара ухо, он зашагал между зданиями. В голове все громче гремело одно лишь слово.

Ублюдок.

– Ублюдок, – сказал он вслух и заорал во всю глотку, заколошматив ладонями по кирпичной стене: – Ублюдок, ублюдок, ублюдок!

– И кто здесь ублюдок? – полюбопытствовал некто у него за спиной.

Обернувшись, Уильям увидел молодую женщину, которая рассматривала его с головы до ног, не скрывая интереса. От ее цепкого взгляда не ускользнули ни тяжело ходящая грудь, ни пятна крови на обшлагах мундира, ни ошметки гусиного помета на штанах. Уделив должное серебряным пряжкам на ботинках, женщина наконец посмотрела ему в лицо.

– Я, – хрипло и горько сообщил Уильям.

– Неужели?..

Она шагнула из дверного проема и встала прямо перед ним. Женщина была довольно высокой, с парой крепких налитых грудок, которые отчетливо прорисовывались под тонким муслином нарядного платья, потому что корсета она не носила. И чепчика тоже – кудри свободно рассыпались по плечам.

Продажная девка.

– Ублюдки мне нравятся... – Она словно мимоходом погладила его по руке. – И какой же ты? Злой? Или порочный?

– Несчастный, – мрачно сообщил Уильям.

Она захохотала, и он нахмурился. Женщина заметила его недовольство, но так легко сдаваться не собиралась.

– Идем. – Она взяла его за руку. – Кажется, тебе не помешает выпить.

Он заметил беглый взгляд на разбитые костяшки его пальцев. Женщина прикусила нижнюю губу мелкими белыми зубками, но не отступила, – и Уильям невольно шагнул за ней в темный проем.

«Да и какая разница? – устало подумал он. – Какая теперь, к черту, разница?»

Глава 3

В которой женщины, как всегда, разгребают последствия

Филадельфия, Честнат-стрит, дом 17

Резиденция лорда и леди Джон Грей

После внезапного бегства Уильяма дом выглядел так, будто в него ударила молния. Да и сама я словно чудом уцелела в грозу: все волоски на теле стояли дыбом, искря от напряжения.

Дженни Мюррей объявилась на пороге сразу же, как только исчез Уильям, – и хотя ее появление потрясло меня куда менее прочих сегодняшних событий, я все равно лишилась дара речи. Разинув рот, я глядела на бывшую невестку... хотя почему бывшую, если Джейми все еще был живой? Живой!

Я обнимала его каких-то десять минут назад, и теперь воспоминание об этом пробило раскатом грома. Кажется, я улыбалась во весь рот, словно дурочка, несмотря на царивший

вокруг хаос, неподобающее поведение Уильяма (если эту дикую вспышку гнева вообще можно так назвать), тревогу за Джейми и некоторые опасения из-за того, что могут сказать Дженни или миссис Фигг, экономка и повариха лорда Джона.

Та – круглая и глянцево-черная – имела обыкновение беззвучно появляться из ниоткуда, словно выкатываясь на колесиках.

– Что тут творится?! – рявкнула она, внезапно возникая за спиной Дженни.

– Мать божья! – развернулась та, прижимая к груди руку. – Ради всего святого, вы еще кто такая?!

– Это миссис Фигг, – сказала я, чувствуя странное желание рассмеяться, несмотря на недавние события (а может благодаря им?). – Повариха лорда Джона Грея. Миссис Фигг, это миссис Мюррей. Моя... э-э-э...

– Твоя невестка, – заявила Дженни и вопросительно приподняла темную бровь. – Так ведь?

Она глядела на меня столь прямо и открыто, что мне расхотелось смеяться, а к глазам подступили слезы. Кто бы мог подумать, что именно Дженни первой предложит перемирие? Глубоко вздохнув, я протянула ей руку.

– Да, конечно.

В Шотландии мы расстались не лучшим образом, но Дженни мне нравилась, и я хотела бы наладить наши отношения.

Ее тонкие пальцы сплелись с моими, сжали их – и все стало просто. Не нужны были никакие слова прощения. Дженни, в отличие от брата, никогда не скрывала своих мыслей. Все, что она думала или чувствовала, тут же отражалось в ее глазах с таким же кошачьим разрезом, как и у Джейми. Теперь она знала обо мне всю правду, знала, что я люблю – всегда буду любить – ее брата всем сердцем и душой...

Даже невзирая на некоторые сложности с моим нынешним семейным положением.

Она вздохнула, на мгновение зажмурившись, потом открыла глаза и улыбнулась, хотя губы у нее чуть заметно подрагивали.

– Что ж, ясно, – только и сказала миссис Фигг.

Прищурившись, она медленно обернулась вокруг себя, озирая панораму разрушений. Перила вверху лестницы были выломаны, на стенах темнели дыры и кровавые пятна, отмечавшие путь Уильяма вниз. По полу рассыпались осколки хрустальной люстры, поблескивая в ярком свете, льющемся в дверной проем. Сама дверь пьяно болталась на одной петле.

– Вот так *merde*³, – пробормотала миссис Фигг и внезапно уставилась на меня, щуря черные бусины глаз. – А его светлость где?

– О... – только и выговорила я. Кажется, объяснить это будет непросто. Многие недолюбливали Джона Грея, однако миссис Фигг была привязана к нему всей душой. И она не обрадуется, узнав, что его похитили, причем не кто иной, как...

– Если уж на то пошло, где мой брат? – вмешалась Дженни, оглядывая комнату, словно ожидая, что Джейми прячется где-то за диваном.

– Э... – выдавила я. – Хм... Ну...

Объяснить будет очень и очень непросто. Потому что...

– И где мой малыш Уильям? – перебила ее миссис Фигг, принохиваясь. – Он был здесь только что, я чувствую запах его одеколона.

Она неодобрительно поддела ногой кусочек штукатурки.

Я набрала полную грудь воздуха и призвала на помощь остатки самообладания.

– Миссис Фигг, вас не затруднит сделать нам по чашечке чаю?

³ Дерьмо (фр.).

* * *

Мы устроились в гостиной, а миссис Фигг то и дело сновала в кухню, присматривая за черепаховым супом.

– Вы же не хотите, чтобы я его подпалила? – приговаривала она, ставя перед нами чайник в желтом чехле. – Тем более с таким количеством хереса, совсем как любит его светлость. Почти целая бутылка ушла – это ж будет пустой перевод прекрасного напитка!

У меня екнуло сердце. С черепаховым супом и хересом в моем сознании связаны стойкие ассоциации: Джейми в лихорадочном бреде и корабельная качка в такт страстному соитию. Развратные мысли никоим образом не вязались с серьезностью предстоящего разговора. Я потеряла лоб, пытаюсь развеять туман в голове. Казалось, воздух в доме все еще потрескивает, как при грозе.

– Херес был бы весьма кстати, – сказала я. – Или, может, любое другое вино на ваш выбор, миссис Фигг.

Она присмотрелась ко мне, кивнула и выудила из буфета графин.

– Бренди куда лучше.

Дженни взглянула на меня так же задумчиво – и от души плеснула бренди сперва в мою чашку, потом себе.

– На всякий случай, – заявила она, приподнимая бровь, и мы дружно пригубили чай.

Наверное, мне не помешало бы выпить чего покрепче, чтобы успокоить расшалившиеся нервы, – например, лауданум или пару глотков чистейшего виски, но и душистый чай, щедро сдобренный бренди, приятно согревал изнутри.

Дженни опустила чашку и выжидающе на меня уставилась.

– Итак... Нам предстоит разгрести последствия?

– Да, пожалуй.

Глубоко вздохнув, я вкратце поведала о событиях минувшего утра.

Дженни моргнула раз, другой и покачала головой, словно пытаюсь выбросить из нее услышанное.

– Итак, Джейми сбежал с твоим лордом Джоном, за ними гонятся британские солдаты; тот высокий парнишка, который едва не сбил меня с ног, это сын Джейми... Хотя конечно же, только слепой не догадался бы... Ах да, еще весь город наводнен англичанами. Я ничего не пропустила?

– И вовсе он не мой лорд Джон, – пробурчала я. – Но это к слову... Я так понимаю, Джейми рассказывал тебе про Уильяма, верно?

– Да, рассказывал... – Она усмехнулась над чашкой. – И я за него очень рада. Но что стряслось с парнишкой? Выглядел он так, будто перешел дорогу медведю.

– Что вы сказали?! – резко воскликнула только что вошедшая миссис Фигг. Она со звоном опустила поднос, и серебряный молочник с сахарницей грохнулись, словно пара кастаньет. – Чей он сын?!

Я сделала большой глоток крепкого чаю. Миссис Фигг знала лишь, что я была замужем за Джейми Фрэзером (и вроде как овдовела). На этом все.

– Он... Хм. – Я откашлялась, чтобы хоть на секунду перевести дух. – Э-э-э... того высокого джентльмена с рыжими волосами, который был здесь только что. Вы же его видели?

– Видела, – медленно кивнула миссис Фигг, не спуская с меня глаз.

– Хорошо его разглядели?

– Лицо я не рассматривала, но вот задницу оценила, когда он, спросив, где вас найти, промчался мимо по лестнице.

– Должно быть, с той стороны сходство не столь явное. – Я снова глотнула чаю. – В общем... этот джентльмен – Джеймс Фрэзер. Мой... хм... мой...

«Первый муж» не совсем точно, «последний» – тем более. Не «очередным» же его называть... Я решила зайти с другой стороны.

– Мой муж. И... он отец Уильяма.

Миссис Фигг беззвучно разинула рот. Попятилась и осела на мягкий пуфик.

– Уильям знает? – спросила она после минутного замешательства.

– Теперь да.

Я красноречиво указала рукой на разруху в прихожей, отчетливо видимую даже из гостиной, где мы сидели.

– Вот *merde!*.. Я хотела сказать, смилуйся над нами, Агнец Божий.

Второй супруг миссис Фигг был проповедником, и она старалась его не срамить, но порой прорывалось наследие первого мужа – французского картежника.

Она хищно уставилась на меня:

– А вы его мать?

Я поперхнулась чаем и кое-как вытерла салфеткой губы.

– Нет. Все не так плохо.

В реальности дела обстояли хуже некуда, но я не собиралась делиться ни с невесткой, ни тем более с экономкой всеми подробностями происхождения на свет бедного парнишки. Джейми наверняка рассказывал сестре о матери Уильяма, хотя вряд ли признался, что Женева затащила его в постель силком, угрожая расправой с близкими. Ни один мужчина в здравом уме и рассудке не скажет, будто его шантажировала восемнадцатилетняя девочка.

– Лорд Джон стал опекуном Уильяма, когда умер его дед. Примерно в то же время лорд Джон женился на леди Исобель, тетушке Уильяма. Именно она и воспитывала мальчика после смерти его матери. По сути, они с лордом Джоном заменили Уильяму родителей. Иsobель умерла, когда ему было лет одиннадцать.

Миссис Фигг выслушала мои объяснения, но от главной темы отвлекаться не спешила.

– Джеймс Фрэзер... – сказала она, складывая руки на коленях и осуждающе глядя на Дженни. – Как так вышло, что он жив? Говорили ведь, он утонул. – Она перевела взгляд на меня. – Я думала, его светлость сам утопит в гавани, когда ему сказали.

Я зажмурилась, невольно содрогнувшись, – при одной этой мысли накатывал ледяной ужас. Даже зная, что Джейми жив, до сих пор чувствуя на себе его руки, я все равно испытывала мучительную боль недавней потери.

– Что ж, кажется, я сумею просветить вас хотя бы в этом вопросе. – Дженни, опуская кусочек сахара в свою чашку, кивнула миссис Фигг. – Мы... то есть я и мой брат, оплатили проезд из Бреста на судне под названием «Эвтерпа». Однако этот бессердечный воришка, капитан, уплыл без нас. И, увы, его ждала незавидная участь... – мрачно добавила она.

Да уж, и впрямь незавидная... «Эвтерпа» затонула в Атлантике со всем экипажем. По крайней мере, так сообщили мне и лорду Джону.

– Джейми нашел другой корабль, но тот доставил нас только до Виргинии, а оттуда пришлось ехать через все побережье. Где на повозке, где на лодке, стараясь, ко всему прочему, не попадаться солдатам на глаза. Кстати, те иголки, что ты дала Джейми против морской болезни, сотворили настоящее чудо! Он показывал мне, как их правильно ставить. Вчера вечером мы наконец прибыли в Филадельфию, но до типографии Фергуса пришлось пробираться тайком, как паре воришек. Господи, мне раз десять казалось, что меня вот-вот от ужаса удар хватит!

Дженни улыбнулась. Надо же, она стала совсем другой. На лице все еще лежит тень печали, к тому же за время странствий невестка сильно исхудала, но страшная тяжесть, давившая на нее последние дни мучительной кончины ее мужа, вдруг исчезла. На щеках снова

заиграл румянец, в глазах вспыхнул огонек. Такой я не видела ее уже лет тридцать. Кажется, Дженни обрела покой – и я была этому безмерно рада.

– ... Так что Джейми добрался до черного хода, но нам никто не открыл, хотя мы видели за ставнями свет. Он снова постучал, как-то по-особому...

Она выбила костяшками по столу ритм – бамп-ба-да-бамп-ба-да-бамп-бамп-бамп, – и у меня перевернулось сердце: я узнала мелодию из «Одинокого рейнджера», которой научила его Брианна.

– Через минуту какая-то женщина крикнула: «Кто там?» А Джейми на гэльском ответил: «Твой отец, дочка, и он изрядно промок и оголодал». Дождь весь день лил как из ведра, и мы оба вымокли до нитки.

Дженни расправила плечи, явно наслаждаясь ролью рассказчицы.

– Тогда дверь самую малость приоткрывается, а за ней стоит Марсали с пистолетом напояс. А рядом с ней – две дочки: свирепые, как ангелы смерти, у каждой по полену – так и готовы забить незадачливого воришку до полусмерти. Тут они видят Джейми и все трое визжат как сумасшедшие. Хватают его, затаскивают в дом, что-то вопят, радуются, спрашивают, не призрак ли он, почему не утонул... Мы только тогда и узнали, что «Эвтерпа» ушла на дно. – Дженни перекрестилась. – Упокой Господь их несчастные души.

Я тоже перекрестилась под пристальным взглядом миссис Фигг – она и не знала, что я католичка.

– Я, конечно, тоже зашла вслед за ними, – продолжала Дженни. – Но там все мечутся, кричат, ищут сухую одежду, греют поскорее воду, а я стою и оглядываюсь – никогда ведь прежде не бывала в типографии. Там так странно пахнет бумагой и чернилами. Я аж засмотрелась и вдруг чувствую, как меня кто-то дергает за юбку. Опускаю голову – а там вот такой крошка глядит на меня и спрашивает: «Мадам, а вы кто? Хотите сидру?»

– Анри-Кристиан, – пробормотала я, с улыбкой вспоминая младшего сына Марсали.

Дженни кивнула.

– Вот я и говорю: «Я твоя бабушка Дженни», – а он глаза как распахнет, потом завизжал и кинулся мне на руки. Я от неожиданности даже упала, хорошо, сзади кушетка стояла. У меня теперь на заднице синяк размером с руку, – добавила она полушепотом.

Я украдкой перевела дух. Дженни, конечно же, знала, что Анри-Кристиан родился карликом: но все-таки одно дело – знать умом, и совсем другое – принять сердцем. Судя по всему, последнее ей тоже удалось.

Миссис Фигг с интересом прислушивалась к ее рассказу, но любопытствовать не спешила. При упоминании типографии она, однако, встрепенулась.

– Эти люди... Марсали – она же ваша дочь, да, мадам?

Я понимала, к чему она клонит. Весь город, оккупированный британцами, знал, что Джейми Фрэзер – мятежник; значит, и я тоже. Собственно, поэтому Джон и поспешил со свадьбой: потому что мне грозил арест. Да и в типографии нынче работать опасно: у властей неизбежно вставал вопрос, что за литература там печатается?

– Нет, ее муж – приемный сын моего брата, – пояснила Дженни. – Но я растила Фергуса с ранних лет, так что по нашим традициям он приходится приемным сыном и мне.

Миссис Фигг моргнула. До этого момента она еще старалась держать лицо, но теперь затрясла головой так, что заколыхались розовые ленты чепчика.

– Ну и куда, черт возьми... Я хотела сказать, куда, ради всего святого, ваш брат утащил его светлость?! В ту самую типографию?

Мы с Дженни обменялись взглядами.

– Вряд ли, – ответила я. – Скорее, он отправился куда-нибудь за город, а Джон... простите, его светлость будет заложником на тот случай, если им вдруг повстречаются солдаты. Думаю, Джейми его отпустит, как только они отъедут подальше от Филадельфии.

Миссис Фигг неодобрительно хмыкнула.

– А может, отправится напрямик в Валли-Фордж и передаст его мятежникам.

– Ох не думаю, – примиряюще вставила Дженни. – Зачем он им сдался, в конце концов?

Миссис Фигг удивленно вытаращила глаза – она-то почитала его светлость персоной воистину бесценной, – но затем, все-таки смирившись, поджала губы.

– Он ведь даже мундир не надел, да, мадам? – уточнила она, хмуря лоб.

Я покачала головой. Джон не вернулся к воинской службе. Он был дипломатом и, хотя формально все еще считался подполковником в полку его брата, мундир надевал лишь на торжественные мероприятия. В общем, будучи в штатском, для солдат Вашингтона он вообще не представлял никакой ценности.

К тому же Джейми никак не мог уехать в Валли-Фордж. В этом я была абсолютно уверена. Он вот-вот вернется. Сюда. За мной!

В животе потеплело, и волна жара распространилась по всему телу, заставляя смущенно спрятать нос в чашку с чаем.

Живой! Я баюкала это слово в самом сердце. Джейми живой. Как я ни радовалась встрече с невесткой – и особенно тому, что она протянула оливковую ветвь мира, – но более всего мне хотелось подняться в спальню, закрыть дверь и прислониться к стене, вновь переживая секунды, когда Джейми вошел в комнату, обнял меня и прижал к себе, осыпая поцелуями, – такой теплый, твердый, *настоящий*, что не будь опоры, я не устояла бы на ногах.

«Живой», – повторила я тихо про себя. Он живой.

А все остальное не важно.

Хотя интересно, что он и впрямь сделает с Джоном?

Глава 4

Не задавай вопросов, если не хочешь услышать ответ

Где-то в лесу

В часе езды от Филадельфии

Джон Грей смиренно ждал смерти. С того самого момента, как открыл рот и выпалил: «Я вступил в интимные отношения с вашей супругой». Единственное, он не знал, пристрелит его Фрэзер, зарежет или придушит голыми руками?

Услышать, как в ответ оскорбленный муж спокойно произносит: «Да? А зачем?» – было не то что неожиданно, но и даже как-то... постыдно. Совершеннейший позор.

– Зачем? – растерянно переспросил Грей. – Вы сказали «зачем»?

– Да. Хотелось бы узнать.

Теперь, открыв оба глаза, Грей видел, что Фрэзер не так спокоен, как казалось. На виске у него нервно бился пульс, и он переступал с ноги на ногу, как перед дракой в таверне, – не то чтобы собираясь нанести первый удар, но готовый его встретить. И Грею, как ни удивительно, полегчало.

– Что значит «зачем»? – раздраженно поинтересовался он. – И почему вы, черт возьми, живы?!

– Порой я и сам этому удивляюсь, – спокойно ответил Фрэзер. – Полагаю, вы сочли меня мертвым?

– Да, и ваша супруга – тоже! Вы хоть представляете, каково ей пришлось?!

Синие глаза самую малость прищурились.

– Хотите сказать, узнав о моей смерти, она настолько повредила умом, что силой затащила вас в постель? Поскольку... – он вскинул руку, обрывая горячие протесты Грея, – это потребовало бы немалых усилий от женщины, если только меня не ввели в заблуждение относительно ваших предпочтений. Или я ошибаюсь?

Грей какое-то время молча глядел в узкие глаза. Потом зажмурился и потер ладонями лицо, словно надеясь избавиться от этого кошмара.

– Нет, вас не ввели в заблуждение, – процедил он. – Но вы ошибаетесь.

Фрэзер вскинул брови – кажется, в искреннем изумлении.

– Вы что, сами ее захотели?! – невольно воскликнул он. – И она позволила? Быть того не может!

У Фрэзера медленно наливалась краской загорелая шея. Грей и прежде видел, как такое случается, и потому опрометчиво решил, что в его обстоятельствах лучшая защита (точнее, единственно возможная) – это нападение. Поэтому он дал себе волю.

– Мы думали, что ты, чертов ублюдок, умер! – заорал он. – Оба! Что ты мертв! И мы как-то напились... вечером... сильно напились! Стали говорить о тебе... и... Будь ты проклят, мы не друг с другом спали – мы оба трахались с тобой!

Фрэзер оторопело разинул рот. Грей порадовался было его изумленной гримасе, но тут здоровенный кулак врезался ему в живот, и Грей, покачнувшись, отступил на пару шагов, упал и скорчился в траве, напрасно силясь вдохнуть.

Да, все верно. Его удавят голыми руками.

Грея сгребли за шиворот и рывком вздернули на ноги. Он кое-как встал, и струйка воздуха просочилась в легкие. Фрэзер стоял близко – очень близко, их лица разделял какой-то дюйм, Грей не видел даже его гримасы – только пару налитых кровью синих глаз, полных ярости. «Вот и все», – спокойно подумалось ему.

Еще немного – и конец.

– Ты расскажешь все, что у вас было, долбаный ты извращенец... – прошипел Фрэзер, обдавая Грея горячим дыханием с запахом эля. – Повторишь каждое слово. Опишешь каждый жест. Каждый!

Грею хватило воздуха выдавить:

– Нет... Просто убей меня.

* * *

Фрэзер встряхнул его с такой силой, что зубы клацнули, прикусывая язык. Грей сдавленно застонал – и получил еще один удар, на сей раз прямоком в левый глаз. Он снова упал, перед взором заплясали цветные пятна и черные точки, а в нос шибануло острым запахом сырой листвы. Фрэзер опять поставил его на ноги – но вдруг замер, по-видимому, обдумывая, как лучше продолжить экзекуцию.

Пауза затягивалась. За грохотом крови в ушах и свистящим дыханием соперника Грей ничего не слышал. Когда же рискнул приоткрыть один глаз, чтобы посмотреть, откуда ждать очередного удара, то увидел человека. Из кустов на них таращился грязный оборванец в драной охотничьей рубашке.

– Джетро! – проревел незнакомец, поудобнее перехватывая ружье.

Из-за деревьев показались другие люди. Некоторые были в солдатской униформе (точнее в ее остатках), но большинство – в обычных домотканых тряпках, и почти все носили вязаные шапки, плотно облегавшие лоб и уши, отчего Джону сквозь слезы они показались похожими на живые пушечные ядра.

На странных головных уборах, связанных, скорее всего, женами, были вышиты крупные буквы: «СВОБОДА» и «НЕЗАВИСИМОСТЬ», а на одной красовалось хищное «УБЕЙ» (должно быть, рукодельница была особенно кровожадной). Носил ее мужчина тощий и низкорослый, в очках с одной разбитой линзой.

Фрэзер, вскинувшийся при звуке чужих шагов, кружил теперь на месте, словно загнанный собаками медведь. Пришельцы остановились на безопасном расстоянии.

Грей прижал руку к отбитой печенке и перевел дух. Воздух еще пригодится.

– Кто такие? – заносчиво спросил один из мужчин, ткнув в сторону Джейми концом длинной палки.

– Я полковник Джеймс Фрэзер из стрелков Моргана, – холодно отозвался тот, словно не замечая палку. – А вы кто?

Мужчина смутился было, но тут же снова расправил плечи.

– Капрал Джетро Вудбайн. Рейнджеры Даннинга, – грубо ответил он и мотнул головой, указывая на своих товарищей, успевших окружить полянку. – А ваш пленник – он кто?

У Грея свело живот, что, учитывая состояние печенки, было весьма мучительно. Он процедил сквозь зубы, не дожидаясь ответа Джейми.

– Я лорд Джон Грей. Если вам это о чем-нибудь говорит.

Он лихорадочно обдумывал, с кем больше шансов уцелеть: с Джеймсом Фрэзером или этой шайкой оборванцев? Да, конечно, еще пару минут назад он смиренно ждал смерти, но теперь предпочел бы отложить кончину до лучших времен.

Люди опешили, услышав громкий титул, и зашептались, с сомнением на него косясь.

– На нем нет формы, – вполголоса заметил кто-то. – Он точно из офицеров? Иначе зачем он нам сдался?

– Раз полковник Фрэзер взял его в плен, полагаю, у него были на то причины, – громко объявил Вудбайн, вновь обретя уверенность в себе. Он вопросительно уставился на Джейми, но тот не ответил, глядя только на Грея.

– Он офицер!

Все обернулись в сторону говорившего. Им оказался тот самый коротышка в разбитых очках, который, придерживая их на носу, сквозь уцелевшую линзу разглядывал Грея. Наконец он кивнул и повторил уже увереннее:

– Офицер как есть. Я видел его в Филадельфии, он стоял на крыльце дома по Честнат-стрит – собственной персоной, в мундире с иголки. Офицерском, – зачем-то уточнил он.

– Он больше не служит, – отрезал Фрэзер, буравя взглядом коротышку.

– Я его видел, – не сдавался тот. – Ясно как божий день. В мундире с золотыми позументами, – чуть слышно добавил он, опуская глаза.

– Хм. – Джетро Вудбайн приблизился к Грею, пристально его оглядывая. – А вам есть что сказать, лорд Грей?

– Лорд Джон, – сердито поправил тот, сплевывая мелкие кусочки листьев. – Я не пэр, в отличие от старшего брата. Грей – моя фамилия. И да, я офицер. По-прежнему имею воинское звание, хотя со службы уволился. Этого вам достаточно или мне рассказать, что я сегодня ел на завтрак?

Он намеренно злил бродяг, решив, что лучше уж в компании Вудбайна отправиться на суд конфедератов, чем стоять здесь с Джеймсом Фрэзером. Тот хищно следил за ним из-под опущенных век. Грею безумно хотелось отвести взгляд.

«Это правда! – с вызовом думал он. – Я сказал тебе чистую правду. И ты это знаешь».

«Да, – отвечал тот взглядом. – И ты думаешь, я успокоюсь?»

– Он больше не служит, – повторил Фрэзер, сознательно поворачиваясь к Грею спиной. – И я взял его в плен, чтобы задать кое-какие вопросы.

– Это какие, например?

– А это уже не ваша забота, мистер Вудбайн, – ответил тот вроде бы не громко, но со сталью в голосе.

Джетро Вудбайн, однако, был не из дураков или трусов.

– Как-нибудь сам разберусь... Сэр, – добавил он после заметной паузы, – откуда нам знать, что вы тот, кем назвались, а? Формы на вас нет... Эй, парни, кто-нибудь прежде его встречал?

Мужчины недоуменно переглянулись. Кое-кто качнул головой.

– Что ж, – приободрившись, продолжил Вудбайн. – Раз не можете подтвердить свою личность, то мы заберем вашего пленника в лагерь для допроса... – Он вдруг хищно осклабился, словно в голову пришла удачная мысль. – А может, стоит допросить и вас?

Фрэзер замер, глядя на Вудбайна, как тигр на ежа: вроде бы можно слотнуть его одним махом, но стоит ли царапать горло колючками?

– Забирайте. – Он отступил от Грея. – А я займусь своими делами.

Вудбайн, приготовившись уже к отпору, недоуменно моргнул и поднял свою дубину, но так ничего и не сказал, когда Фрэзер зашагал к краю поляны. Под самыми деревьями тот обернулся и смерил Грея черным взглядом.

– Мы, сэр, еще не закончили.

Грей выпрямился, невзирая на боль в печени и слезы, непрерывно текущие из разбитого глаза.

– Я, сэр, всегда к вашим услугам, – огрызнулся он.

Фрэзер, посмотрев на него напоследок, развернулся, словно забыв про Вудбайна и его людей. Мужчины выжидающе уставились на капрала, переминавшегося с ноги на ногу.

Грей, в отличие от него, нерешительности не испытывал. Прежде чем высокий силуэт окончательно растворился в зеленых тенях, он сложил руки и заорал вслед:

– И мне ни черта не жаль!..

Глава 5 Страсти молодых мужчин

Пока я вкратце рассказывала, при каких трагичных обстоятельствах Уильям узнал о своем происхождении, Дженни больше тревожилась о другом.

– Ты, случайно, не знаешь, где Йен? – нетерпеливо спросила она. – Нашел ли он ту девочку-квакера, о которой постоянно твердил отцу?

Я выдохнула: что ж, хотя бы эти двое, Йен и Рэйчел Хантер, слава Господу, не натворили дел. По крайней мере, пока.

– Нашел. Что до того, где он... Я уже пару дней его не видела, но он частенько пропадает на неделю-другую. Йен порой помогает солдатам Вашингтона с разведкой, хотя сейчас, после зимовки в Валли-Фордж, в этом практически нет нужды. И вообще он почти все время проводит в лагере Континентальной армии, чтобы быть поближе к Рэйчел.

Дженни недоуменно округлила глаза:

– Женщина – в военном лагере? Что ей там делать?! И разве квакеры не отвергают войну и всяческое насилие?

– Вообще-то, да. Но ее брат, Дензил – военный хирург, притом настоящий, не то что всякие шарлатаны с пиявками, которые обычно прибиваются к армии. Он живет в Валли-Фордж с прошлого ноября. Рэйчел иногда приезжает в Филадельфию; кордоны пропускают ее без лишних вопросов, поэтому она тайком проносит солдатам еду. Но куда чаще просто помогает Денни в его работе, ухаживает за пациентами.

Дженни взволнованно подалась вперед:

– Расскажи о ней... Хорошая ли девушка? Как думаешь, она Йена любит? Муж говорил, наш мальчик от нее без ума... Но беда в том, что Йен с ней ничего не обсуждал, поэтому непонятно, что она об этом думает. Сумеет ли смириться с тем... какой он есть. – Дженни взмахнула рукой, одним жестом описывая Йена-младшего: горца по рождению, воина-могавка по воспитанию. – Одному богу известно, что за квакер из него получится. Надеюсь, Йен это и сам понимает...

Я рассмеялась, хотя, в общем-то, союз Йена и Рэйчел сулил немало проблем. Не знаю, как Религиозное общество Друзей отнесется к подобному браку... Скорее всего, с немалым скепсисом. Хотя кто их знает, эти квакерские обычаи.

– Она славная девочка, – заверила я Дженни. – Рассудительная, талантливая и по уши влюблена в Йена... правда, вряд ли в этом признается.

– А, ясно! А ее родители что думают?

– Они оба умерли, когда она была еще совсем крошкой. Воспитывалась у одной вдовы, а потом, лет в шестнадцать, перебралась под крыло к брату.

– Вы об этой маленькой квакерше? – Миссис Фигг внесла вазу с летними розами, пахнущими миррой и сахаром. Дженни вдохнула их аромат и выпрямила спину. – Мерси Вудкок души в ней не чаёт. Та всегда к ним заглядывает, чтобы поведать того юношу.

Дженни недоуменно сдвинула брови.

– Какого еще юношу?

– Генри, кузена Уильяма, – поспешила я объяснить. – Мы с Дензилом оперировали его зимой. Рэйчел хорошо знакома с обоими – и Уильямом и Генри, поэтому любезно навещает нашего бывшего пациента. А миссис Вудкок – его домовладелица.

Кстати, неплохо бы тоже поведать парнишку. Ходят слухи, британцы покидают город. Надо бы удостовериться, что юноша перенесет дальнюю дорогу. Когда я навещала его на прошлой неделе, он едва ходил, притом опираясь на руку Мерси Вудкок.

А что теперь будет с самой миссис Вудкок?.. Ведь глубокая сердечная привязанность, которая возникла между темнокожей женщиной и ее аристократом-квартирантом, видна невооруженным глазом. Мужа Мерси я встречала в прошлом году при отступлении из Тикондероги, тогда он был тяжело ранен. Раз с тех пор о нем ничего не слышно, значит, все-таки умер или попал к британцам в плен.

И даже если Уолтер Вудкок воскреснет из мертвых (чудеса все-таки случаются, и мой муж тому пример), это еще не худшая из бед. Я, например, и представить не могу, как воспримет новости старший брат Джона, сиятельный герцог Пардлоу. Чтобы его сын – и женился вдруг на вдове плотника... к тому же негритянке!

Тем более его дочь, Дотти, тоже подалась в квакеры: она заключила помолвку с Дензилом Хантером... и, кажется, эту весть герцогу тоже сообщать не торопились. Даже Джон, человек азартный и питающий особую страсть к всяческим пари, не рискнул предположить, чем все обернется.

Я потрясла головой, выбрасывая лишние мысли: все равно от меня ничего не зависит. Пока думала о своем, миссис Фигг и Дженни успели обсудить Уильяма и его внезапный побег из дома.

– Интересно, куда он направился?

Миссис Фигг с тревогой глянула на стены, испещренные вмятинами от кулаков.

– Скорее всего, туда, где можно напиться, подраться или найти себе женщину, – уверенно заявила Дженни: в ней говорил опыт жены, сестры и матери нескольких сыновей. – А может, все сразу.

Элфрет-Элли

До вечера было еще далеко, и в доме царила тишина. Лишь изредка из других комнат доносилась приглушенная женская болтовня. Гостиная тоже оказалась пуста, как и коридор и лестница на второй этаж, куда шлюха увлекла за собой Уильяма. Он будто бы стал невидимкой. Вот и славно, не хватало только сейчас чужих взглядов.

Женщина прошла вперед и распахнула в спальне окно. Уильям хотел было повелеть, чтобы она опять захлопнула ставни: на свету он чувствовал себя голым. Но в городе царило лето, жара и духота, и он изрядно взмок. А в открытое окно задувал ветер, сладко пахну-

щий древесным соком и недавним дождем, и зачесанные волосы женщины блестели на солнце, будто листья конского каштана.

– Ну же! – оживленно объявила она, широко улыбаясь. – Снимай пальто и жилет, пока не задохнулся.

Не дожидаясь ответа, женщина взяла кувшин, наполнила из него небольшой тазик и жестом пригласила Уильяма к умывальнику, где на потертой древесине уже лежало полотенце и истончившийся обмылок.

– Я принесу выпить, хорошо?

И она выскочила, звонко шлепая босыми ногами по ступенькам.

Уильям стал раздеваться. Глупо уставился на тазик, но потом вспомнил, что в самых дорогих борделях сперва надлежит омыть некоторые части тела. Он уже сталкивался с таким обычаем, правда, в тот раз шлюха купала его сама, и благодаря теплой воде и скользкому мылу первый раз все случилось прямо на умывальнике.

Кровь в жилах забурлила, и Уильям дернул застёжки на брюках, обрывая пуговицы. Его все еще потряхивало, но теперь пульсация стекала в одно место ниже пояса.

Руки защипало, и он ругнулся, вспомнив, как разбил в кровь пальцы, выбегая из дома отца... хотя нет, не отца. Чертова лорда Джона!

– Ты долбаный ублюдок, – прошипел он вполголоса. – Ты знал, знал все с самого начала!

И это приводило Уильяма в бешенство не меньше, чем новости о внезапно объявившемся родителе. Его отчим, человек, которого он боготворил, которому верил как никому на этой земле – чертов лорд Джон Грей – всю жизнь ему врал!

Все ему ввали.

Все!

А теперь под ногами словно проломился лед и Уильям ухнул в замерзшую реку. Его – одинокого, беспомощного – затягивало в черный омут, и сердце сковывал дикий холод.

Услышав сзади шум, он обернулся. Шлюха изумленно вытаращила глаза, и Уильям лишь сейчас понял, что плачет – горько, безудержно; слезы текут по щекам и каплют на полувозбужденный член, торчащий из штанов.

– Уходи, – выдавил он.

Она не послушалась, напротив, шагнула ближе, держа в одной руке графин, а в другой – пару оловянных чаш.

– Эй, все хорошо? Вот, выпей. И можешь все-все мне рассказать.

– Нет!

Женщина снова шагнула к нему. Сквозь пелену в глазах он увидел, как у нее дрожат губы: она заметила торчащий член.

– Вообще-то я имела в виду, чтобы ты свои бедные руки вымыл. – Она с трудом сдерживала смех. – Но, как вижу, ты настоящий джентльмен.

– Не смей так говорить!

Она моргнула.

– Я что, тебя этим оскорбила?

Уильям в ярости кинулся на нее и выбил графин из руки. Тот разлетелся осколками стекла и брызгами дешевого вина. Красные капли попали женщине на юбку, и та завизжала:

– Ах ты, ублюдок!

Замахнувшись, она швырнула в него чашками. Они с грохотом покатались по полу. Девушка же повернулась к двери и заорала: «Нед! Нед!»

Уильям схватил ее. Просто чтобы она замолчала и не переполошила весь дом. Он зажал ей рот, оттащил от двери и свободной рукой перехватил оба запястья.

– Прости... Прости... – забормотал он. – Я не хотел... правда, не хотел. Ай, вот черт!

Женщина вдруг саданула его локтем по носу, и Уильям отшатнулся, прижимая руку к лицу. Сквозь пальцы хлынула кровь.

На щеках женщины проступали красные следы от его пальцев. Глаза у нее были бешеными. Она попятилась, утирая лицо ладонью.

– Уби... райся! – выдохнула она.

Повторять не пришлось. Уильям бросился мимо нее, едва не снеся с лестницы богато одетого мужчину, поднимавшегося на второй этаж, и выскочил на улицу. И лишь оказавшись в проулке, понял, что стоит в одной рубашке с расстегнутыми штанами, а жилет с мундиром остались в борделе.

– О, Элмир! – раздался из-за спины чей-то бас.

Уильям повернул голову и в ужасе увидел нескольких англичан-офицеров, среди которых был Александр Линдсей.

– Черт возьми, Элмир, что с вами стряслось?!

Сэнди, как и надлежит хорошему другу, уже вытаскивал из рукава пышный платок. Он прижал его к носу Уильяма, заставляя того запрокинуть голову.

– Вас что, ограбили?! – возмутился кто-то еще. – Господи! Не город, а настоящая дыра!

В обществе собратьев-офицеров Уильяму полегчало. И это было странно. Он ведь больше не один из них. Уже нет.

– Так что случилось? Неужто и впрямь ограбили? Уж поверьте, мы найдем этих ублюдков, честью клянусь! Вернем ваше имущество до последнего пенни и проучим хорошенько этих мерзавцев!

Кровь с железным привкусом стекала в горло. Уильям, закашлявшись, кивнул и одновременно пожал плечами. Да, его ограбили, обобрали до последней нитки. Но похищенного уже не вернуть.

Глава 6 Под моей защитой

Колокол пресвитерианской церкви в двух кварталах отсюда прозвонил, возвещая, что уже половина второго, и желудок у меня заворчал, напоминая, что сегодня я так и не пообедала.

Дженни перекусила с Марсали и Фергусом, но от яичницы все равно не отказалась, поэтому я попросила миссис Фигг организовать нам полдник, и через двадцать минут мы пообедали (не забывая, само собой, о манерах) жареными сардинами, яйцами всмятку и – за неимением пирога – блинчиками с маслом и медом. Их Дженни никогда прежде не пробовала, но блюдо пришлось ей по вкусу.

– Только погляди, как сочится сиропом! – воскликнула она, придавливая вилкой ноздреватый кусочек лепешки. – Совсем на блинчик не похоже!

Она оглянулась украдкой и, перегнувшись через стол, прошептала:

– Как думаешь, если хорошенько попросить, мне дадут рецепт?

Ее прервал осторожный стук в разломанную дверь. На пестрый брезентовый коврик упала длинная тень. Возле порога гостиной стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу, молодой британский лейтенант.

– Где мне найти подполковника Грея? – с надеждой спросил он, глядя между мной и Дженни.

– Его светлости нет дома, – как можно спокойнее ответила я. Интересно, сколько еще раз придется повторить эти слова?

– О... – Юноша заметно стушевался. – А не подскажете, где он, мэм? Полковник Грейвс уже давно прислал ему записку, велел подполковнику Грею явиться к генералу Клинтону. И теперь генерал... м-м-м... интересуется, почему подполковник еще не прибыл.

– А. – Я переглянулась с Дженни. – Ну... Боюсь, его светлость вызвали по одному срочному делу прежде, чем он получил послание.

Должно быть, речь о той самой записке, которую Джон читал перед тем, как Джейми восстал из могилы. Он взглянул на нее мельком, а потом зачихал в карман.

Лейтенант вздохнул, но сдаваться не спешил.

– Ясно, мэ. Если вы скажете, где сейчас его светлость, я поеду за ним. Вернуться один я никак не могу.

Скорчив умиленную гримасу, он горестно на меня уставился.

Я, прищурившись, улыбнулась в ответ.

– Увы, я и впрямь не знаю, где он.

И встала в надежде выставить незваного гостя за дверь.

– Мэм, просто скажите, в какую сторону он поехал, я сам его разыщу, – упрямо ответил тот.

– Он не говорил.

Я шагнула вперед, но юноша стоял на месте. То, что начиналось как легкий абсурд, грозило вылиться в серьезные неприятности. Я встречала генерала Клинтонна на Мискьянце (Господи, неужто прошло несколько недель? а как будто целая жизнь...), и он произвел на меня благоприятное впечатление, но вряд ли можно рассчитывать, что он всегда будет со мной любезен. Генералы пекутся прежде всего о своих собственных интересах.

– Вы же знаете, его светлость давно уволился со службы, – сказала я в слабой попытке унять ретивого гостя.

Тот удивленно вытаращил глаза:

– Нет же, мэ. Полковник ведь прислал ему уведомление сегодня утром.

– Что? Простой полковник же не может... Или все-таки может?

По спине у меня вдруг поползли мурашки.

– Что такое, мэ?

– Просто... просто взять и призвать человека на службу.

– О, нет, не может, мэ, – заверил тот. – Его призвал командующий полка. Герцог Пардлоу.

– Иисус твою Рузвельт Христос!

Я упала в кресло.

Дженни украдкой хихикнула в салфетку. Она не слышала от меня этой фразы уже четверть века, не меньше. Я хмуро на нее покосилась: сейчас не время для ностальгических воспоминаний.

– Ладно... Пожалуй, мне стоит самой повидаться с генералом.

Я вновь встала на ноги и только сейчас с удивлением обнаружила, что до сих пор не переоделась – так и хожу с самого утра в сорочке и халате.

– Давай помогу тебе собраться, – вскочила Дженни.

Она очаровательно улыбнулась лейтенанту и широким жестом указала ему на стол, заставленный тостами, мармеладом и сочными сардинами:

– Угощайся пока, парень. Зачем пропадать хорошей еде?

* * *

Дженни высунула в коридор голову и прислушалась. Судя по скрипу столовых приборов и щебетанию экономки, лейтенант охотно принял щедрое предложение отобедать. Она тихонько закрыла дверь.

– Я с тобой. В городе полно солдат, одной лучше не ходить.

– Не надо, я сама...

Я осеклась. Да, почти все офицеры в Филадельфии знают меня в лицо как леди Грей, но вот с рядовыми солдатами я знакомство не водила. К тому же теперь я чувствовала себя самозванкой, а в нынешних обстоятельствах это сулило немалую опасность.

– Спасибо. Буду рада твоей компании.

После внезапного воскрешения Джейми я чувствовала себя не в своей тарелке, так что любая моральная поддержка будет очень кстати. Хотя, наверное, стоит напомнить Дженни об осторожности...

– Не волнуйся, буду молчать как рыба, – заверила та, ворчливо сражаясь с непослушным ворохом кружев. – Как думаешь, может, сказать генералу о том, что случилось с лордом Джоном?

– Нет, ни в коем случае. – Я резко выдохнула. – Да, так достаточно туго.

– Хм-м-м... – Она зарылась в шкаф, выбирая подходящее платье. – Как насчет этого? У него глубокое декольте, а грудь у тебя до сих пор хороша.

– Я же не соблазнять его иду!

– Как раз таки соблазнять, – небрежно отмахнулась та. – Или хотя бы отвлечь. Раз уж не хочешь сказать ему правду... – Она приподняла черную бровь. – Услышь я на месте британского генерала, что моего подполковника похитил большой и страшный горец, восприняла бы это как личное оскорбление.

Я не могла с ней не согласиться, так что, пожав плечами, нырнула в янтарно-шелковое платье с кремовым кантом по швам и кремовыми же лентами по краю корсажа.

– О да, отлично. – Дженни застегнула последний крючок и отступила на шаг, одобрительно глядя на результат своих трудов. – Ленты в цвет кожи, поэтому вырез кажется еще глубже.

– Можно подумать, последние тридцать лет ты управляла не помещьем, а борделем или салоном портних, – нервно заметила я.

Дженни фыркнула:

– У меня три дочери, девять внуков и шестнадцать племянниц от сестры Йена. Так что разницы никакой.

Я невольно рассмеялась. Она хмыкнула в ответ. А потом мы с ней вместе сморгнули слезы, одновременно вспомнив про Брианну и Йена – наших потерянных детей, – и мы обнялись, утешая друг друга в общем горе.

– Все хорошо, – прошептала она. – Ты свою девочку не потеряла. Она жива. И Йен тоже со мной. Он никогда меня не покинет.

– Знаю, – сквозь рыдания сказала я. – Знаю.

Я выпрямилась, утерла слезы пальцем и фыркнула.

– У тебя платок есть?

Конечно, у Дженни был в рукаве платок, но она вытащила из кармана на поясе другой – чистый и аккуратно свернутый.

– Я же бабушка. – Она шумно высморкалась. – У меня всегда есть запасной платок. Что будем делать с волосами? В таком виде на улицу нельзя.

Когда мы наконец привели мою гриву в порядок, придав ей подобие прически в сеточке под широкополой соломенной шляпкой, я, пусть и в самых общих чертах, придумала, что говорить генералу Клинтону. По возможности буду придерживаться правды. Это залог успешного вранья, хотя я уже целую вечность не прибегала к подобному трюку.

Итак. К лорду Джону прибыл посыльный и принес записку – это было. Что в записке, я понятия не имею – опять-таки верно. Затем лорд Джон уехал вместе с посыльным, не сказав куда... В общем, тоже практически правда – если забыть, что посыльный был уже другой. И нет, я не видела, в какую сторону они поехали, и даже предположить не могу, куда направлялись.

Лорд Джон всегда держал свою лошадь в конюшне Дэвидсона на Пятой авеню в двух кварталах отсюда.

Вроде бы все складно... Если генерал Клинтон решит проверить, то наверняка обнаружит лошадь в ее стойле и, следовательно, придет к заключению, что лорд Джон Филадельфию не покидал. Ко мне как к источнику информации интерес он потеряет и разошлет солдат по городу проверить, куда же мог подеваться Джон Грей.

И, если повезет, тот объявится прежде, чем город перетрясут сверху донизу, и сам ответит на все чертовы вопросы.

– А что насчет Джейми? – с заметной тревогой спросила Дженни. – Он ведь в город больше не вернется, так?

– Надеюсь, что нет.

Мне вдруг стало мало воздуха, и не только из-за тугого корсета. В груди гулко колотило сердце.

Дженни прищурилась и покачала головой.

– Нет, не надеешься. Ты думаешь, он вернется. За тобой. И ты права. Как есть вернется. – Она задумалась, морща лоб, и вдруг заявила: – Лучше я здесь останусь. Вдруг он объявится, пока ты охмураешь своего генерала. К тому же та особа с кухни мигом наколет его на вертел, стоит бедняге только перешагнуть порог.

Я засмеялась, во всех красках представляя, как миссис Фигг встретит незваного гостя в своих владениях.

– Кроме того, здесь надо прибраться, – добавила Дженни.

* * *

Молодой лейтенант встретил припоздавшую меня с заметным облегчением, однако не стал хватать за руку и тянуть за собой по тротуару – просто предложил локоть и зашагал столь быстро, что мне волей-неволей пришлось перейти на рысь. До особняка, где обосновался генерал Клинтон, было недалеко, но день выдался жарким, и я вся взмокла, из-под шляпки выбились волосы, прилипая к щекам и шее, под лифом то и дело сбегали щекотные струйки пота.

В просторной прихожей с паркетным полом мой конвоир со счастливым вздохом передал меня на руки другому солдату, а я улучила минутку, чтобы отряхнуть от пыли юбки, поправить шляпку и украдкой вытереть лицо и шею кружевным платочком. Занятая этим нелегким делом, я не сразу узнала человека, сидевшего на одном из позолоченных стульев у дальней стены.

– Леди Грей. – Он встал, как только заметил мой взгляд. – Рад встрече, мадам.

И улыбнулся, хоть и довольно холодно.

– Капитан Ричардсон, – ровно сказала я. – Рада вас видеть.

Руки ему подавать не стала, а он не поклонился. К чему притворяться друзьями, когда между нами вполне искренняя вражда? Именно Ричардсон вынудил Джона заключить наш брак, поинтересовавшись, нет ли у него личного интереса к особе, которую вот-вот должны арестовать по подозрению в шпионаже и распространении мятежных листовок (оба обвинения, к слову, были абсолютно справедливы). Джон заверил Ричардсона в своей беспристрастности, а два часа спустя я уже стояла в его гостиной, оцепенелая от горя, и отвечала «да» на какие-то вопросы священника.

В те дни до Ричардсона мне не было никакого дела, я даже имени его не знала. Джон представил нас друг другу – ради чистой формальности – на Мискьянце, пышном балу, который английские офицеры закатили месяц назад. Тогда же Джон вкратце рассказал об угрозах капитана, велел по возможности его избегать.

– Ожидаете беседы с генералом Клинтон? – вежливо спросила я.

– Да, – ответил он и любезно добавил: – Но вас, безо всяких сомнений, пропущу вперед, леди Грей. Мои дела подождут.

В его словах почудилось нечто зловещее, но я лишь склонила голову с уклончивым «хм-м-м».

И тут меня осенило – внезапно, как приступ желчной колики, – что мое положение в глазах британской армии и капитана Ричардсона в частности стоит кардинально пересмотреть. Раз уж выяснилось, что Джейми жив, я больше не леди Джон Грей. Я снова миссис Джеймс Фрэзер, что, конечно, не может не радовать... Однако этот факт опять развязывает капитану Ричардсону руки.

Придумать достойный ответ я не успела – долговязый лейтенант пригласил меня к генералу. В гостиной, переделанной под главный штаб Клинтона, царил хаос: у одной из стен выстроились ящики, рядом лежали перевязанные точно пучки хвороста голые флаштоки, а надетые на них прежде военные знамена теперь кучей громоздились у окна, и молодой капрал аккуратно их сворачивал. Я слышала (как и весь город), что британская армия покидает Филадельфию. И, видимо, очень торопится.

Несколько солдат сновали по комнате, таская коробки, а за столом неподвижно сидели двое мужчин.

– Леди Грей? – удивился Клинтон, однако все-таки встал, чтобы приложиться к моей руке. – Рад видеть вас в добром здравии, мэм.

– Добрый день, сэр.

Сердце, и без того частившее, застучало еще быстрее, когда я увидела второго мужчину. Тот поднялся с кресла и теперь стоял за спиной генерала. Он носил форму и выглядел донельзя знакомым, хотя я совершенно точно не встречала его прежде.

Кто же он такой?..

– Простите, что побеспокоил вас, леди Грей. Я-то надеялся порадовать вашего супруга, – начал генерал. – Но, как понимаю, его нет дома?

– Э-э-э... нет. Его нет.

Незнакомец – судя по мундиру, хоть чрезмерно украшенному золотым шитьем, пехотный полковник, – приподнял бровь. На удивление знакомый жест.

– Вы, должно быть, родственник Джона Грея, – выпалила я.

Наверняка. Как и Джон, он не носил парика, и волосы у него даже под пудрой были темными. И разворот плеч такой же, и форма головы – изящная, немного вытянутая. Да и в лице проглядывало что-то общее, только у этого мужчины оно было более худощавым, обветренным и с резкими чертами – видно, он привык командовать.

Мужчина улыбнулся, вмиг преобразившись. Очарованием Джона он также не был обделен.

– А вы проникательны, мадам.

Он шагнул вперед, отнял мою безвольную руку у генерала и кратко поцеловал на европейский манер. Потом выпрямился, с интересом меня разглядывая.

– Генерал Клинтон сообщил, что вы супруга моего брата.

– О! – Я пыталась собраться с мыслями. – Тогда вы, должно быть, Хэл! Ой, простите. Я хотела сказать... Еще раз простите. Я знаю, что вы герцог, но, боюсь, запомнила титул, ваша светлость.

– Пардлоу, – представился тот, по-прежнему сжимая мне руку. Он улыбнулся. – Но христианское мое имя – Хэральд, поэтому можете называть меня и так, если хотите. Добро пожаловать в семью, дорогая моя. Я и представить не мог, что Джон снова женится. Как понимаю, это произошло совсем недавно?

Он держался чинно, но я-то знала, что за прекрасными манерами кроется немалое любопытство.

– Ну... – уклончиво протянула я. – Пожалуй, совсем недавно.

Я ведь и не подумала спросить у Джона, писал ли он обо мне своим родственникам – хотя если и писал, то вряд ли письмо успело бы прийти. Я даже о его семье ничего толком не знала – слышала про одного Хэла, и то лишь потому, что он отец Генри...

– О, вы, должно быть, приехали к сыну! Он будет очень рад вас видеть! – воскликнула я и заверила: – Выздоровление идет полным ходом.

– Я с ним уже виделся. И он, надо отметить, чрезвычайно восхищен, с каким умением вы иссекли часть его кишечника и соединили остатки. И хотя я конечно же рад повидаться с сыном... и дочерью, – он на мгновение поджал губы (должно быть, Дотти сообщила отцу о помолвке), – и предвкушаю скорую встречу с братом, увы, на самом деле в Америку меня призвал долг. Мой полк недавно высадился в Нью-Йорке.

– О. Как... чудесно.

Джон, судя по всему, не был осведомлен о приезде брата со всем полком вдобавок. Надо бы под видом светской беседы задать парочку наводящих вопросов и разведать его планы – но сейчас не лучшее время.

Генерал вежливо кашлянул.

– Леди Джон, вы, случайно, не знаете, где сейчас ваш супруг?

Удивившись внезапному знакомству с герцогом Пардлоу, я совершенно забыла об истинной причине моего визита. Однако вопрос Клинтона мигом привел меня в чувство.

– Боюсь, что нет, – как можно спокойнее ответила я. – Я уже говорила вашему лейтенанту. Утром прибыл посыльный с каким-то письмом, и мой муж уехал вместе с ним. Куда, он не сказал.

Генерал дернул губами.

– Нет, он уехал не с посыльным. Тот принес ему уведомление от полковника Грейвса с требованием явиться в штаб. Однако лорда Грея до сих пор нет.

– Ах! – с глупым видом воскликнула я. В подобных обстоятельствах можно разыграть и дурочку. – Неужели? В таком случае... значит, он ушел с кем-то другим.

– Но вы не знаете, с кем именно?

– Я его не видела, – ушла я от прямого ответа. – И, боюсь, мой супруг ни словом не обмолвился, куда уходит.

Клинтон поднял темную бровь и взглянул на Пардлоу.

– Подождем, когда он вернется, – пожал тот плечами. – В конце концов, дело не срочное.

Генерал Клинтон, кажется, придерживался иного мнения, однако ничего говорить не стал. Явно не желая тратить время попусту, он поклонился и пожелал мне доброго дня.

Я охотно удалилась, задержавшись лишь на секунду: еще раз заверить герцога в том, что рада нашему знакомству. Заодно уточнила, куда можно будет послать весточку от брата, когда тот все-таки объявится?

– Я остановился в «Королевском гербе», – сообщил он. – Если позволите, мэ...

– Нет-нет, – торопливо перебила я. – Все хорошо. Благодарю вас, сэр.

Не хватало еще, чтобы герцог провожал меня до дома.

Я присела в реверансе перед генералом, потом перед Хэлом и наконец в вихре кружев выскочила за дверь.

Капитана Ричардсона уже не было, но я не стала спрашивать, куда он подевался. Коротко кивнув солдату, караулившему у входа, я вылетела на свежий воздух, дыша так, будто выползла из батискафа.

Что теперь?

Я увернулась от двух мальчишек, гонявших по улице обруч. Должно быть, офицерские сыновья, потому что грузившие мебель и тюки солдаты, у которых они путались под ногами, молча сносили их выходы.

Джон часто рассказывал о брате и всякий раз упоминал, какой тот властный и деспотичный тип. В нынешних обстоятельствах нам не хватало только его – любителя совать нос в чужие дела. Впрочем... может, Уильям в хороших отношениях с дядей и сумеет его отвлечь? Хотя нет-нет, ни в коем случае! Хэл не должен узнать о Джейми, а он обязательно о нем узнает, стоит только встретиться нынче с Уильямом...

– Леди Грей!

Из-за окрика за спиной я замешкалась – на одну лишь секунду, но этого хватило, чтобы герцог Пардлоу нагнал меня и взял за руку.

– Вы ужасная лгунья, – упрекнул он. – Хотелось бы знать, что вы все-таки скрываете?

– А на что вы рассчитывали, застав меня врасплох? – огрызнулась я. – Хотя, если уж на то пошло, сейчас я не лгу.

Он рассмеялся и шагнул ближе, изучая мое лицо. Глаза у него были бледно-голубыми, как у Джона, но из-за более темных бровей и ресниц взгляд казался жестким.

– Может, и не лжете, – все так же насмешливо сказал он. – Но явно чего-то недоговариваете.

– Я не обязана сообщать вам все, что знаю, – с достоинством произнесла я, пытаюсь отнять руку. – Пустите.

Он неохотно разжал пальцы.

– Прошу прощения, леди Грей.

– Конечно, – кивнула я и хотела было его обойти, но он тут же опять заступил дорогу.

– Я все-таки хотел бы знать, где мой брат.

– Мне и самой хотелось бы это знать, – парировала я, поворачивая в другую сторону.

– Позвольте спросить, куда вы направляетесь?

– К себе домой.

Странно называть дом Джона «своим»... хотя другого у меня все равно нет.

«Нет, есть, – возразил упрямый голосок в сердце. – У тебя теперь есть Джейми».

– Чему вы так улыбаетесь? – поразился Пардлоу.

– Тому, что скоро приду домой и сниму наконец эти туфли. – Я торопливо стерла с лица улыбку. – Они ужасно тесные.

Он дернул губами.

– Позвольте облегчить ваши муки, леди Грей.

– Нет, право, не стоит...

Однако он уже вытащил деревянный свисток и оглушительно засвистел. Из-за угла выскочили два мускулистых приземистых парня – братья, наверное, уж очень они были похожи, – тащившие паланкин на двух жердях.

– Это уже излишне, – запротестовала я. – К тому же Джон говорил, у вас подагра, вам и самому портшез сгодится...

Герцог недовольно прищурился, сжимая губы.

– Обойдусь, мадам.

Он схватил меня за руку и втащил в портшез, сбив при этом шляпу на глаза.

– Дама под моей защитой. Отвезите ее в «Королевский герб», – велел он братьям Труляля и Траляля, захлопывая дверь. И прежде чем я успела рывкнуть: «Голову ему с плеч!», мы с бешеной скоростью понеслись по Хай-стрит.

Я схватилась за ручку, собираясь выпрыгнуть на ходу – и плевать на синяки и ушибы, – но этот ублюдок запер ее на щеколду, до которой изнутри не дотянуться. Оставалось лишь

кричать носильщикам, но те не слушали, скача по улочкам с такой скоростью, будто несли добрую весть из Гента в Ахен⁴.

Пыхтя от злости, я откинулась на спинку и содрала шляпку. Что этот Пардлоу о себе возомнил?! По рассказам Джона и случайным репликам его детей и племянника ясно одно: он привык добиваться своего любой ценой.

– Ну это мы еще посмотрим! – пробормотала я, вытаскивая из шляпки длинную булавку с жемчужной головкой. Сеточка, под которую были спрятаны волосы, оторвалась, так что я отцепила ее и взмахнула распущенными прядями.

Мы повернули на Четвертую улицу, вымощенную не булыжником, а кирпичом, так что паланкин стало трясти уже слабее. Я отлипла от сиденья и зашарила по оконной створке. Если удастся открыть, смогу добраться до щеколды. Пусть вывалюсь наружу на полном ходу – зато не буду безвольной куклой в руках герцога!

Шторка на окне сдвигалась вверх и вниз, но открыть его можно было, лишь вставив пальцы в узкую канавку сбоку и потянув створку на себя. Только я примерилась, как вдруг раздался прерывистый рык герцога:

– Стой! Стоять... Я... больше... не могу.

Он замолчал, носильщики остановились. Я припала глазом к щели. Герцог стоял посреди улицы, прижимая к груди кулак. Лицо у него побагровело, губы, напротив, посинели.

– Опустите меня и откройте уже эту чертову дверь! – рявкнула я сквозь стекло носильщикам.

Те послушались, и я, взметнув юбками, выскочила из портшеза, не забыв приколоть булавку внутри кармана. Вдруг еще пригодится.

– Садитесь, черт бы вас побрал! – велела я Пардлоу. Тот упрямо покачал головой, но все-таки позволил отвести себя к портшезу. Я запихала его внутрь – не без злорадства из-за неожиданной смены ролей. Хотя в глубине души и побаивалась, как бы он внезапно не помер.

Первую мысль – что у него сердечный приступ – я отмела, едва услышала, как он дышит... точнее, пытается дышать. Этот свистящий хрип астмы ни с чем не спутать, однако на всякий случай я взяла герцога за запястье и проверила пульс. Учащенный, но вполне ровный, а крупные капли на лбу – всего лишь пот из-за жаркой погоды, а вовсе не липкая испарина, обычная для инфаркта миокарда.

– Здесь болит?

Я указала на кулак, который тот все еще прижимал к груди.

Герцог покачал головой, кашлянул и отнял руку.

– Надо... лекарство... там... – выдавил он.

Ясно: он пытается залезть в кармашек на жилете. Я просунула в него два пальца и выудила эмалевую коробочку, где лежал крохотный пузырек.

– Что это?... А, не важно.

Я вытащила пробку, и в нос ударил резкий запах аммиака.

– Нет, – твердо сказала я, заткнула пузырек и спрятала его вместе с коробочкой в карман. – Это не поможет. Вытяните губы и выдохните.

Герцог выпучил глаза, но послушался.

– Так, а теперь расслабьтесь и втяните воздух. Не рывком, а медленно, на четыре счета. Раз... два... три... четыре. И снова выдох на два счета. И опять вдох: в том же ритме. Да, вот так... Вдох на четыре, выдох на два. Да, все правильно. И не переживайте, задохаться вы больше не будете, просто дышите так постоянно.

Герцог кивнул.

⁴ Намек на одноименное стихотворение Роберта Браунинга.

Я огляделась: мы стояли рядом с Локаст-стрит, отсюда рукой подать до аптеки Питермана.

– Эй, ты, – велела я одному из носильщиков. – Беги в аптеку, принеси кувшин крепкого кофе. Он оплатит, – добавила я, рукой указывая на герцога.

Вокруг понемногу собиралась толпа. Это плохо: неподалеку была хирургическая доктора Хебди, и он в любой момент мог выглянуть на шум. Сейчас только этого шарлатана с ланцетом наперевес нам не хватало.

– У вас астма, – повернулась я к герцогу и встала на колени, чтобы видеть его лицо, пока считаю пульс.

Сердце уже не частило, хоть стучало немного вразнобой: должно быть, тот самый «парадоксальный пульс», который иногда наблюдается у астматиков, когда на выдохе сердце стучит быстрее, а на вдохе замедляется. Хотя диагноз и без того понятен.

– Вы знали?

Он кивнул, выдыхая сквозь вытянутые губы.

– Да, – коротко добавил он и втянул воздух.

– К доктору обращались? – Кивок. – Неужто он рекомендовал вам нюхательные соли?!

Я жестом указала на флакончик в кармане. Герцог покачал головой.

– Это из-за... обмороков. Иногда... и такое бывает.

– Ясно.

Я запрокинула ему голову, рассматривая зрачки: вполне обычные на вид. Спазм ослаб, и герцог это тоже ощутил; плечи у него опали, синева с губ ушла.

– Во время приступа астмы их использовать нельзя: кашель станет сильнее, мокроты будет больше.

– ...Да что ж вы столбом стоите-то, а?! Ну-ка, парень, живо беги за доктором! – донесся из толпы пронзительный женский голос. Я поморщилась, и герцог, заметив мою гримасу, удивленно приподнял бровь.

– Поверьте, этот доктор вам не понравится.

Я встала и задумчиво оглядела толпу.

– Благодарю вас, но нет, доктор нам не нужен. – Я чарующе улыбнулась. – Всего лишь приступ желудочной колики. Съел что-то несвежее. Уже все хорошо.

– Как по мне, мэм, выглядит он не очень, – с сомнением произнес другой зевака. – Лучше все-таки позвать врача.

– Пусть уже подышает! – раздался вопль из задних рядов. – Чертов красномундирник!

По толпе пробежал странный ропот, а у меня засосало под ложечкой. До этого момента люди не видели в герцоге британского офицера, просто собрались полюбоваться на занятное зрелище. Но теперь...

– Леди Грей, я приведу врача!

К моему ужасу, сквозь толпу, орудуя тростью с золотым набалдашником, пробирался мистер Колфилд – видный тори.

– А ну, брысь отсюда, оборванцы!

Он заглянул в портшез и приподнял шляпу.

– К вашим услугам, сэр! Читайте, помощь уже в пути!

Я схватила Колфилда за рукав. В толпе, слава богу, пока разгорались споры. Одни осыпали нас с Пардлоу проклятиями, другие, лоялисты (а может, просто здравомыслящие люди, не считавшие своим патриотическим долгом избивать на улице больных стариков), столь же шумно протестовали.

– Нет-нет! – прошептала я. – Пусть за врачом идет кто-нибудь другой. Нельзя бросать его светлость одного!

– Его светлость?..

Моргнув, Колфилд выудил из маленького футляра пенсне, приложил к носу и заглянул в портшез. Пардлоу надменно, несмотря на свист в легких, ему кивнул.

– Герцог Пардлоу, – поспешила я сказать, все еще цепляясь за рукав Колфилда. – Ваша светлость, позвольте представить вам мистера Финиса Грэма Колфилда.

Я неопределенно помахала рукой, но, заметив наконец носильщика с кувшином, бросилась ему наперерез, чтобы перехватить прежде, чем того засосет разъяренная толпа.

– Благодарю. – Я выхватила кувшин. – Надо увезти его прежде, чем толпа озверевает... еще больше, – уточнила я, услышав, как от крыши портшеза – хрясть! – отскочил булыжник.

Мистер Колфилд пригнулся.

– Эй! – в бешенстве заорал носильщик: уж больно вероломно покушались на источник его дохода. – А ну прочь, все вы!

Стиснув кулаки, он попер на толпу, но я схватила его за плечо и сказала с нажимом:

– Уносите герцога... и свой портшез отсюда. Отвезите его в...

Только не в «Королевский герб», тот считается оплотом лоялистов, и это лишь раззадорит тех, кто двинет вслед за нами. Тем более мне не хотелось вновь оказаться во власти герцога.

– Отвезите нас к дому семнадцать по Честнат-стрит! – выпалила в итоге я и, выудив из кармана монету, сунула ему в руку. – Живей!

Тот без раздумий взял деньги и бегом, не опуская кулаков, заспешил к портшезу. Я, прижимая кувшин с кофе к груди, заковыляла вслед в красных марокканских туфлях на каблуке. Только теперь заметила на рукаве носильщика нашитый номер: тридцать девять.

Портшез уже осыпало градом камней; второй носильщик – номер сорок – отмахивался от них, как от пчел, и орал: «Чтоб вам сдохнуть!» – а мистер Колфилд вторил ему в более благовоспитанной манере: «Прочь!» и «Уходите!», грозя тростью самым смелым мальчишкам, которые так и норовили подобраться поближе.

– Вот, – выдохнула я, прижимаясь к боку портшеза.

Хэл, судя по сипящему свисту, был еще живой. Я сунула ему в руки кувшин с кофе.

– Выпейте... до дна, – велела я. – И продолжайте дышать.

Я захлопнула дверь, с некоторым злорадством щелкнула задвижкой и, выпрямившись, обнаружила рядом Жермена, старшего сына Фергуса.

– Опять у вас беда стряслась, *Grand-mère*?⁵ – спросил он, ничуть не смущаясь летевших в нас камней, к которым добавились куски свежего навоза.

– Да, наверное... – ответила я. – Только не надо...

Договорить не успела: Жермен повернулся к толпе и на удивление громко заорал:

– ЭТО МОЯ БАБУЛЯ! Хоть ВОЛОС у нее троньте, и я...

В толпе захохотали, и я торопливо вскинула к голове руки. Совсем забыла про упавшую шляпку! Теперь волосы – те, что не прилипли к мокрому лицу и шее, – торчали во все стороны пушистым облаком.

– Да я вам каждому бока намну! – орал Жермен. – Да, ТЕБЕ, Шеки Лоу. И тебе тоже, Джо Грум!

Двое мальчишек замешкались, опуская куски навоза. Видать, хорошо знали Жермена.

– А моя бабуля вашим родителям расскажет, чем вы тут занимаетесь!

Это решило вопрос: мальчишки торопливо попятнулись, побросав навоз на землю, и старательно сделали вид, будто вообще не поняли, откуда тот взялся.

– Идем, бабуля.

Жермен взял меня за руку. Носильщики, неуклюже присев, подняли портшез. В чертовых туфлях мне за ним не поспеть. Поэтому я сбросила их – и ровно в этот момент увидела пухлого

⁵ Бабушка (фр.).

доктора Хебди: тот пыхтел, торопясь вслед за угрюмой женщиной, которая первой предложила позвать его на помощь. Теперь она триумфально вышагивала в ореоле собственного героизма.

– Благодарю вас, мистер Колфилд!

Я торопливо подхватила туфли одной рукой и бросилась вдогонку. Юбки волочились по грязным булыжникам, но меня это никоим образом не волновало. Жермен приотстал, грозя кулаками преследователям, – однако, судя по задорному свисту, враждебный настрой уже сменился весельем, и камни вслед больше не летели.

Когда мы свернули за угол, носильщики сбавили ход, и по плоским кирпичам Честнат-стрит я сумела нагнать портшез. Хэл выглядывал в окно. Кувшин, стоявший рядом на сиденье, опустел.

– Куда мы... направляемся, мадам? – крикнул он, как только завидел меня. Судя по окрепшему голосу – который я расслышала даже сквозь стекло и за грохотом шагов, – ему и впрямь стало лучше.

– Не волнуйтесь, ваша светлость, – крикнула я в ответ, трусцой двигаясь рядом. – Вы под моей защитой.

Глава 7

Опасные последствия необдуманных действий

Джейми продирался сквозь заросли ежевики, не замечая ни сладких ягод, ни колючих ветвей. Он был готов растоптать все, что только попадется на пути.

Добравшись до лошадей, стреноженных на лужайке, он помедлил не более секунды, но все-таки развязал обеих и, хлопнув одну кобылу по крупу, отправил ее в кусты. Даже если милиция отпустит Грея на все четыре стороны – пусть возвращается в Филадельфию на своих двоих. Еще неизвестно, что произойдет в городе, но его светлость в любом случае будет только путаться под ногами.

А что должно произойти?... Джейми задумался, ударяя пятками по бокам своей лошади. С некоторым удивлением он заметил, что руки дрожат, и сильнее стиснул поводья.

Костяшки на правой руке дернулись, и белая вспышка боли там, где не хватало пальца, пронзила всю руку. Джейми зашипел сквозь зубы.

– Зачем, черт возьми, ты, идиот эдакий, мне рассказал? – пробормотал он под нос, пуская лошадь в галоп. – На что ты рассчитывал?!

На то и рассчитывал. Джон не сопротивлялся, не лез в драку. «Убей меня», – вот что сказал этот подонок.

Очередной приступ ярости опять свел руки судорогой. Джейми воочию представил, как сжимает шею этому мелкому ублюдку. Неужели он и впрямь совершил бы убийство, если бы не внезапное появление Вудбайна с отрядом?

Нет. Не совершил бы. Даже сейчас, несмотря на дикое желание вернуться и вытрясти из Грея всю душу, Джейми понемногу осмысливал случившееся на поляне. Почему Грей ему рассказал? Ответ очевиден – поэтому-то Джейми и полез без раздумий в драку, поэтому его и трясло до сих пор.

«Мы оба трахались с тобой».

Джейми задышал глубже, и голова закружилась от лишнего воздуха, зато дрожь понемногу утихла. Он сбавил ход, но лошадь по-прежнему нервно прижимала уши.

– Все хорошо, *bhalaich*⁶, – сказал он. – Все хорошо...

Джейми казалось, его сейчас стошнит. Однако желчь понемногу опустилась обратно.

⁶ Мальчик (*гэльск.*).

Он все еще ощущал рваную рану, которую Джек Рэндолл оставил в его душе. Думал, что все давно поросло шрамами, что отныне он в безопасности – но нет, чертов Грей содрал покрывавшую ее кожицу всего лишь пятью словами: «Мы оба трахались с тобой». Джейми его даже не винил – разумом, по крайней мере. Грей не мог знать, что сотворит с ним этой фразой.

Впрочем, мыслить здраво все равно не получалось: Джейми вспомнил о другом его признании. Оно тоже терзало душу, но уже по-другому.

«Я вступил в интимные отношения с вашей супругой».

– Ублюдок! – прошипел Джейми, против воли дергая уздечку, отчего лошадь испуганно тряхнула головой. – Зачем? Зачем ты мне это сказал, сволочь?

И снова – пусть и запоздало – понял ответ.

Потому что Клэр все равно призналась бы при первой же возможности. И Грей это прекрасно знал. Поэтому решил: пусть лучше гнев обманутого мужа обрушится не на неверную супругу, а на ее любовника.

А Клэр, конечно, рассказала бы. Джейми сглотнул. Точнее, расскажет. Скоро. Что же ему тогда делать?..

Он снова содрогнулся всем телом и сбавил ход; лошадь теперь брела почти шагом, мотая головой и принюхиваясь.

Не ее вина. Не ее. Они думали, он мертв. Джейми помнил, какая эта бездна – сам много лет жил на грани. И понимал, на что могут толкнуть отчаяние вкупе со спиртным.

Но чертово воображение... Точнее, его отсутствие. Как это произошло? Где? Знать о случившемся уже мучительно, не знать подробностей – и вовсе невыносимо.

Лошадь остановилась, поводья обвисли. Джейми замер посреди дороги, закрыв глаза, и мерно задышал, пытаясь молитвами изгнать жуткие картины перед глазами.

Рассудок сдался, значит, на помощь пора призвать Господа. И спустя некоторое время дикое, дотошное стремление узнать все до последней детали улеглось. Переведя дух, Джейми понял, что снова может продолжать путь, и взялся за уздечку.

Все это подождет. Первым делом надо увидеть Клэр. Он не представлял еще, что скажет, как поступит, но ему необходимо было ее увидеть. Он изнывал по ней, как переживший кораблекрушение, много дней болтаясь в океане, изнывает по пресной воде и пище.

* * *

Кровь стучала у Грея в ушах с такой силой, что он не слышал спора похитителей, которые, предосторожности ради связав ему руки, сгрудились неподалеку и теперь шипели, точно гусиная стая на скотном дворе, изредка бросая в его сторону злые взгляды.

Грею было плевать. Левым глазом он ничего не видел, да и печень наверняка отбита, – но и это его не волновало. Он рассказал Джейми Фрэзеру правду – всю, до единого слова, – и теперь испытывал такую же безумную гамму чувств, как после сокрушительной победы: пронзительную радость, что остался жив; всплеск пьяных эмоций, которые сперва захлестывают с головой, а потом стекают, оставляя пустое недоумение... и абсолютную неспособность понять, какой ценой досталась тебе эта победа.

Колени тоже тряслись, как после долгой битвы. Поэтому Грей бесцеремонно уселся на землю и закрыл здоровый глаз.

После некоторой паузы, пока он не замечал ничего, кроме стучащей в голове крови, шум в ушах понемногу начал стихать, и Грей услышал, как его зовут по имени.

– Лорд Грей! – окликнули уже громче, обдавая лицо вонючим табаком.

– Меня зовут не лорд Грей. – Он сердито открыл глаз. – Я же говорил.

– Вы сказали, ваше имя лорд Джон Грей, – фыркнул собеседник, досадливо хмурясь из-под спутанных волос. Тот самый здоровяк в грязной охотничьей рубашке, который первым наткнулся на них с Фрэзером.

– Именно. И если вам надо ко мне обратиться, будьте добры звать меня «милорд» или просто «сэр». Чего вам?

Мужчина с немалым возмущением отступил на шаг.

– Что ж, раз вы настаиваете... Сэр, прежде всего мы хотели бы знать, не приходите ли вы братом генерал-майору Чарльзу Грею?

– Нет.

– Нет? – Тот хмуро свел брови. – Но вы с ним знакомы? Он вам родственник?

– Да, он... Он... – Грей задумался было над степенью их родства, но потом бросил подсчитывать поколения предков и махнул рукой. – Какой-то дальний кузен.

Окружающие довольно замычали. Мужчина по имени Вудбайн сел рядом с Греем на корточки, держа в руке свернутый лист бумаги.

– Лорд Джон, – начал он несколько вежливее. – Вы говорили, что в настоящий момент не состоите на службе его величества?

– Это так.

Грею отчаянно хотелось зевнуть. Волнение, до того бурлившее в крови, утихло, и теперь его клонило в сон.

– Тогда как вы объясните эти бумаги, милорд? Мы нашли их в вашем кармане.

Он бережно развернул листы и сунул Грею под нос.

Тот скосил здоровый глаз.

Уведомление от адъютанта генерала Клинтонна: требование немедленно, при первой же возможности, явиться в штаб. Да, он эту записку уже видел, хоть и мельком, – перед тем как объявился восставший из могилы Джейми Фрэзер, перевернув все с ног на голову. Грей не смог сдержать улыбки. Этот чертов ублюдок живой!

Вудбайн тем временем развернул второй лист. Клочок бумаги с красной восковой печатью, узнаваемой с первого же взгляда: патент на офицерский чин, подтверждающий все полномочия Грея.

Грей недоверчиво заморгал: кривоватый почерк клерка расплывался перед глазами. Однако в самом низу, прямо под королевской печатью, красовалась размашистая подпись уже другой рукой: твердой и донельзя знакомой.

– Хэл! – воскликнул он. – Чтоб тебя!

* * *

– Говорю вам, солдат он! – сказал коротышка в очках, который буравил Грея на удивление неприязненным взглядом из-под шапочки с надписью «Убей!». – Не просто солдат, еще и шпион вдобавок. Давайте сию минуту вздернем его на суку!

Остальные поддержали коротышку довольными возгласами. Угломонить их удалось только капралу Вудбайну: он встал и принялся орать на сторонников немедленной казни без суда и следствия, пока они наконец не отступили с недовольным бурчанием. Грей сидел, зажимая в пальцах скомканный патент, и сердце колотило все сильнее.

Его вполне могут повесить... Пару лет назад Хау ведь казнил капитана Континентальной армии, которого заподозрили в шпионаже. Уильям тогда много говорил и об аресте Хейла, и о его казни (он сам был тому свидетелем), и эти рассказы изрядно потрясли воображение Грея.

Уильям... Господи, Уильям! Грей только сейчас вспомнил о сыне. Они столкнулись с ним на лестнице, а потом с Фрэзером сбежали через крышу и вниз по водосточной трубе, бросив Уильяма перебаривать новости о своем происхождении в полном одиночестве.

Хотя нет. Не в одиночестве... С ним ведь Клэр. Грей приободрился. Она поговорит с Уильямом, успокоит его, объяснит... Да, это будет непросто, очень непросто. Однако даже если Грея через пять минут вздернут на суку, его сын не останется один.

– Заберем его в лагерь, – в который раз упорно повторил Вудбайн. – Что толку вешать прямо здесь?

– Одним красномундирником станет меньше. Как по мне, уже неплохо! – возразил громила в охотничьей рубаше.

– Гершон, я не говорю, что мы вообще не будем его вешать. Просто не здесь и не сейчас. – Вудбайн, обеими руками держась за мушкет, медленно оглядел мужчин хищным взглядом. – Не здесь и не сейчас! – повторил он.

Грей, поражаясь силе его характера, еле сдержался, чтобы не закивать вместе с остальными.

– Заберем его в лагерь. Все слышали, что он сказал? Генерал-майор Чарльз Грей ему родня. Может, подполковник Смит сам его повесит, а может, отправит к генералу Уэйну. Помните Паоли!

– Помните Паоли! – подхватил нестройный хор голосов.

Грей вытер заплывший глаз рукавом: из него непрерывно текли щипучие слезы.

Паоли... Что, черт возьми, еще за Паоли? И при чем тут его казнь?

Впрочем, Грей решил пока не задавать лишних вопросов, и когда его вздернули на ноги, безропотно пошел за похитителями.

Глава 8

Гиппократ: «*Homo est obligamus aerobe*»⁷

К тому времени, когда Тридцать девятый распахнул дверцу портшеза, герцог заметно побагровел, и вряд ли только из-за жары.

– Вы хотели повидать брата? – спросила я, не давая ему и рта открыть, и широким жестом указала на дом. – Вот его жилище.

Правда, хозяина пока нет, но мы подождем.

Герцог смерил меня выразительным взглядом, но рассудительно не стал тратить зря воздух, которого ему по-прежнему не хватало, – лишь раздраженно отмахнулся от услужливо протянутой руки Сорокового и вылез из портшеза. С носильщиками, к счастью, расплатился сам (поскольку у меня с собой денег не было) и с хрипом предложил мне руку. Я приняла ее, не желая устраивать сцену прямо у парадного входа. Жермен, легко нагнавший портшез, маячил теперь в стороне, из вежливости не подходя слишком близко.

На крыльце нас поджидала миссис Фигг. Выломанная дверь, уже снятая с петель, лежала на козлах рядом с кустом камелии, дожидаясь плотника.

– Ваша светлость, позвольте представить миссис Мортимер Фигг. Наша экономка и кухарка. Миссис Фигг, это его светлость, герцог Пардлоу. Брат лорда Джона.

Ее губы сложились в ругательство, но вслух, благодарение богу, она ничего не сказала. Экономка проворно, невзирая на свои объемы, спустилась по ступенькам и подхватила Хэла под вторую руку – очень вовремя, потому что он снова начал синеть.

– Вытяните губы и дышите, – напомнила я. – Живей!

У него заклокотало в горле от удущья, но Пардлоу послушно задышал, хоть и бросая в мою сторону свирепые взгляды.

– Что, во имя святого духа, вы с ним сотворили? – возмутилась миссис Фигг. – У него такой вид, будто он вот-вот помрет!

⁷ Человек – существо дышащее (*лат.*).

– Для начала жизнь ему спасла, – огрызнулась я. – Двигайте ногами, ваша светлость.левой-правой.

Мы поволокли герцога к дому.

– Потом не дала толпе забить его камнями... и Жермен очень нам помог, – добавила я, оглянувшись на чрезвычайно довольного собой мальчишку.

А потом герцога мы похитили... но об этом я решила не упоминать.

– И, кажется, жизнь ему придется спасать еще раз. – Я остановилась на минутку, чтобы самой перевести дух. – В какой из спален его разместим? Может, в комнате Уильяма?

– Уилл... – начал было герцог, но тут же судорожно закашлялся, приобретая дивный пурпурный оттенок. – Уи... Уилл...

– Ах да, совсем забыла. Конечно. Уильям же ваш племянник, верно? Его сейчас тоже нет. Я строго посмотрела на миссис Фигг. Та фыркнула, но ничего не сказала.

– Ваша светлость, дышите!

В доме, как выяснилось, уже немного навели порядок. Обломки смели в аккуратную горку возле двери, и рядом с ней на оттоманке сидела Дженни Мюррей, выбирая из кучи уцелевшие кристаллы от люстры. Завидев нас, она приподняла бровь, отложила миску и неторопливо встала.

– Клэр, тебе что-нибудь надо?

– Да, горячей воды.

Мы с пытением (герцог хоть и был худощавым и стройным, но все-таки оказался мужчиной весьма тяжелым) усадили Пардлоу в высокое кресло.

– Миссис Фигг, чашки; несколько штук. Дженни, мою аптечку. Ваша светлость, не забывайте дышать! Выдох... два... три... четыре. Не глотайте воздух! Медленно втягивайте его в себя – вам хватит, уверяю.

Хэл весь взмок от пота и судорожно дергался в панике, что воздуха слишком мало.

Я и сама была готова запаниковать. Беда в том, что Пардлоу в самом деле может умереть. У него сильный приступ астмы; иногда в таком случае бессильны даже инъекции адреналина вместе со всеми достижениями медицины двадцатого столетия. В любой момент может случиться сердечный приступ, вызванный сильным стрессом и недостатком кислорода, или же к смерти приведет банальное удушье.

Герцог бессильно сжимал кулаки, молескиновые бриджи измялись и потемнели от пота, жилы на шее вздулись от напряжения.

Не без труда я разжала ему пальцы и с силой стиснула в своих руках. Надо отвлечь его, пока паника не завладела им полностью... если у герцога вообще есть шанс.

– Посмотрите на меня. – Я подалась к нему и заглянула прямо в глаза. – Все будет хорошо. Слышите? Кивните, если слышите.

Тот кое-как кивнул. Он дышал, но чересчур часто, вялая струйка воздуха едва касалась моей щеки. Я сжала ему ладонь еще сильнее и заговорила ровным голосом:

– Медленнее. Дышите вместе со мной. Вытяните губы... выдохните...

Свободной рукой я мерно отстукала по его колену четыре счета. На третьем у герцога закончился воздух, но он по-прежнему вытягивал губы и хрипел.

– Не так быстро! – рывкнула я, когда он разинул рот, жадно втягивая воздух. – Пусть это происходит само собой. Раз... Два... Выдох!

Я слышала, как Дженни сбегает по лестнице с моей аптечкой, а миссис Фигг ураганом носится по кухне, где у нее кипел котелок с водой. Вот она вернулась с тремя чашками, нанизав их на палец, а другой рукой прижимая к груди банку, закутанную в полотенце.

– ...Три... Четыре. Дженни, найди хвойник! Раз... Два... Выдох, два... Три... Четыре. По шепотке в каждую чашку! Два... Да, вот так... Выдох.

Главное, не спускать с герцога глаз и заставлять его дышать. Если собьется с ритма, давление в легких окончательно ослабнет, дыхательные пути перекроются, и тогда...

Я торопливо отогнала эту мысль, в перерыве между счетом сыпля приказами.

Что, черт возьми, можно сделать?

Если честно, мало что. Гилления и дурман слишком ядовитые, да и действуют чересчур медленно...

– Дженни, аралия, – велела я. – Корень, разотри его сюда. – Я ткнула пальцем во вторую и третью чашки. – Два... три... четыре.

В чашках уже плавали палочки хвойника (и впрямь похожего на мелкую еловую хвою). Волью в герцога первую порцию, как только немного остынет, хотя по-хорошему траве надо настаиваться не меньше получаса.

– Миссис Фигг, нужны еще чашки! Два... три... Да, вот так, хорошо.

Рука герцога была скользкой от пота, но он сжимал мне пальцы с невиданной силой, грозя переломить все косточки. Я немного покрутила запястьем; он заметил это и ослабил хватку. Я подалась вперед, обнимая его руку обеими ладонями – и заодно нащупывая пульс.

– Вы не умрете! – сказала с нажимом. – Я не позволю.

В студенистых голубых глазах мелькнуло что-то вроде улыбки, но заговорить Пардлоу, само собой, даже не пытался. Губы у него все еще были синими, лицо – белым, невзирая на жар.

Первая чашка хвойного чая чуть-чуть помогла: горячее питье ослабило спазм. В конце концов, хвойник содержит адреналин, который в нынешних обстоятельствах единственное более-менее толковое средство против астмы. Хотя за десять минут он и настояться-то не успел...

Впрочем, герцог заметно воспрянул духом. Он откинулся на спинку, переплетая со мной пальцы.

Боец по натуре. Я таких сразу вижу.

– Дженни, завари еще три чашки, пожалуйста.

Если Пардлоу будет пить достаточно медленно – а иначе и не получится, потому что он делает один лишь крохотный глоток между вдохами, – то с шестой чашкой самого крепкого настоя мы вольем в герцога нужное количество лекарства.

– А вы, миссис Фигг, заварите три горсти хвойника и щепотку аралии вместе с кофе и дайте настояться четверть часа.

Если герцог выживет, под рукой стоит иметь крепкую настойку эфедры. Приступ не первый – и если он не станет последним, то следующий может приключиться в любой момент.

Теперь, когда я почти уверилась, что герцог выживет, можно обратить внимание и на другие его симптомы.

На лбу Пардлоу выступили крупные капли пота. Мундир с жилетом и кожаной португеей я с него сняла, но рубашка по-прежнему липла к груди, а штаны в складках паха потемнели. Впрочем, это понятно: день сегодня жаркий, герцог перенервничал, да и горячий чай сыграл свою роль. Синева с губ пропала, лицо и руки вроде бы не отекали, лопнувших под кожей сосудов не видеть.

Хрипы в легких я слышала даже без стетоскопа, но грудная клетка не увеличена. Герцог был таким же стройным, как и Джон, даже чуточку более худощавым. Значит, хронические заболевания легких можно исключить... как, думаю, и сердечную недостаточность. Цвет лица при нашем знакомстве у него был хороший, пульс даже сейчас под моими пальцами бился уверенно – немного быстро, но без перебоев, без аритмии...

Меня привел в чувство Жермен, который крутился подле локтя, с интересом поглядывая на герцога. Тот и сам обратил на мальчугана внимание, вопросительно подняв бровь.

– М-м-м? – спросила я, все так же отсчитывая ритм для дыхания.

– *Grand-mère*, я тут подумал, как бы его уже не хватились. – Жермен кивнул на Пардлоу. – Может, послать кого, чтоб солдат по тревоге не подняли? А то носильщики ведь сболтнут, что было.

– Ох...

Да, все верно. Генерал Клинтон, например, знает, что последний раз Пардлоу видели в моем обществе. Вдруг герцог приехал в Филадельфию не один, а со всем своим полком. Тогда его уже обыскали – пропажу офицера наверняка заметили в считанные минуты.

И Жермен – толковый парнишка, таких еще поискать – прав насчет носильщиков. Судя по номерам, они приписаны к центральному агентству Филадельфии, значит, посланцы генерала в два счета найдут Тридцать девятого с Сороковым и выяснят, по какому адресу они доставили герцога.

Дженни, разлив кипяток по чашкам, встала перед Пардлоу на колени, кивком обещав мне следить за его дыханием, пока я говорю с Жерменом.

– Он велел носильщикам отвезти меня в «Королевский герб», – сообщила я мальчику, когда мы с ним вышли на крыльцо, где нас не могли подслушать. – А встретились мы в штабе генерала Клинтона, который...

– *Grand-mère*, я знаю, где это.

– Да уж не сомневаюсь. Ты что-то задумал?

– Есть одна мысль... – Он оглянулся на дом и хитро прищурился: – Бабуля, а как долго вы хотите держать его в плену?

Итак, моя задумка для Жермена секретом не стала. Ничего удивительного: наверняка от миссис Фигг он уже слышал о внезапном появлении рыжего горца и, зная, кем приходится нам Джейми, запросто сложил два и два. Интересно только, видел ли он Уильяма? Если да, то Жермен знает все. Если же нет... то не стоит пока вдаваться в такие тонкости.

– Пока твой дедушка не вернется. Или лорд Джон, – запоздало добавила я.

Хоть бы Джейми поторопился... Или пусть сам пока спрячется где-нибудь в лесу, а ко мне с весточкой пришлет Джона.

– Как только я отпущу герцога, он в поисках брата перевернет весь город. И, скорее всего, безрассудно падет где-нибудь бездыханным.

А Джейми только облавы не хватало.

Жермен задумчиво потер подбородок – странный жест для ребенка, который еще не бреет бороды. Впрочем, его отец всегда так делал. Я улыбнулась.

– Значит, недолго. *Grand-père*⁸ вернется как только сможет, он вчера ужасно к вам торопился.

Мальчишка весело хмыкнул, но, посмотрев на открытую дверь, скривил губы.

– Что до старика, то долго прятать его не получится. Но можно послать генералу записку, и еще одну – в «Королевский герб», сказать, что его светлость остановился в доме лорда Джона, тогда искать не станут. Даже если к нему приедут, вы всегда можете предложить гостю выпивки и сказать, что герцог, увы, пять минут назад ушел... А его просто запереть в чулане. Связать по рукам и ногам и сунуть в рот кляп, чтоб не орал почему зря, – добавил он.

Жермен был мальчиком очень рассудительным – весь в Марсали.

– Отличная мысль, – согласилась я, еще не решив, полезно ли ограничивать контакты Пардлоу с внешним миром. – Прямо сейчас этим и займемся.

Взглянув мельком на герцога, который хоть и сипел, но уже понемногу приходил в чувство, я взбежала по лестнице и села за рабочий стол Джона. Смешать чернила и набросать две записки было минутным делом. Я задумалась над подписью, но тут заметила перстень Джона, лежавший на краю стола.

⁸ Дедушка (*фр.*).

Сердце кольнуло: обрадовавшись чудесному воскрешению мужа, я совсем забыла про Джона.

Впрочем, в любом случае он будет цел и невредим. Джейми не допустит с ним беды, и совсем скоро они оба вернутся в Филадельфию...

Мои мысли прервал звон часов на каминной полке. Четыре часа дня.

– Когда весело, время летит незаметно, – пробормотала я и, нацарапав что-то похожее на подпись Джона, подожгла от тлеющих в камине угольков свечу, капнула на свернутые записки воском и приложила к ним перстень с полумесяцем. Джон вот-вот объявится; может, послания даже не успеют дойти до адресатов.

А Джейми придет за мной, едва на город опустится ночь!

Глава 9 В делах людей прилив есть и отлив⁹

Джейми ехал по дороге, почти не замечая ни обгонявших его порой всадников, ни пеших путников. И лишь вынырнув из красного тумана, поразился, сколько на самом деле вокруг людей: и отряды ополченцев, вышагивающих ровным строем, и одинокие всадники, и ползущие из города фургоны, набитые тюками, на которых восседали женщины и дети...

Он накануне видел, что из Филадельфии тянется череда беженцев (господи, неужели это было только вчера?) и хотел спросить у Фергуса, в чем дело, но за последующими за этим переживаниями совсем забыл.

Чувство тревоги усилилось, и он ударил ногой лошадь, заставляя ее ускорить шаг. До города не более десяти миль, он прибудет задолго до темноты.

Может, лучше все-таки дождаться ночи?... Что бы ни ждало их с Клэр – бурное выяснение отношений или постель, – лишние свидетели им ни к чему.

Одна мысль о Клэр – и Джейми снова вспыхнул от ярости, как спичка Брианны.

– *Ifrinn!*¹⁰ – выругался он вслух и саданул кулаком по открытой ладони. Столько усилий, чтобы успокоиться, – и все впустую. Пусть все катится к чертям: и сам он, и Клэр, и Джон Грей, чтоб его... Будь оно проклято!

– Мистер Фрэзер!

Джейми дернулся, точно получив в спину пулю; лошадь с фырканьем остановилась.

– Мистер Фрэзер! – позвали его уже громче, и рысью на мелкой неказистой лошаденке к нему подъехал Дэниэл Морган, ухмыляясь во все зубы. – Знал же, что это вы, как есть знал! Разве найдется другой такой великан со столь приметной гривой? А если и найдется, не хотел бы я с ним иметь дело!

– Полковник Морган... К свадьбе готовитесь? – спросил Джейми, обращая внимание на его новенькую форму со свежими знаками отличия.

Он кое-как выдавил улыбку, хотя внутри все бушевало, как воды у берегов Стромы¹¹.

– Что? А, вы про это... – Денни вывернул шею, пытаясь разглядеть собственный воротник. – Тьфу ты! Это все Вашингтон с его чертовой страстью к раздаче наград. Нынче в Континентальной армии генералов больше, чем рядовых солдат. Стоит офицеру хоть две битвы пережить – на тебе генеральский чин. А то, что к нему никаких мало-мальских выплат не полагается, – это уж другое дело.

Он приподнял шляпу и окинул Джейми взглядом с головы до ног.

⁹ В. Шекспир. Юлий Цезарь (пер. М. Зенкевича).

¹⁰ Черт (гэльск.).

¹¹ Строма – шотландский остров, известный коварными течениями и водоворотами близ его берегов.

– Из Шотландии вернулись, да? Слышал, вы отвезили на родину тело бригадного генерала Фрэзера – вашего родственника, знать? – Он сокрушенно покачал головой. – Стыдоба какая! Отличный был боец и человек хороший.

– Да, славный... Мы похоронили его дома, в Балнаине.

Они продолжили путь вместе. Дэн сыпал вопросами, а Джейми коротко на них отвечал: и вежливости ради, и из искренней симпатии к Моргану. Они не встречались со времен Саратоги, где Джейми служил под его командованием, так что поговорить им было о чем. В любом случае, он даже обрадовался компании: беседа отвлекала, заставляла забыть о бесполезной ярости.

– Полагаю, здесь мы расстанемся... – сказал Джейми некоторое время спустя. Они достигли перекрестка, и Дэн замедлил шаг. – Мне надо в город.

– С чего бы? – поразился Морган.

– Чтобы... чтобы повидаться с супругой.

На последнем слове голос чуть было не дрогнул, и Джейми торопливо прикусил язык.

– О, да?! Но может, на четверть часика задержитесь?..

Дэн смотрел на него с хитрецей, и на душе у Джейми стало беспокойно. Однако солнце еще высоко, а в Филадельфию до ночи все равно лучше не соваться...

– Может, и задержусь, – осторожно ответил он. – А что такое?

– Я хотел повидать одного приятеля. Было б славно, если б вы с ним тоже познакомились. Здесь совсем рядом, рукой подать. Ну же, соглашайтесь!

Морган повернул вправо и махнул Джейми, приглашая следовать за собой, – что тот и сделал, ругая себя за глупость.

Честнат-стрит, дом 17

Я вся взмокла, пока снимала приступ астмы. Однако герцог наконец задышал сам, не сосредотачиваясь более на каждом вздохе. Измучился он не меньше моего и теперь с закрытыми глазами бессильно обмяк в кресле, дыша мелко, часто, но все-таки без посторонней помощи! У меня и самой от переизбытка воздуха – я ведь дышала с герцогом в унисон – заметно кружилась голова.

– Вот, возьми, *piuthar-cheile*¹², – сказала Дженни мне на ухо, и я открыла глаза, не сообразив даже, когда успела их зажмурить. Она вложила мне в руку стакан с бренди. – Виски в доме нет, но и это, думаю, сгодится. Может, его светлости тоже капельку налить?

– Само собой, – надменно ответил тот, не шевельнув, однако, даже пальцем. – Буду весьма признателен, мадам.

– Да, ему не повредит, – согласилась я, потягивая спину. – И себе налей. Сядем и выпьем. И вы тоже, миссис Фигг.

Дженни и миссис Фигг трудились наряду со мной, то перемальвая траву, то заваривая настой, то таская холодные полотенца, чтобы утирать пот. Лишь благодаря их самоотверженной помощи мне удалось сохранить герцогу жизнь.

Миссис Фигг имела четкие представления о надлежащем для прислуги поведении – и туда не входили задушевные разговоры за бокалом бренди с хозяевами дома, не говоря уже о заезжих герцогах. Однако даже она все-таки признала, что в этот день обстоятельства выдались более чем необычные. Поэтому экономка чопорно уселась на тахту возле двери, откуда запросто прогнала бы любого незваного гостя, осмелившегося сунуться в дом без приглашения.

Какое-то время все молчали, в комнате царил умиротворение. В душевной атмосфере ощущалось то самое чувство товарищества, которое – пусть даже на время – связывает людей,

¹² Свояченица (гэльск.).

прошедших через тяжкое испытание. Однако постепенно я осознала, что в распахнутое окно с воздухом несутся странные уличные шумы: непривычно громкие крики и грохот колес. А еще далекий гром барабанов.

Миссис Фигг тоже это заметила и с любопытством повернула голову, тряхнув ленточками чепца.

– Господи Иисусе, помилуй нас! – сказала она, отставляя пустой стакан. – Что-то нехорошее грядет.

Дженни удивленно подняла бровь и с опаской повернулась ко мне.

– Нехорошее? – уточнила она.

– Как полагаю, речь о Континентальной армии, – заговорил Пардлоу. Он глубоко вдохнул и откинул голову на спинку кресла. – Господи... До чего же славно просто дышать.

Дыхание у него до сих пор было учащенным, но уже не поверхностным. Он поднял бокал, отсалютовал мне.

– Благодарю вас, моя... дорогая. Кажется, я и так был перед вами в долгу... из-за моего сына, а теперь...

– Что значит Континентальная армия? – перебила я. Свой стакан, тоже опустевший, поставила на стол. Сердце, унявшееся было за последние минуты, опять зачастило.

Пардлоу прикрыл один глаз, а другим посмотрел на меня.

– Американцы, – негромко пояснил он. – Повстанцы. Что еще... это может значить?

– Хотите сказать, они скоро будут здесь? – осторожно спросила я.

– Ничего я не хочу сказать, – уточнил он и кивнул на миссис Фигг. – Это она говорит... Впрочем, все чистая правда. Люди генерала Клинтона... покинули Филадельфию. Думаю, Вашингтон... готов занять город.

Дженни раздраженно выдохнула, а миссис Фигг грязно выругалась на французском, правда, тут же зажала рот пухлой ладонью.

– О, – только и сказала я невыразительно.

На сегодняшней встрече с Клинтонном я была совсем сбита с толку и потому не подумала, к чему может привести уход британской армии.

Миссис Фигг решительно встала.

– Пойду спрячу столовое серебро. Леди Грей, оно будет закопано под ракитовым кустом у летней кухни.

– Погодите! – Я вскинула руку. – Не думаю, что стоит так торопить события, миссис Фигг. Англичане еще не ушли из города, и американцы нас пока не осадили. А вилки нам пригодятся к ужину.

Та недовольно хмыкнула, но все-таки кивнула и стала собирать стаканы из-под бренди.

– Что тогда приготовить? У меня есть холодный окорок, но я подумывала сделать куриное фрикасе. Уильяму оно нравится. – Она бросила мрачный взгляд в сторону гостиной, где на обоях бурели кровавые пятна. – Как думаете, к вечеру он вернется?

Вообще-то Уильям жил в казармах, но частенько проводил ночь в особняке – особенно если миссис Фигг готовила куриное фрикасе.

– Бог его знает, – ответила я.

Подумать об Уильяме времени у меня тоже не было. Может, он и вернется, когда остынет, чтобы поговорить с Джоном. Я много раз видела, как бесятся Фрэзеры, они редко таят в себе зло. Обычно предпочитают сразу рубить сплеча. Я украдкой взглянула на Дженни. В ответ та посмотрела на меня, словно бы невзначай положив локоть на стол и задумчиво прижав палец к губам. Я улыбнулась ей краешком рта.

– И где же мой племянник? – спросил Хэл, сумев наконец сосредоточиться на чем-то помимо следующего вдоха. – И, если уж на то пошло, где мой брат?

– Не знаю, – ответила я, забирая стакан у герцога и ставя его на поднос миссис Фигг. – Правда не знаю, я не вру. Но надеюсь, он скоро вернется.

Я потеряла лицо и пригладила волосы. И так, пора заняться пациентом.

– Уверена, что Джон тоже очень хотел бы повидаться с вами. Но...

– Я бы столь уверен не был, – перебил герцог и окинул меня взглядом: всю, от босых ног до растрепанных волос. Насмешливая улыбка стала шире. – Вы должны рассказать... при случае... как так вышло... что Джон на вас женился.

– В приступе отчаяния, – кротко ответила я. – Впрочем, вам уже пора в постель. Миссис Фигг, спальня готова?..

– Благодарю, миссис Фигг, – перебил герцог. – В этом нет... необходимости...

Я шагнула к нему, смерив пациента строгим взглядом опытной сиделки.

– Хэральд, – начала я сурово. – Я не только ваша невестка. – От этого слова почему-то пробрало дрожью, но я мысленно отмахнулась. – Я еще и ваш врач. И если вы не будете... Что такое?!

Герцог глядел меня все с тем же загадочным выражением: не то с насмешкой, не то с весельем.

– Вы сами разрешили называть себя по имени!

– Да, – признал он. – Но Хэральдом меня не звали... лет этак с трех. – Он вполне искренне улыбнулся. – Родные зовут меня Хэлом.

– Ладно, пусть будет Хэл. – Я улыбнулась в ответ, но увести себя от темы не позволила. – Сейчас, Хэл, вас хорошенько оботрут губкой, и вы отправитесь баиньки.

Он расхохотался, но тут же снова захрипел. Покашлял немного, прижимая кулак к ребрам, замолчал, осторожно кхекнул еще пару раз и наконец устался на меня.

– Вы, невестка, и впрямь считаете... будто мне три года? Хотите отправить в постель... без сладкого?

Подобрав под себя ноги, он попытался встать. Я легонько толкнула его в грудь раскрытой ладонью. Герцог не удержался и упал обратно в кресло, донельзя оскорбленный. И, надо признать, испуганный: до этой поры он и не сознавал, насколько на самом деле слаб. Подобные приступы всегда вытягивают последние силы.

– Вот видите? – сказала я уже мягче. – У вас ведь бывали приступы и прежде, да?

– Допустим, – неохотно признал он. – И все же...

– И как долго вы отлеживались после предыдущего?

Он поджал губы.

– Неделю. Но это все идиот доктор! Он...

Я положила руку ему на плечо, и герцог замолчал – не только из-за прикосновения, но и потому, что ему банально не хватило воздуха.

– Вы. Не можете. Дышать. Самостоятельно, – заговорила я, для пушей убедительности разделяя слова. – Хэл, послушайте. Давайте вспомним, что случилось за сегодня. Сперва на улице у вас начался серьезный приступ астмы. Потом вас чуть не растерзала толпа, а вы были беспомощнее ребенка... И не спорьте, Хэл, я все собственными глазами видела!

Я прищурилась. Он тоже, но возражать не стал.

– И наконец, вы едва одолели расстояние от ворот до входной двери – а тут всего-то футов двадцать, – как у вас начался самый настоящий астматический статус¹³. Слышали о таком прежде?

– Нет... – пробормотал он.

¹³ Астматический статус – тяжелое осложнение бронхиальной астмы, возникающее в результате длительного некупирующегося приступа. Может привести к летальному исходу.

– Так вот, теперь слышали, причем испытали на собственном опыте. Сколько в прошлый раз вы провели в постели – неделю? А тот приступ разве мог сравниться с нынешним?

Пардлоу сжал губы в тонкую линию. Глаза его испускали молнии. Вряд ли кто осмелился говорить с герцогом в подобном тоне. Ничего, ему полезно...

– Чертов доктор сказал... все из-за сердца. – Пардлоу разжал кулак, поглаживая грудь. – Я-то знал, что это не оно.

– Думаю, вы правы, – согласилась я. – Это тот самый доктор, который дал вам нюхательные соли? Если так, он и впрямь шарлатан.

Герцог сдавленно хохотнул.

– Пожалуй. – Он замолк, чтобы перевести дух. – Хотя... если по правде... соли он мне не давал. Я сам... Из-за обмороков... Я же говорил.

– Да, помню.

Я села рядом и взяла его за запястье. Герцог вырываться не стал, с любопытством на меня поглядывая. Пульс был хорошим: неторопливым и ровным.

– И давно у вас обмороки?

Я наклонилась, заглядывая ему в глаза. Точечного кровоизлияния нет, признаков желтухи тоже, зрачки одинаковые...

– Довольно давно. – Герцог вдруг с силой отнял руку. – Мадам, у меня нет времени болтать о здоровье! Я...

– Клэр. – Я с улыбкой положила руку ему на грудь, удерживая на месте. – Вы – Хэл, я – Клэр. И вы, ваша светлость, никуда не пойдете.

– Руки уберите!

– У меня большое искушение и впрямь вас отпустить – и полюбоваться, как вы падаете на пол! Но сперва надо дождаться, пока миссис Фигг не сварит микстуру. Иначе вы будете метаться полудохлой рыбиной, а крючок изо рта достать нам будет нечем.

Хотя руку я все равно убрала, встала и вышла из комнаты прежде, чем Пардлоу втянул в себя нужное количество воздуха, чтобы достойно ответить.

Дженни стояла у пустого дверного проема, выглядывая наружу.

– Что там? – спросила я.

– Не знаю. – Она не отводила глаз от кучки оборванцев, которые слонялись на другом конце улицы. – Но мне это не нравится. Думаешь, он прав?

– Насчет того, что британская армия уходит? Да. А с ними – половина лоялистов города.

Я хорошо понимала, из-за чего тревожится Дженни. Воздух был горячим и густым; как обычно, трещали цикады, а листья каштанов висели унылыми тряпочками. Однако в атмосфере уже ощущалось нечто чуждое. Волнение? Паника? Страх? Или даже все разом...

– Как думаешь, может, лучше сходить в типографию? – спросила она, хмуря брови. – Забрать Марсали и детей... Наверное, здесь им будет безопаснее? Вдруг бунт начнется или еще что...

Я покачала головой:

– Вряд ли. Все же знают, что они патриоты. Это лоялистам теперь придется несладко. Раз британской армии нет, защищать их некому, и повстанцы могут делать с ними все, что захотят. А здесь... – По позвоночнику будто провели скользким ледяным пальцем. – А здесь дом лоялиста.

«Причем даже без двери; захочешь – не запрешься», – хотела добавить, но не стала.

Из комнаты донесся грохот падения, но мы с Дженни и глазом не моргнули, за долгие годы привыкнув к общению с упрямыми. Я отсюда слышала, как дышит герцог – вот если начнет опять хрипеть, тогда и приду.

– А тебе самой не опасно его здесь держать? – поинтересовалась Дженни вполголоса, кивая в сторону гостиной. – Может, лучше отвезти его в типографию?

Я задумчиво поморщила лоб. Письма, которые отнес Жермен, ненадолго сдержат поиски, а я отважу любого, кто придет в дом. Однако на помощь солдат в случае чего можно не рассчитывать. Мало ли что произойдет. Вдруг в толпе расслышали адрес, который я назвала носильщикам...

Если повстанцы сплотятся и выступят против беззащитных лоялистов... Я ведь чувствовала царившее в городе напряжение.

– Тебе на крыльцо запросто могут притащить бочонок смолы и мешок перьев, – подхватила Дженни, вторя моим самым мрачным мыслям.

– М-да, не лучшее средство против астмы, – пошутила я, и она фыркнула.

– Может, стоит отдать его светлости генералу Клинтону? Мне уже доводилось прятать в шкафу беглеца, пока солдаты обыскивают мой дом. Вряд ли Сыны свободы, которые явятся за герцогом, будут вести себя вежливее... Особенно если то, что рассказывала про них Марсали, хоть наполовину правда.

– Может, и стоит...

Тяжелую нависшую тишину разорвал грохот выстрела где-то возле реки. Мы встрепенились. Впрочем, все было тихо, так что я осторожно выдохнула.

– Беда в том, что герцог очень болен. Я не могу протащить его через полгорода по пыльной грязной дороге и передать заботам армейского костолома или, допустим, того же шарлатана Хебди. Если у него начнется очередной приступ...

Дженни скривилась и неохотно признала.

– Да, ты права. И самой тебе нельзя уходить из дома: вдруг его светлости и впрямь станет хуже.

– Да, верно...

Тем более что Джейми будет искать меня именно здесь. Уходить нельзя.

– Знаешь, если Джейми не застанет тебя тут, то первым же делом отправится в типографию, – заметила Дженни.

– Можешь уже перестать?

– Что перестать? – удивилась она.

– Читать мои мысли!

– А, это... – Она хмыкнула, щуря синие глаза. – Клэр, все твои мысли написаны на лице. Разве Джейми не говорил?

Я вся, до самого декольте, вспыхнула от смущения (и только сейчас поняла, что так и не сменила янтарное шелковое платье, теперь насквозь мокрое от пота, изрядно запылившееся и вообще потерявшее всяческий вид; вдобавок корсет невыносимо сдавливал грудь). Надеюсь, все-таки я для Дженни не открытая книга. Некоторыми своими соображениями делиться с ней вовсе не хотелось.

– Хорошо, я знаю не все, о чем ты думаешь, – признала она (опять, черт бы ее побрал!). – Но когда ты думаешь о Джейми, это сразу понятно.

Разговор, перешедший на обсуждение моей предательской мимики, мне не нравился. Поэтому я решила извиниться и проведать герцога, который кашлял и вполголоса бранился по-немецки, – однако мое внимание привлек бегущий вдалеке паренек в куртке наизнанку, из-под которой белел подол рубашки.

– Коленсо! – воскликнула я.

– Что? – обернулась Дженни.

– Не что! Кто! Он! – Я ткнула пальцем в маленькую фигурку на другом конце улицы. – Коленсо Барагванат. Грум нашего Уильяма!

Коленсо бежал к дому с такой скоростью, что чуть не сбил нас с Дженни с ног. Мы едва успели отпрянуть. У самого порога он споткнулся и упал лицом вниз.

– Да за тобой словно черт рогатый гонится, парень! – сказала Джейми, помогая ему подняться. – И куда ж ты штаны подевал?

Юноша впрямь был в одной лишь рубашке под курткой, да еще и босой.

– Они забрали, – задыхаясь, выпалил он.

– Кто они?

Я сняла с него куртку и вывернула как надо.

– Они! – Он беспомощно ткнул пальцем в сторону Локаст-стрит. – Я в таверну заглянул, искал лорда Элсмира... А там уйма мужчин, и все гудят, что твой пчелиный рой... Здоровяки, каких поискать. Один меня узнал и как завопит, что я за ними шпионю, хочу донести солдатам. Схватили меня, назвали перебежчиком, куртку вывернули... Один сказал, что проучит меня, на всю жизнь запомню! Штаны стянул и... и... В общем, я как-то вывернулся, прополз под столами и дал деру. – Он утер нос рукавом. – Мадам, а лорд Элсмир дома?

– Нет. Зачем он тебе?

– Ох, не мне, мадам... Его майор Финдли разыскивает. Срочно.

– Хм... Ладно, где бы он ни был, вечером точно появится у себя дома. Ты ведь знаешь, где он живет?

– Да, мадам, только на улицу без штанов я не пойду! – испуганно и в то же время возмущенно выпалил Коленсо. Дженни засмеялась.

– Не стыдись, парнишка. У моего старшего внука найдется пара старых штанов как раз тебе впору. Я в типографию, – сообщила она мне. – Принесу штаны и расскажу Марсали, что творится.

– Хорошо, – неохотно согласилась я, не желая ее отпускать. – Только поспеши назад. И скажи, пусть не вздумает печатать это в газете!

Глава 10

Схождение святого духа на нерадивого апостола

Дэн Морган не солгал: до его «рядом» и впрямь оказалось рукой подать; по заросшей аллее от дорожного тракта в вязовую рощицу, где притаилась ветхая хижина. Возле нее щипал траву толстый серый мерин, чья упряжь валялась на крыльце; он вскинул голову и негромким ржанием поприветствовал гостей.

Джейми вслед за Дэном нырнул в дверной проем и очутился в темной грязной комнате, где воняло кислой капустой и мочой. Окно было лишь одно – с распахнутыми ставнями, сквозь которые солнечный свет падал на продолговатую макушку сидящего за столом высокого мужчины, обернувшегося на стук двери.

– Полковник Морган, – негромко сказал он, на южный манер растягивая слова. – Надеюсь, вы с добрыми вестями?

– Не просто с вестями, генерал! – воскликнул старина Дэн и подтолкнул Джейми к столу. – Вот, встретил по дороге этого пройдоху и, само собой, пригласил к нам. Тот самый полковник Фрэзер, о котором я рассказывал. Прямоком из Шотландии – и, думаю, готов взять на себя командование войсками Тейлора.

Мужчина встал и с улыбкой протянул руку, хотя губы при этом сжимал так плотно, будто боялся мимоходом сболтнуть что-то лишнее. Ростом он не уступал Джейми – и тот, заглянув в пронзительные серо-голубые глаза, понял, что с него в один краткий миг сняли мерку.

– Джордж Вашингтон, – представился тот. – К вашим услугам, сэр.

– Джеймс Фрэзер... – чуть оторопело отозвался тот. – Ваш... наипокорнейший слуга... Сэр!

– Присядьте, мистер Фрэзер. – Великан из Виргинии указал на грубую скамью возле стола. – У меня охромел конь, раб пошел искать другого. Понятия не имею, как быстро он

вернется, потому что мне нужен крепкий зверь, способный выдержать мой вес, а не те дохлые клячи, которые остались в округе. – Он окинул Джейми цепким взглядом, габариты их примерно совпадали. – Вряд ли у вас найдется подходящая лошадь...

– Найдется, конечно же! – Ведь именно на такой ответ Вашингтон и рассчитывал. А Джейми уступил безо всякого сожаления. – Не окажете ли мне честь принять ее в дар, генерал?

Старина Дэн раздраженно хмыкнул и переступил с ноги на ногу, явно желая возразить, но Джейми коротко махнул ему головой. До Филадельфии всего ничего, доберется и пешком.

Вашингтон обрадовался и стал сердечно благодарить Джейми, заверяя, что лошадь вернут ему в тот же миг, как только найдут ей замену.

– Однако в настоящий момент я никак не могу без нее обойтись, – с сожалением сказал он. – Вы же наверняка знаете, что Клинтон отзывает войска из Филадельфии?

Джейми будто молнией тряхнуло.

– Я не... То есть... Нет, сэр, я не знал.

– Я как раз хотел рассказать, – обиженно заявил Дэн. – Вечно мне не дают и слова вставить.

– Почему же – дали, – не без иронии заметил Вашингтон. – Можете еще парочку вставить, если поторопитесь прежде, чем сюда нагрянет Ли. Садитесь, джентльмены, если не против подождать... А! Вот, собственно, и они.

С улицы донесся шум приближающегося конного отряда, и через пару минут в хижину набились офицеры Континентальной армии.

Они, пропыленные и взмокшие, были одеты в разношерстные мундиры, а кое-кто – так и просто в домотканые штаны и рубахи. Одежда за долгие дни в походе заносилась и заляпалась грязью; запах от мужских тел перебивал и без того не самое приятное амбре в хижине.

Впрочем, за всей суетой и шумом Джейми все равно нашел источник резкого запаха мочи: в самом дальнем углу, прижимаясь к стене, стояла худенькая женщина, держащая у груди завернутого в платок младенца. Ее взгляд испуганно перебегал с одного неожиданного гостя на другого. По платку расплывалось темное пятно, но мать боялась сдвинуться с места и сменить пеленку, только переступала с ноги на ногу, похлопывая ребенка, чтобы его успокоить.

– Полковник Фрэзер! Какая встреча! Надо же!

Джейми с удивлением обнаружил, что ему трясет руку Энтони Уэйн – ныне известный как Безумный Энтони, – с которым он последний раз виделся задолго до Тикондероги.

– Как ваша супруга? Как ваш племянник-индеец? – спрашивал тот, улыбаясь во все зубы. Энтони был невысоким и кряжистым, с круглыми, как у бурундука, щеками, острым любопытным носом и яркими глазами, изредка так и полыхавшими бешеным огнем. Хотя сейчас они, к счастью, светились лишь дружеским интересом.

– Все хорошо, сэр. Благодарю. И...

– Скажите, а ваша супруга тоже где-нибудь поблизости? – Уэйн понизил голос: – А то подагра меня вконец замучила, проклятая, а ваша супруга тогда, в Тикондероге, сотворила настоящее чудо с тем абсцессом у меня на спине...

– Полковник Фрэзер, позвольте представить вам генерал-майора Чарльза Ли и генерала Натаниэля Грина.

Голос Вашингтона с протяжным акцентом, к счастью, положил конец рассказам Безумного Энтони про его недуги.

Чарльз Ли был одет лучше всех присутствующих, не считая самого Вашингтона: в полную униформу от горжета до начищенных сапог. Джейми никогда прежде его не встречал, но все равно, даже невзирая на платье, узнал бы в нем опытного солдата. Англичанин держался с таким видом, будто чуял дурной запах, но руку пожал не брезгливо, обронив вполне искренне: «Рад знакомству, сэр». О Чарльзе Ли Джейми знал две вещи – и обе рассказал ему

Йен: что у него жена из могавков и что индейцы называют его *Оуневатерика*. Йен говорил, это значит «кипящая вода».

Стоя между Кипящей Водой и Безумным Энтони, Джейми начал сознавать, что ему надо было прищипорить коня и рвануть куда подальше в тот же миг, как только он увидел на дороге Дэна Моргана. Однако что толку жалеть...

– Садитесь, джентльмены, не будем тратить время попусту. – Вашингтон повернулся к женщине в углу. – Миссис Хардман, у вас найдется выпить?

Она нервно сглотнула, сжимая ребенка так сильно, что тот по-пороссячи взвизгнул и разревелся. Кое-кто из мужчин – отцов, должно быть, – поморщился.

– Нет, Друг, – ответила женщина, и Джейми понял, что она квакер. – Только вода из колодца. Принести ведро?

– Не утруждайся, Друг Хардман, – негромко заговорил Натаниэль Грин. – У меня в седельной сумке найдется пара бутылей, нам хватит. – Он медленно, чтобы не напугать, подошел к женщине и взял ее под руку. – Идем на улицу. Тебе нет нужды проявлять гостеприимство.

Грин был очень высоким и крупным мужчиной, сильно хромал вдобавок, но женщина, завороченная его простой речью, покорно пошла следом – хоть и тревожно оборачивалась на ходу, словно опасаясь, как бы ее хижину не спалили.

Четверть часа спустя Джейми и сам не был уверен, что хижина уцелеет. Воздух внутри раскалился до предела. Последние шесть месяцев Вашингтон со своими людьми безвылазно проторчал в Валли-Фордж, и теперь офицеры рвались в бой.

Разговоры становились громче, планы множились, со всех сторон сыпали возражениями... Джейми слышал вполуха, мыслями он уже умчался в Филадельфию. От Фергуса он узнал достаточно, чтобы понять: город раздирают на части две силы – лоялисты и патриоты. До недавней поры их сдерживали лишь британские солдаты. Однако лоялистов – меньшинство. Как только армия уйдет, они окажутся во власти повстанцев – а те, само собой, отыграются за столько месяцев унижений.

А Клэр... Во рту у Джейми пересохло. Все в Филадельфии знают, что она замужем за лордом Джоном – видным лоялистом. Вдобавок самого Грея рядом нет... милостью Джейми. Клэр теперь одна, беспомощная, в готовом взорваться городе.

Как скоро последние британцы покинут Филадельфию? Увы, этого никто не знал...

Джейми практически не принимал в разговоре участия: прикидывал, сколько времени потребуется, чтобы дойти до Филадельфии пешком (а может, выйти вроде как в уборную – и умыкнуть лошадь, которую он отдал Вашингтону?). Он торопился уйти не только из-за Клэр, но и потому, что помнил слова старины Дэна, когда тот представлял его генералу Вашингтону.

Не хватало еще, чтобы...

– Так что скажете, полковник Фрэзер? – спросил Вашингтон. Джейми закрыл глаза и вверил душу Господу. – Окажете ли вы мне услугу, приняв командование батальоном Генри Тейлора? Тот тяжело заболел и скончался два дня назад.

– Это... большая честь, сэр, – выдавил Джейми. – Однако у меня в Филадельфии... одно неотложное дело. Как только решу его – я к вашим услугам. И, конечно же, я принесу из города последние известия о том, как обстоят дела с войсками генерала Клинтона!

Вашингтон нахмурился было, услышав отказ, но последняя часть фразы заставила Грина и Моргана одобрительно хмыкнуть, а Уэйн склонил мелкую бурундучью голову.

– Хватит ли вам трех дней, полковник?

– Да, сэр!

До города не больше десяти миль – за пару часов доберется. А чтобы забрать Клэр, достаточно и минуты.

– Вот и славно. Вы представлены к временному полевому званию генерала. И...

– *Ifrinn!*

– Прошу прощения, полковник? – удивился Вашингтон. Дэн Морган, который и прежде слышал, как чертыхается на гэльском Джейми, потрясенно застыл.

– Я... благодарю вас, сэр!

Джейми сглотнул, ощущая головокружительную волну жара.

– Хотя ваше назначение должен одобрить Конгресс, – чуть хмуро продолжил Вашингтон. – И есть немалая вероятность, что эти продажные сукины дети откажут.

– Понимаю, сэр, – заверил Джейми. Вся надежда теперь только на Конгресс.

Дэн Морган протянул бутылку, и он сделал большой глоток, едва замечая, что пьет. Совершенно взмокший, опустился на скамью, надеясь избежать еще каких-нибудь назначений.

Господи, и как быть теперь? Он-то рассчитывал по-тихому проникнуть в город, забрать Клэр и поехать куда-нибудь на юг, в Чарльстон или Саванну, где можно будет поставить печатный станок и до конца войны заниматься спокойным делом. А потом вернуться в Ридж. Джейми знал, что в любом случае рискует: нынче каждый мужчина младше шестидесяти лет призывался на воинскую службу, и, если уж на то пошло, безопаснее быть генералом, чем командовать мелким отрядом ополченцев. Кроме того, генерал может уйти в отставку... Единственная ободряющая мысль.

За этими разговорами Джейми украдкой разглядывал Вашингтона, обращая внимание и на то, как он говорит, и как движется, чтобы потом во всех подробностях пересказать Клэр. Жаль, что Брианна не услышит; они с Роджером Маком не раз размышляли о том, каково это – повстречать вдруг персону вроде Вашингтона... Хотя Джейми по опыту общения со многими известными личностями сказал бы, что зачастую то еще разочарование.

Впрочем, надо признать, Вашингтон вел себя достойно: он больше слушал, чем говорил, и замечания отпускал строго по делу. Держался уверенно и непринужденно, однако чувствовалось, что грядущие события весьма его волнуют. Лицо у него было рябым и совсем некрасивым, однако светилось достоинством и присутствием духа.

Внезапно он оживился и стал изредка хохотать, показывая крупные испещренные пятнами зубы. Джейми зачарованно распахнул глаза: Брианна говорила, они ненастоящие, сделаны то ли из дерева, то ли из кости гиппопотама. Невольно Джейми вспомнил о Старом Лисе: у деда тоже была вставная челюсть из бука. Когда-то давным-давно, в пылу спора, Джейми швырнул ее в огонь – и на мгновение он словно бы опять очутился в замке Босфор, почувствовал запах торфяного дыма и жареной оленины, а каждый волосок на теле ощерился колючкой, напоминая, что он в доме врага и любой из родичей с радостью его прикончит.

И столь же неожиданно он вернулся: оказался вдруг на скамье между Ли и стариной Дэном, чувствуя запах пота и волнения, от которого невольно вскипала кровь.

Странное это чувство: сидеть в шаге от человека, с которым практически не знаком, но о котором знаешь едва ли не больше его самого.

Впрочем, он и прежде сидел рядом с Чарльзом Стюартом, зная, какая участь ему уготована, потому что об этом рассказывала Клэр.

Хотя... Иисус говорил Фоме: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». А как назвать того, кто все-таки видел и теперь вынужден жить с этим знанием? Увы, это трудно назвать благословением...

* * *

Прошло не меньше часа, прежде чем Вашингтон распрошался с остальными генералами. Джейми не раз успел подумать, что проще вскочить, опрокинуть стол и сбежать, а Континентальная армия пусть сама разбирается со своими бедами.

Он по опыту знал, как медленно движутся войска, не растрчивая попусту силы. Да и Вашингтон, похоже, считал, что британцы покинут Филадельфию не ранее чем через неделю. Только бесполезно себя убеждать, что времени еще достаточно – тело, казалось, живет собственными желаниями. Джейми мог подавить голод, жажду, усталость и боль от ран... Однако не мог ничего поделаться с необходимостью увидеть сию же минуту Клэр.

Наверное, это и есть тот самый «переизбыток тестостерона», о котором частенько упоминали они с Брианной, когда говорили о странном, на их взгляд, поведении мужчин. Надо будет как-нибудь спросить, что такое этот самый «тестостерон»...

Джейми заерзал на скамье, пытаясь сосредоточиться на словах Вашингтона.

Наконец в дверь постучали, и в хижину заглянул темнокожий мужчина.

– Готово, сэръ, – сказал он с протяжным акцентом, выдававшим уроженца Виргинии.

– Благодарю, Цезарь. – Вашингтон кивнул в ответ, поставил обе руки на стол и поднялся. – Итак, договорились, джентльмены? Генерал Ли, вы едете со мной. С остальными, как условлено, встретимся на ферме Сатфина, если не поступит иных распоряжений.

Сердце у Джейми радостно скакнуло, и он хотел было встать, но старина Дэн схватил его за рукав.

– Погодите-ка минутку. Надо же узнать о своем новом отряде, так?

– Я... – начал Джейми и огляделся, но помощи ждать было неоткуда.

Поэтому он сел, дожидаясь, пока Натаниэль Грин поблагодарит миссис Хардман за гостеприимство и вручит ей небольшую компенсацию от армии за труды. Джейми был готов побиться об заклад, что монеты в кошельке вовсе не армейские, а самого Грина, но женщина взяла их, хоть на измученном лице не отразилось ни толики радости. Плечи ее поникли, как только последние генералы скрылись за дверью. Все-таки их присутствие подвергало женщину с ребенком немалой опасности – кто-нибудь мог увидеть в ее доме людей в форме Контиентальной армии.

Она мельком взглянула на них с Дэном, но, кажется, их общество тревожило ее меньше – все-таки они в гражданском платье. Свой мундир Дэн снял и, вывернув наизнанку, сложил рядом на скамье.

– Ну как, нимб голову не печет? – спросил он вдруг.

– Что?!

Джейми оторопел.

– «В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!»¹⁴ – процитировал Дэн и широко ухмыльнулся. – Моя Эбигейл – женщина набожная и частенько зачитывает мне куски из Библии в надежде, что я остепенюсь, хотя, надо сказать, пользы от ее усердия мало.

Он вытащил из холщового мешка пачку потрепанных бумаг с загнутыми уголками, роговую чернильницу и пару рваных перьев.

– Итак, прежде чем свежевоскрешенный Иисус наш удалится по своим делам, позвольте написать имена ваших ротных командиров и указать их расположение, потому что находятся они все вовсе не в лагере. Миссис Хардман, мадам, вас не затруднит принести капельку воды для чернил?

Джейми приложил все силы, чтобы справиться с этим делом побыстрее, и следующие пятнадцать минут разбирал каракули, нацарапанные медлительной рукой Дэна.

До Филадельфии идти часа два... может, три...

– У вас есть деньги на первые расходы? – у самых дверей спросил Дэн.

¹⁴ Евангелие от Иоанна, 20:19.

– Ни пенни, – признался Джейми, бросая взгляд на пояс, где обычно болтался кошель. Он давно отдал его Дженни, чтобы та во время дороги могла развлечься и купить какие-нибудь безделушки. А сегодня утром он так торопился увидеть Клэр, что из типографии выскочил, не прихватив ничего, кроме одежды на плечах и пачки листовок для Фергуса.

Джейми задумался на минуту, как все сложилось бы, не попадись он на глаза солдатам, когда передавал Фергусу бумаги, – тогда он не привел бы за собой погоню в дом лорда Джона... не столкнулся бы с Уильямом...

Хотя сокрушаться в любом случае уже поздно.

Дэн снова залез в свой мешок, выудил еще один, поменьше, и звенящий кошель в придачу.

– Вот, немного еды на дорогу и аванс в счет вашего генеральского жалованья, сэр. – Он расхохотался над собственной остроумной шуткой. – Униформу придется купить; ни один портной в Филадельфии не возьмется за пошив мундира Континентальной армии. И горе вам, если предстанете пред очи Джорджа Вашингтона в ненадлежащем виде. Он рьяный сторонник мундиров: говорит, нельзя внушить к себе уважение, если выглядишь последним оборванцем. Хотя вы и сами, небось, это знаете.

Дэн (который в обеих битвах под Саратогой сражался в одной лишь охотничьей рубашке, из-за жары повесив мундир на ветку) широко улыбнулся. На загорелой коже ярко проступил белый шрам у верхней губы, там, где пуля прошла навывлет.

– Засим позвольте откланяться, генерал Фрэзер!

Джейми фыркнул, но все же с улыбкой встал, чтобы пожать Дэну руку. Затем вернулся к разбросанным по столу бумагам, сложил их вместе с кошельком (и одиноким пером, которое позабыл старина Морган) в сумку. За еду он был особенно благодарен: мешок источал аромат вяленого мяса и лепешек, на дне прощупывались твердые яблоки. Утром Джейми даже позавтракать не успел.

Он встал – и вдруг ногу от поясницы до самой стопы белой вспышкой пронзила боль. Ахнув, Джейми упал на табурет: нижнюю часть спины и правую ягодицу скрутило судорогой.

– Господи Иисусе, Пресвятая Дева Мария, только не сейчас! – простонал он сквозь зубы не то молитву, не то проклятие.

Первый раз спина хрустнула, еще когда он избивал Джона Грея, но тогда в пылу схватки Джейми не обратил на это внимания. Потом, в седле, был слишком занят невеселыми мыслями. А теперь, после часа на жесткой скамье, мышцы успели вконец заоченеть, и...

Он попытался было встать, но тут же сполз обратно. Уперся в столешницу кулаками, склонил голову и произнес на гэльском пару фраз – отнюдь не молитвенных.

– Все хорошо, Друг мой?

Хозяйка дома тревожно прищурилась.

– Се... кундочку, – выдавил Джейми, пытаясь дышать так, как учила Клэр, чтобы снять спазмы.

– У вас будто бы схватки, – насмешливо сказала женщина.

Прежде и сам Джейми находил это забавным, но не сегодня.

Боль понемногу улеглась. Он вытянул ногу и очень медленно снова согнул. Вот так, потихоньку... Но только он приподнялся, всю нижнюю часть тела опять сковало, и ягодицу прострелило слепящей болью.

– У вас есть... виски?.. Или ром?

Только бы встать на ноги... Однако женщина покачала головой.

– Прости, Друг. Даже пива нет. И молока для детей тоже, – с горечью добавила она. – Солдаты всех коз увели.

Она не уточнила, что за солдаты; впрочем, ей было и не важно. Джейми, буркнув под нос извинения на тот случай, если это были борцы за независимость или ополченцы, снова опу-

стился на стул. Такое с ним случалось уже трижды – неожиданная вспышка боли напрочь лишала его возможности двигаться. Первый раз он встал на ноги лишь на четвертый день, потом – на второй, но следующие несколько недель все равно передвигался с большим трудом.

– Сильно болит? Могу дать сироп из ревеня, – предложила женщина.

Джейми выдавил улыбку, но покачал головой.

– Благодарю, мэм. Просто спину прихватило. Сейчас отпустит и будет легче.

Беда в том, что отпустит далеко не сразу, и все это время он будет практически беспомощен. Джейми начинал паниковать.

– Ох...

Женщина нерешительно замерла, но тут заплакал ребенок, и она взяла его на руки. Из-под кровати выползла девочка – мелкая еще, лет пяти-шести – и с любопытством уставилась на Джейми.

– Ты останешься на ужин? – на удивление четко заговорила она и нахмурилась. – Кажется, ты очень много ешь.

Похоже, она все-таки постарше – лет восьми, а то и девяти. Джейми улыбнулся. От боли на лбу выступила испарина, но уже можно было дышать.

– Вашу еду, *nighean*¹⁵, я брать не буду, – заверил он. – Более того, в сумке у меня есть добрый ломоть хлеба и мясо, это тебе.

Глаза у нее стали размером с монету, и Джейми уточнил:

– Я хочу сказать, всем вам.

Она уставилась на сумку и жадно сглотнула слюну. У Джейми засосало под ложечкой.

– Прю! – прошептала девочка, глядя под стол. – Еда!

Оттуда выползла еще одна малышка и встала рядом. Обе они были тощие, что твои жерди, но при этом совершенно разные на вид.

– Я слышала, – сообщила новенькая и торжествующие посмотрела на Джейми. – Не вздумай пить мамин сироп из ревеня, – предупредила она. – Дерьмо так и попрет, до уборной не успеешь убежать...

– Пруденс!

Та благоразумно замолчала, хотя по-прежнему бросала на Джейми любопытные взгляды. Ее сестра встала на колени и, пошарив под кроватью, выудила глиняный коричневый горшок – важный предмет домашнего обихода.

– Мы, если надо, отвернемся...

– Пейшенс!

Миссис Хардман, красная от смущения, отняла горшок у девочек и погнала их к столу, куда (мельком взглянув на Джейми и убедившись, что он не передумал) выложила хлеб и мясо из его сумки, скрупулезно поделив их на три части: две побольше для дочерей, одну поменьше – для себя, отложив ее в сторону.

Горшок она оставила на полу у кровати. Джейми заметил белую надпись на дне. Он прищурился, чтобы разобрать при тусклом свете буквы, и улыбнулся. Вокруг пчелки, озорно подмигивающей из горшка, вилась латинская надпись: *Iam apis potanda fineo ne*.

Такие штуки он встречал и прежде: в эдинбургском борделе, где он когда-то снимал комнату, было полным-полно посуды с подобными каламбурами на псевдолатыни. Иногда откровенно вульгарными, иногда, как здесь, вполне удачными.

Если читать по-латыни, звучит как бред: «Не пейте пчелу сейчас», но если по-другому расставить пробелы в словах, на английском они обретают смысл: «Я ночной горшок, причем отличного качества».

¹⁵ Дочка (гэльск.).

Джейми задумчиво уставился на миссис Хардман. Вряд ли надпись – ее рук дело. Скорее всего, ее супруг был человеком образованным... Причем, судя по нищете в доме, именно что «был»... Джейми мысленно перекрестился.

Проснувшийся младенец возился в колыбели, попискивая, словно новорожденный лисенок. Миссис Хардман взяла его на руки, ногой подтянув потертый стульчик для кормления. Положив на минутку ребенка на кровать рядом с Джейми, она расстегнула лиф, свободной рукой подхватив при этом яблоко, которое случайно столкнула локтем со стола одна из старших девочек.

Ребенок жадно чмокал губами, изголодавшись не меньше сестер.

– Я так понимаю, это маленькая Честити? – спросил Джейми.

– Откуда вы знаете, как ее зовут?! – поразила миссис Хардман.

Джейми взглянул на Пруденс и Пейшенс – Благоразумие и Терпение, – которые жадно набивали рты мясом.

– Ну, девочек по имени Трезвость и Стойкость я прежде не встречал, остается только Целомудрие, – негромко ответил он. – Пеленки совсем промокли, у вас есть чистые?

У очага сушились две изношенные тряпицы. Женщина сняла одну и, повернувшись, обнаружила, что Джейми уже распутал отсыревший подгузник, как называла эти штуки Клэр, и, придерживая ребенка за ножки, вытирает младенческую попку.

– Как вижу, у вас есть дети...

Миссис Хардман удивленно приподняла бровь. Кивнув, она забрала грязную пеленку и бросила ее в ведро с водой и уксусом, стоявшее в дальнем углу.

– Уже внуки.

Джейми пошевелил пальцами перед носом крошки Честити. Та скосила глаза и восторженно засучила ножками.

– Не говорю уж о шести племянниках и племянницах.

Как там поживают Джем и Мэнди? И не задыхается ли бедняжка Анри-Кристиан? Джейми пощекотал розовую гладкую пяточку, вспоминая на удивление красивые голубоватые пальчики Мэнди: длинные, как у лягушки.

– Вся в тебя, – сказала тогда Клэр, щечоча Мэнди другую ножку. И вдруг большой пальчик у внучки подогнулся. Как же Клэр это называла?..

Он попробовал сам сейчас повернуть этот трюк – и чуть не захлебнулся от восторга, когда пальчик Честити тоже дернулся от щекотки.

– Бабинского, – сообщил он миссис Хардман, вспомнив наконец странное имя. – Рефлекс Бабинского – вот как называется, если у ребенка подгибается пальчик.

Миссис Хардман удивилась – и еще больше, когда он ловко спеленал малышку и закутал ее в одеяльце. Женщина взяла ребенка и с непередаваемым выражением лица села на стул, прикрывшись шалью. Джейми, будучи неспособен отвернуться, зажмурил глаза, чтобы ее не смущать.

Глава 11

Помните Паоли!

Было непросто утирать с лица пот связанными руками. И совсем уж невозможно – уберечь от соли раненый глаз, распухший и несмыкающийся. Пот непрерывной струйкой бежал по щеке и капал с подбородка. Заморгав, чтобы хоть на секунду вернуть ясность зрения, Джон Грей не заметил низкую ветку посреди тропинки, стукнулся об нее лбом и упал.

Шедшие следом остановились, недовольно забурчав и забряцав оружием. Грея подхватили и грубым рывком подняли на ноги, однако высокий костлявый солдат, чьим заботам поручили

чили пленника, лишь негромко сказал: «Осторожней, милорд» – и легонько толкнул в спину вместо того, чтобы дать хорошего пинка.

Воодушевленный столь добрым поведением, Грей поблагодарил мужчину и спросил его имя.

– Мое? – удивился тот. – Ох... Бампо. Нэтти Бампо. – И спустя миг добавил: – Хотя все зовут меня Ястребиный Глаз.

– Неудивительно, – вполголоса заметил Грей и, поклонившись на ходу, кивком указал на длинный мушкет, висевший у мужчины за спиной. – Рад знакомству, сэра. Как понимаю, это потому, что вы отличный стрелок?

– А вы, ваша светлость, сообразительный, – насмешливо протянул Бампо. – А что? Пострелять хотите?.. Или подстрелить кого?

– У меня целый список, – сообщил Грей. – Обязательно к вам обращусь, как только его допишу.

Он скорее почувствовал, чем услышал, как Бампо беззвучно хохочет.

– Позвольте-ка угадать, первым в вашем списке числится тот верзила шотландец, который вам в глаз засветил?

– Да, его имя в верхних строках.

Вообще-то Грей еще не определился, кого прикончить первым: Джейми Фрэзера или своего чертова брата. Скорее всего, Хэла. Будет весело, если из-за брата его, собственно, и расстреляют. Хотя его похитители вроде как предпочитают пленников вешать...

Это напомнило о том разговоре, который Грей слышал, прежде чем они свернули в лес, на оленью тропу, заросшую терновником и кишашую клещами и кусачими мухами размером с ноготь большого пальца.

– Мистер Бампо, а вы, случаем, не знаете, что такое или кто этот самый Паоли? – вежливо спросил он, носком сапога отшвыривая с тропинки еловую шишку.

– Вы не знаете про Паоли?! – пораженно воскликнул мужчина. – Вы что, в Америку вчера приехали?

– Можно и так сказать, – сдержанно ответил Грей.

– А. – Бампо задумался, принаравливаясь к более короткому шагу Грея. – Хотя, если по правде, про ту битву и впрямь мало кто слышал. Генерал-майор Грей – поговаривают, ваш родич – со своим отрядом как-то ночью пробрался в лагерь генерала Уэйна. Грей не хотел выдать себя случайной вспышкой от кремня, поэтому велел орудовать одними лишь штыками. Человек сто зарезали прямиком в постелях, точно свиней!

– В самом деле?.. – Грей попытался припомнить, в какой из недавних битв были такие потери, но не смог. – А при чем тут Паоли?

– А. Так таверна неподалеку называлась – «Таверна Паоли».

– Ясно. И где это? Где находится то место? И когда именно случилась битва?

Бампо задумчиво вытянул губы, потом поджал их.

– Под Малверном где-то, в прошлом сентябре. Резня в Паоли, так ее называют, – добавил он с некоторым сомнением.

– Резня? – переспросил Грей.

В тех краях он бывал, хоть и немного позднее, и даже слышал о недавнем сражении – однако резней его никто не называл. Впрочем, многое зависит от того, с какой стороны смотреть... А вообще Уильям Хау очень одобрительно отзывался об успешной вылазке отряда британцев, которые практически без потерь – всего семеро убитых! – разгромили целую американскую дивизию.

Видимо, и Бампо сомневался в уместности столь пафосного названия.

– Ну, так люди поговаривают. – Он пожал одним плечом. – Я б сам резней это не назвал... Но я-то повидал в жизни всякого, а другие вот – нет.

– Чего, например, всякого?

Глядя на высоченного косматого бандита, Грей ничуть не сомневался в его богатом жизненном опыте.

– Меня вырастили индейцы, – с заметной гордостью заявил Бампо. – Могикане. Потому что всю мою родню убили, еще когда я совсем крохой был. Так что да, настоящую резню видеть мне приходилось...

– Правда? – спросил Грей; врожденная любезность обязывала его демонстрировать интерес на тот случай, если собеседник вдруг захочет продолжить рассказ. Тем более беседа помогла скоротать путь: они все шли и шли, а дороге, казалось, нет конца...

Хотя не то чтобы Грей торопился увидеть поскорее этот самый конец.

Как бы там ни было, за рассказами Бампо время пролетело незаметно, и Грей удивился, когда Вудбайн вдруг приказал остановиться у самых границ большого военного лагеря. Передышке Грей даже обрадовался: обувь на нем городская, не походная, и он давно изорвал в клочья чулки и стер ноги в кровь.

– Разведчик Бампо. – Вудбайн мимоходом кивнул спутнику Грея. – Отведите остальных к расположению Зика Боуэна. Я сам доставлю пленника к полковнику Смигу.

Его слова вызвали недовольный ропот: остальные предпочли бы составить командирскую компанию, чтобы не пропустить казнь, которая наверняка должна была последовать незамедлительно. Вудбайн, однако, в своем решении был тверд, и ополченцы, бурча и сыпя проклятиями, нехотя поплелись за Нэтти Бампо.

Вудбайн проводил их взглядом, потом выпрямился, стряхнул гусеницу с потрепанного мундира и поправил ветхую шляпу.

– Ну что, подполковник Грей... Идем?

* * *

Рассказы Нэтти Бампо, полные крови и ужасающих подробностей, заставили Грея задуматься, что, возможно, повешение – не такая уж и плохая смерть. Правда, быть свидетелем резни ему пока что не доводилось, а вот повешенных он лицезрел не раз, и от одной этой мысли пересыхало во рту.

Глаз хоть и меньше, но слезился, лицо распухло, и из-за сильного отека возникло ощущение, будто весь череп перекошило. Однако Грей задрал подбородок и смело, впереди Вудбайна, зашагал к рваной брезентовой палатке.

Полковник Смит поднял голову, удивляясь внезапному вторжению, однако Грей опешил куда сильнее.

Последний раз он видел Уотсона Смита в гостиной своей невестки в Лондоне два года назад – угощающимся сэндвичами с огурцом. Причем носил тот тогда мундир капитана «Буйволы»¹⁶.

– Мистер Смит. – Грей первым пришел в себя и учтиво поклонился. – Рад встрече, сэр.

Он сел на пустой стул, не дожидаясь приглашения, и открыто – насколько позволял заплывший глаз – уставился на полковника.

Тот заметно вспыхнул, но откинулся на спинку кресла, собираясь с мыслями, прежде чем ответить. Роста он был невысокого, зато широкоплечий и с крепкой выправкой. Грей знал, что Смит опытный полководец. Настолько опытный, что обратился не к самому Грею, а к сопровождавшему его капралу Вудбайну.

– Капрал, как сюда попал этот джентльмен?

– Это подполковник лорд Джон Грей, сэр, – отрапортовал тот.

¹⁶ «Буйволы» – 3-й пехотный полк, один из старейших полков британской армии.

Вудбайна так распирало от гордости, что патент на воинский чин с сопроводительным письмом он выложил на стол с видом мажордома, подающего монаршей особе жаркое из фазана с алмазными глазками.

– Мы схватили его в лесу близ Филадельфии. Без униформы... э-э-э... как видите, сэр. – Он резко откашлялся. – И он признал близкое родство с генерал-майором Греем. Тем самым – ответственным за резню в Паоли.

– Неужто? – Смит взял бумаги, вопросительно взглянув на Грея. – И что же он там делал?

– Там его колошматил полковник Фрэзер, сэр. Который из офицеров Моргана... Так он сказал, – уже с меньшим апломбом добавил Вудбайн.

Смит недоуменно моргнул.

– Фрэзер... Не помню такого. Значит, вы водите знакомство с полковником Фрэзером... подполковник Грей? – впервые обратился он напрямую к Джону.

Старательно выдержанная пауза говорила о многом. Впрочем, другого Грей и не ждал. Он утер, как мог, нос рукавом и расправил плечи.

– Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, сэр. Они неуместны. Мое имя, чин и полк вы уже знаете. Остальное – мое личное дело.

Смит прищурился. Глаза у него, к слову, были на удивление красивы – светло-серые, с темными бровями и ресницами, очень выразительные. Грей еще в прошлый раз заметил, когда тот пил чай у Минни.

Вудбайн кашлянул.

– Э-э-э... Полковник Фрэзер говорил, что этот человек его пленник, сэр. Но почему, не сказал, а когда я настоял на ответе... хм... ушел. Тогда мы обыскали его светлость... э-э-э... господина подполковника и обнаружили эти бумаги.

– Ушел, значит, – медленно выговорил Смит. – А вы, капрал, его отпустили?

Вудбайн подрастерял уверенность, но, не будучи трусом, набычился и хмуро посмотрел на Смита.

– Остановить его можно было лишь пулей в спину. Сэр, – резковато добавил он.

У Смита побелели ноздри. Англичанину, должно быть, непривычно командовать подобными людьми.

И жить в таких условиях тоже. Пусть мундир Смита был чистым и выглаженным, а парик – опрятным, но палатка, хоть и просторная, прошла уже немало кампаний и поистрепалась, пестря многочисленными заплатами и дырами. Что, в общем-то, даже неплохо, подумал Грей, с наслаждением прикрывая глаза, когда сквозь прореху пробился ветерок, разгоняя невыносимую духоту. Ужасно болела голова, а прохлада немного унимала мигрень.

– Хорошо, капрал, – спустя минуту заговорил Смит, так и не придумав, о чем еще спросить. – Молодцы, – запоздало добавил он.

– Благодарю, сэр. – Вудбайн замешкался, не желая упускать все веселье. – Позвольте спросить, сэр... как вы поступите с пленником?

Грей открыл глаза, с немалым интересом прислушиваясь к разговору. Оказалось, Смит глядит на него со странно хищным огоньком в глазах.

– О, что-нибудь придумаю, капрал Вудбайн, – заявил он. – Можете идти. Доброй ночи.

* * *

Смит встал и приблизился к Грею, вглядываясь ему в лицо. Тот ощущал исходящий от него мускусный запах пота.

– Вам врач нужен? – равнодушно, но без лишней враждебности спросил Смит.

– Нет, – ответил Грей. Бок болел нещадно, голова кружилась, но вряд ли врач чем-нибудь ему поможет. Тем более что после общения с Клэр он вовсе перестал доверять армейским костоломам, хотя и прежде не испытывал к ним особой приязни.

Кивнув, Смит вытащил из выдавшего виды сундука две мятые оловянные чаши и глиняную бутылку – как оказалось, с яблочным сидром. Чаши он наполнил до краев, и какое-то время они с Греем сидели в тишине, потягивая напиток.

До летнего солнцестояния оставались считанные дни, и еще не стемнело, хотя снаружи доносился шум вечерней суеты. Взревел вдруг мул, его рев подхватили другие. Раздался стук колес – наверное, пушки? Грей вдохнул, раздувая ноздри: у артиллеристов свой особый запах – едкая смесь пота, черного пороха и раскаленного металла, куда более резкая, чем у пехотинцев с мушкетами. Стальная вонь навсегда въедается в одежду артиллериста, как и в его душу.

Однако сейчас Грей чуял не оружейные запахи, а аромат жареного мяса. Он просачивался в палатку, заставляя желудок жалобно урчать: с самого утра в нем не было ничего, кроме пива, которым Джон обычно завтракал. Смита немного передернуло при этом звуке, но он деликатно промолчал.

Допив свой сидр, полковник вновь наполнил чаши и откашлялся.

– Не буду досаждать вам вопросами, раз уж не хотите отвечать, – осторожно начал он. – Но если вы захотите что-нибудь узнать... по гражданским делам, оскорбляться не стану.

Грей сдержанно улыбнулся.

– Весьма любезно с вашей стороны, сэр. Хотите заверить меня в добром расположении? Уверяю, в этом нет необходимости.

На щеках у Смита вспыхнули яркие пятна.

– Это в мои намерения вовсе не входило, – сухо ответил он.

– Тогда прошу прощения.

Грей сделал еще глоток. Сладкий сидр успокаивал голодные спазмы в желудке и унимал боль в боку, хотя голова от хмельного напитка кружилась еще сильнее.

– И что же я мог узнать? Каково нынешнее оснащение Континентальной армии? Полагаю, это и без того понятно, судя по тем джентльменам, которые меня пленили... и иным деталям.

Он выразительно обвел палатку взглядом, не оставляя без внимания ни глиняные осколки на полу, ни груды грязного белья в дальнем углу. Должно быть, ординарца у Смита нет или тот полный неумеха. На мгновение Грей затосковал по Тому Берду – лучшему камердинеру на свете.

Смит взял себя в руки и коротко хохотнул.

– Да, пожалуй. Это не такой уж секрет. Нет, я думал, вы любопытствуете насчет моих планов относительно вашей персоны.

– А, это... – Грей поставил чашку и утер лоб, стараясь не задеть пострадавший глаз. – По правде говоря, я об этом совсем забыл – так удивился, когда встретил здесь вас. А после вы поразили меня своим гостеприимством, – добавил он, безо всякой иронии поднимая чашу. – Ведь капрал Вудбайн со своими людьми рассчитывал, что меня сразу же повесят по обвинению в шпионаже... или, скорее, из-за родственных связей с генерал-майором Чарльзом Греем, который, как я понял, совершил некое зверство в месте под названием Паоли.

Смит выгнул бровь.

– А вы разве не шпион?

– Не смешите меня. Я подполковник. За кем бы мне шпионить в пустом лесу? По крайней мере, пустовавшем до того момента, пока там не объявился Вудбайн со своими ребятами, – добавил он.

Оказалось, что сидра в чаше уже нет. Грей смущенно уставился в нее, размышляя, как так могло случиться. Смит с легким вздохом плеснул еще.

– Кроме того, у меня нет с собой секретных бумаг или писем – никаких доказательств моей якобы шпионской деятельности.

– Не удивлюсь, если все сведения вы надежно фиксируете в памяти, – с циничной усмешкой заявил Смит. – Я-то помню, насколько она у вас хороша. – Он фыркнул, а может, сдавленно хохотнул. – *«Как ни проворны пальчики Салли – увы, петушка они не подняли».*

Память у Джона и впрямь была отличной. Достаточно вспомнить тот ужин у Минни, на котором присутствовали офицеры из разных полков. Когда джентльмены перешли к портвейну, Грей по их настоянию – и под гром аплодисментов – зачитал по памяти одну из наиболее длинных и скабрёзных од Гарри Кварри из его печально прославленного сборника «Избранное из стихов об Эросе», за которым по-прежнему охотились любители подобной литературы, хотя книга вышла более двадцати лет назад.

– И за кем бы мне шпионить?! – воскликнул Грей, слишком поздно заметив ловушку.

Смит улыбнулся краешком рта.

– Вы и впрямь ждете, что я скажу?

Ведь ответ очевиден: за Вашингтоном, который наверняка стягивал к Филадельфии войска и, возможно, готовил нападение на отступающую армию Клинтона.

Вопрос Грей счел риторическим и сделал еще один – хоть и рискованный – шагок.

– Вудбайн верно описал обстоятельства, в которых меня пленил, – сказал он. – Как видите, полковник Фрэзер не застиг меня на месте преступления, иначе просто арестовал бы, как это сделал капрал Вудбайн.

– Хотите сказать, вы заранее договорились с полковником Фрэзером о встрече, чтобы получить у него секретные сведения?

Проклятье! Грей знал, как шатко его положение, но такой возможности не предвидел: что Джейми Фрэзера заподозрят в предательстве заодно с ним. Хотя, конечно же, Смит обязан подумать об этом в первую же очередь, учитывая, что сам он изменил своим политическим пристрастиям.

– Разумеется, нет! – В голосе Грея прорезалось некоторое раздражение. – Стычка, свидетелем которой стал капрал Вудбайн, была вызвана мотивами сугубо личного характера.

Смит, судя по всему кое-что смысливший в технике ведения допросов, иронично приподнял бровь. Грей, тоже знавший в этом деле толк, беззаботно потягивал яблочный сидр, будто бы абсолютно уверенный в том, что своими словами снял с себя все подозрения.

– Вы же знаете, вас, скорее всего, повесят, – выдержав паузу, заявил Смит. Говорил он небрежно, не отрывая глаз от янтарной струи, снова наполнявшей чаши. – После того, что Хау сделал с капитаном Хейлом. И особенно после Паоли. Чарльз Грей ведь вам кузен?

– Да, в третьем или четвертом колене.

Грей его знал, хоть они и общались в разных кругах – как светских, так и военных. Чарльз Грей был больше прирожденным убийцей, нежели солдатом... Хотя Джон сомневался, что события в Паоли разворачивались именно так, как рассказывают. Что за идиоты будут покорно лежать на земле, ожидая, когда им перережут глотку? Он ни на мгновение не допускал мысли, что колонна пехоты способна подкрасться незамеченной в полной темноте – да еще и по нехоженой местности.

– Ерунда, – как можно увереннее бросил Грей. – Что бы ни думали о командовании американцев, вряд ли там заседают одни дураки. Моя казнь ничего не даст, а вот обмен пленными может быть очень выгоден. Мой брат – весьма влиятельная персона.

Смит не без сочувствия улыбнулся.

– Превосходный аргумент, лорд Джон; уверен, генералу Вашингтону он пришелся бы по душе. Увы – и корона, и Конгресс до сих пор валяют дурака; и пока что никакого обмена пленными нет.

Грея словно ударили под дых. Он ведь знал, что официальных каналов обмена не существует: сам много месяцев безуспешно пытался выменять Уильяма.

Смит перевернул бутылку вверх дном, выливая последние капли сидра в чашу Грея.

– Подполковник, вы человек верующий?

Тот недоуменно моргнул.

– Не очень. Хотя Библию читал, да. Некоторые отрывки. А что?

– Я вот думаю, знакомо ли вам понятие козла отпущения?

Смит качнулся взад-вперед на кресле, не спуская с Грея глаз, излучавших искреннюю симпатию... хотя, может, просто сказывался хмельной напиток?

– Потому что, боюсь, именно в этом и есть ваша главная ценность, подполковник. Не секрет, что Континентальная армия в плохом состоянии: денег не хватает, дезертиров хоть отбавляй. Ничто не приободрит и не объединит солдат так, как открытый суд и публичная казнь высокопоставленного британского офицера – шпиона и близкого родственника печально прославленного Мясника-Грея.

Он деликатно рыгнул и заморгал, по-прежнему глядя на Джона.

– Вы спрашивали, что я с вами сделаю?

– Нет, не спрашивал.

Пропустив эту реплику мимо ушей, Смит поднял указательный палец.

– Я отдам вас генералу Уэйну, у которого, уж поверьте, слово «Паоли» штыхом высечено на сердце.

– Должно быть, это очень больно, – пробормотал Грей и залпом осушил свою чашу.

Глава 12

Маленькая ночная серенада

Бесконечный день подходил к концу, и жара понемногу сдавала позиции вместе с увядающим светом. Грей сомневался, что его сию же минуту доставят пред светлые очи генерала Уэйна, если, конечно, сей достопочтенный джентльмен не находится в этом же лагере... что вряд ли. Судя по звукам, стоянка была совсем маленькой, и полковник Смит здесь самый высокий чин.

Смит попросил Джона (проформы ради) дать слово офицера не сбегать и был немало озадачен, когда тот наотрез отказался.

– Раз уж я снова вступил в ряды британской армии, то бежать – мой первейший долг, – веско заметил Грей.

Смит пристально взглянул на него, и в неверном свете палатки, отбрасывающей густые тени на его лицо, Грею показалось, будто тот с трудом сдерживает улыбку. Хотя с чего бы?

– Вы не сбежите, – сказал тот наконец и вышел.

Грей слышал, как рядом с палаткой жарко спорят, что с ним делать. В лагере не было никаких условий для содержания военнопленных. Про себя Джон развлекался сочинением шарад, придумывая способы, которыми Смицу придется уложить его рядышком в свою и без того узкую кровать, чтобы ночью приглядывать за пленником.

В конце концов в палатку вошел капрал с ржавыми кандалами в руках – выглядели они так, будто последний раз их использовали еще во времена испанской инквизиции. Грея вывели на окраину лагеря, где солдат, прежде бывший кузнецом, скрепил кандалы молотом, вместо наковальни используя плоский камень.

Стоя на коленях перед толпой ополченцев, собравшихся на него поглазеть, Грей испытал странное чувство.

Ему пришлось наклониться, сложив перед собой руки, будто бы в ожидании казни, и удары молота по металлу эхом отдавались в костях. Грей не спускал с молота глаз, и не

только из опасения, что в сгущающихся сумерках кузнец промахнется и разможжит ему руку. От выпивки и растущего страха, который он не желал признавать, Джон особенно остро ощущал враждебность окружающих; он чувствовал ее, как надвигающуюся грозу, когда по коже ползут электрические разряды, а молнии трещат так близко, что слышишь их острый запах, смешанный с вонью пота и пороха от мужчин.

«Озон», – невольно всплыло в голове. Так Клэр называла запах молний. Грей еще сказал ей, что это слово, скорее всего, произошло от греческого *ozon* – одной из форм глагола *ozein*, который переводится как «пахнуть».

Он принялся мысленно спрягать этот глагол, лишь бы отвлечься от того, что с ним делают.

Ozein, пахнуть. Я пахну...

От Грея пахло его собственным потом: терпким и приторно-сладким. В прежние времена лучшей смертью считалось обезглавливание. А повешение – смерть постыдная, так казнят разбойников и простолюдинов. Очень медленная смерть. Грей не понаслышке это знал.

Последний звонкий удар – и мужчины одобрительно заворчали. Грей теперь узник. Бесповоротно.

* * *

Поскольку никаких укрытий в лагере не имелось, разве что наспех возведенные вигвамы и рваные навесы, Грея вернули в просторную палатку Смита, выдали ужин, который он проглотил через силу, не заметив вкуса, и привязали за кандалы к шесту тонкой веревкой, достаточно длинной, чтобы он мог лежать или брать в руки посуду.

По настоянию Смита Грей занял койку и с наслаждением вытянул ноги. В висках стучало с каждым биением пульса, вся левая половина лица мерзко ныла, отзываясь болью в верхних зубах. Зато в боку боль притупилась и стала почти не ощутимой. Впрочем, Грей так устал, что, не чувствуя неудобства, почти сразу провалился в сон.

Очнулся он глубокой ночью, в полной темноте, весь мокрый от пота и с бешено колотящимся сердцем после какого-то кошмара. Джон поднял руку, чтобы убрать с лица прилипшие волосы, и ощутил тяжелые оковы, о которых успел позабыть. Кандалы звякнули, и часовой у входа в палатку, вырисовывающийся в ночи темным силуэтом, резко обернулся. Однако, когда Грей со звоном начал ворочаться, тот снова расслабился.

«Паршиво», – подумалось в полусне. Даже не помастурбировать, если вдруг захочется. Он этой мысли он сдавленно фыркнул, что, к счастью, прозвучало как хриплый выдох.

Рядом, шурша простыней, заворочался кто-то еще. Смит, наверное, который спит на холщовом матрасе, набитом травой; в душевой палатке слегка пахло затхлым сеном. Такие матрасы входили в оснащение британской армии; Смит, должно быть, прихватил его вместе с прочим оборудованием, сменив лишь мундир.

А зачем он вообще это сделал?.. Грей недоумевал, разглядывая сгорбившийся силуэт на светлом холсте. Ради карьерного роста? Континентальная армия, испытывая недостаток в профессиональных военных, предлагала быстрое продвижение по службе, и любой капитан запросто мог получить майорский, а то и генеральский чин, в то время как в Англии новое звание можно было лишь купить за весьма приличные деньги.

Хотя что толку в чине без оплаты? Грей давно не был шпионом, но связи остались, и он знал кое-кого, кто ныне промышлял этим делом. Как ему рассказывали, у американского Конгресса вообще нет денег и он всецело зависит от займов и ссуд, которые поступают весьма нерегулярно. В основном из Франции и Испании (хотя, разумеется, французы этого никогда не признают). Порой деньги дают еврейские ростовщики, как сказал один из его информаторов. То ли Саломон, то ли Соломон... Как же его звали-то?..

Эти случайные размышления прервал странный звук, который заставил Грея вздрогнуть. Женский смех.

В лагере были женщины, которые отправились вслед за мужьями на фронт. Он видел их, пока его вели к палатке. Одна принесла ему ужин, с опаской косясь из-под чепца.

Вот только этот смех, глубокий, переливчатый, открытый, был ему знаком.

– Господи, – прошептал он. – Дотти?!

Быть не может!..

Он сглотнул, чтобы прочистить левое ухо, и вслушался. Дензил Хантер ведь вновь присоединился к Континентальной армии, а Дотти – к священному ужасу брата, кузена и дядюшки – последовала за женихом, хотя изредка приезжала в Филадельфию навестить Генри. Если Вашингтон перемещает войска – а иначе никак, – то хирурга могло занести куда угодно.

Высокий чистый голосок вновь что-то спросил. Произношение было английским, не местным. Грей вслушался, но слов разобрать не мог. Ну же, пусть еще засмеется!..

Если это Дотти... Он протяжно выдохнул. Обращаться к ней напрямую нельзя – к Грею в лагере настроены очень враждебно, и если вдруг кто узнает об их родстве, Дотти и Дензилу грозит нешуточная опасность...

И все же рискнуть придется – иначе утром его переправят к генералу.

Так и не придумав ничего получше, Грей уселся и запел «Летнюю ночь» Шуберта. Сперва тихо, но с каждым словом голос все больше набирал силу. Строку «In den Kulungen wehn» он проревел во всю мощь своего тенора, и Смит попрыгунчиком взвился с матраса, недоуменно восклицая: «Что?!»

– So umschatten mich Gedanken an das Grab
Meiner Geliebten, und ich seh' im Walde
Nur es dämmern, und es weht mir
Von der Blüte nicht her.

Продолжал Грей несколько тише. Не хватало еще, чтобы Дотти – если это Дотти – заглянула на шум. Он хотел лишь, чтобы она узнала о его присутствии в лагере. Этой арии он научил ее лет в четырнадцать, и Дотти частенько исполняла ее на музыкальных вечерах.

– Ich genoß einst, o ihr Toten, es mit euch!
Wie umwehten uns der Duft und die Kühlung,
Wie verschönt warst von dem Monde,
Du, o schöne Natur!¹⁷

Грей замолчал, кашлянул пару раз и заговорил, чуть заплетая язык, будто пьяный. Хотя, по правде, так оно и было.

– П-полковник, а можно м-мне воды?

– И тогда вы будете дальше петь? – с опаской уточнил тот.

– Нет, я, пожалуй, уже закончил, – заверил Грей. – Уснуть не мог, знаете ли, – слишком много выпил. Но пение чудесно прочищает голову.

– Да неужели?

Смит протяжно вздохнул, но все-таки встал и взялся за кувшин. Ему невероятно хотелось окатить заключенного водой, но он, будучи человеком крепкой закалки, лишь придержал

¹⁷ В час, когда сияет месяц в полутьме, Серебром осыпав лес, И прохладой дыша, разносит Приятный запах лип ветерок, Я к любимой уношусь на крыльях дум, к тихой могиле, И во мраке я не вижу леса И не слышу аромата цветов. Вместе с вами, умершие, здесь бродили прежние мы, Как прохлада нас тогда овевала, Как прекрасна ты тогда была, о лунная ночь! Франц Шуберт. Летняя ночь. На стихи Фридриха Готлиба Клопштока (пер. с нем. Д. Седых).

кувшин, чтобы пленник мог напиться, поставил на место и с раздраженным фырканьем вновь улегся на матрас.

Музыкальный талант Грея неожиданно получил в лагере поддержку, и после негромкого обсуждения кое-кто, вдохновившись, затянул свою партию в самых разных жанрах: от проникновенно-лиричной песенки «Зеленые рукава»¹⁸ до «Честера»¹⁹.

Грей искренне наслаждался пением, еле сдержавшись, чтобы не побряцать оковами под строку:

– Пусть тираны нам грозят стальным оружием,
и рабы гремят железными цепями.

Под пение он так и уснул, забывшись тревожными сновидениями, которые в парах яблочного сидра заполнили пустую голову.

Честнат-стрит, дом 17

Колокол пресвитерианской церкви пробил полночь, но город не спал. Тьма приглушила звуки, но улицы по-прежнему жили, наполняясь шарканьем ног и стуком фургонных колес... а откуда-то издалека доносились слабые крики «Пожар!».

Я стояла у открытого окна, принюхиваясь к запаху дыма и высматривая языки огня – не движется ли в нашу сторону? Не помню, сгорала ли хоть раз Филадельфия дотла, как Лондон или Чикаго, но даже один выгоревший квартал – уже плохо.

Ветра, к счастью, не было. Летний воздух висел тяжелым влажным покрывалом. Крики утихли, и красного зарева в облачном небе тоже было не видать. Никаких следов пожара, только зеленые светлячки шныряли в тенистой листве сада.

Я постояла еще немного, позволяя себе расслабиться и выбросить из головы безумные планы спешной эвакуации. Несмотря на усталость, мне не спалось. Надо было все время следить за моим неусидчивым пациентом... который вдруг подозрительно притих. Кроме того, я и сама ужасно издергалась, весь день прислушиваясь, не слышать ли знакомых шагов.

Однако Джейми так не пришел...

Что, если Джон рассказал ему о той ночи под алкогольными парами? Безо всякой подготовки, предварительных объяснений? И мой муж, будучи потрясен таким известием, просто... сбежал?

Из глаз невольно брызнули слезы, и я, вцепившись в подоконник, зажмурилась, чтобы сдержать их поток.

Не глупи, Клэр. Он придет, как только сможет. Сама знаешь.

Да, я знала. И все же внезапная радость от его появления пробудила нервы, которые уже давно пребывали в сонном оцепенении, и пусть внешне я выглядела спокойной, в душе бурлили эмоции. Давление нарастало, и сбросить его можно было, лишь дав волю слезам – но я себя сдерживала.

Прежде всего потому, что не смогу потом долго успокоиться. Я промокнула рукавом глаза и решительно повернулась лицом к темной комнате.

У кровати под мокрой тканью шипела маленькая жаровня, отбрасывая мерцающие красные отблески на заострившееся лицо Пардлоу. Он дышал с заметными хрипами – легкие скрежетали на каждом выдохе, но дыхание было глубоким и размеренным. Я запоздало поняла, что могла и не почувствовать вонь пожарища: в комнате густо пахло перечной мятой, эвкалиптом

¹⁸ «Зеленые рукава» – английская фольклорная песня, известная с XVI века.

¹⁹ «Честер» – патриотическая песня Уильяма Биллингса, ставшая гимном американской революции.

и коноплей. Несмотря на ткань, жаровня сильно дымила, образуя в темноте зыбкое бледное облачко, колыхавшееся, словно призрак.

Опрыскав водой муслиновый полог, я села в маленькое кресло возле кровати, вдыхая насыщенный маслами воздух, – украдкой и не без запретного удовольствия. Хэл сказал, что частенько покуривал коноплю, чтобы успокоить спазмы в легких, и это средство оказалось на удивление действенным. Точнее, курил он гашиш, ведь в Англии психотропные виды каннабиса не росли.

У меня среди лекарственных трав гашиша не нашлось, зато был увесистый пучок марихуаны, которую Джон приобрел у купца в Филадельфии, торговавшего с какими-то индусами. Она считалась полезной при лечении глаукомы: помогала снять тошноту и тревогу. Я и сама в этом убедилась, когда врачевала тетушку Джейми Йокасту. Впрочем, как рассказал Джон, к вящему моему удовольствию, порой марихуана использовалась не только в лекарственных целях.

Мысли о Джоне лишь усугубили мою сумятицу, и я глубоко вдохнула пряный сладковатый воздух. Где же он? Что Джейми с ним сотворил?

– Вы когда-нибудь заключали с Господом сделку? – донесся из темноты голос Хэла.

Я догадывалась, что он не спит, поэтому ничуть не удивилась.

– Как и все. Даже те, кто в Бога не верит. А вы?

Раздался тихий смех, перешедший в кашель, впрочем, быстро утихший. Должно быть, дым помогает.

– Вы что, задумали сделку? – спросила я, не столько из интереса, сколько из желания поддержать разговор. – Вы же вовсе не умираете. Я вам не позволю.

– Да, вы уже говорили, – сухо ответил тот. И после секундного колебания повернул ко мне голову. – И я вам верю. И... весьма благодарен.

– Рада услужить. Кроме того, вы не можете умереть в доме Джона, он очень огорчится.

Пардлоу слегка улыбнулся – я видела это в тусклом свете от жаровни. Мы помолчали. Просто глядели друг на друга, не вполне это сознавая, успокоенные дымом марихуаны и сонным стрекотанием цикад за окном. Стук колес тоже затих, хотя кое-кто порой проходил мимо. Впрочем, шаги Джейми я сразу бы узнала; запросто услышала бы их даже в толпе...

– Вы волнуетесь за него, да? – спросил вдруг Хэл. – За Джона?

– Нет, – тут же ответила я, но, увидев, как приподнялась темная бровь, вспомнила, что он уже знает о моем неумении лгать. – Я... уверена, что с ним все хорошо. Просто думала, к этому времени он уже вернется. Тем более в городе волнения. – Я махнула рукой в сторону окна. – Мало ли что могло случиться...

Герцог рокочуще выдохнул и откашлялся.

– Однако по-прежнему не признаетесь, где он.

Я пожалала одним плечом – к чему лишний раз повторять, что не знаю? Хоть это и чистая правда... Вместо этого взяла со стола гребень и начала приводить непослушные волосы в порядок, наслаждаясь тем, как пряди скользят меж пальцев. После того как мы искупали Хэла и уложили его в постель, я и себе уредила четверть часа, наскоро умывшись и сполоснув волосы от пыли, пусть даже в таком влажном воздухе они теперь будут сохнуть целую вечность.

– Я хотел заключить сделку в обмен не на свою жизнь, – сказал он наконец.

– Я уверена, что с Джоном тоже все будет хорошо, если вы об этом...

– И не ради Джона. Ради моего сына. И дочери. И моих внуков. У вас ведь есть уже внуки? Кажется, этот бойкий молодой человек называл вас «бабушкой», если не ошибаюсь?

Пардлоу говорил, не скрывая легкой насмешки.

– И у вас есть, и у меня. Вы из-за Доротеи? С ней что-то случилось?

Острый укол тревоги заставил меня отложить гребень. Я же видела Дотти всего пару дней назад, в доме ее брата Генри.

– Помимо того, что она вот-вот заключит брак с повстанцем и намерена отправиться с ним напрямиком на поле битвы, чтобы жить в невероятных условиях?

Он уселся и заговорил с неподдельной страстью. Я невольно улыбнулась: кажется, у братьев Греев подобная манера изъясняться в крови. Кашлянув, чтобы скрыть усмешку, я как можно тактичнее спросила:

– М-м-м... А вы уже виделись с Дотти?

– Да, – коротко ответил тот. – Она была у Генри, когда я вчера приехал. Одета в какое-то непотребное рванье. Видимо, тот джентльмен, с которым она якобы заключила помолвку, квакер, и она возомнила себя одной из них!

– Понятно, – пробормотала я. – А вы... э-э-э... прежде об этом не знали?

– Нет, не знал! И мне есть что сказать Джону: и о его трусости, например, когда он ни словом не обмолвился, и о грязных махи... махинациях его сына!..

От напыщенной желчной речи перехватило дыхание, и герцог мучительно закашлял, хватаясь за колени, чтобы не повалиться в конвульсиях на кровать.

Я схватила со стола веер и замахала, направляя на герцога облачко дыма от жаровни. Тот жадно вдохнул, закашлялся и наконец затих, чуть похрипывая.

– Я велела бы вам не нервничать, если бы существовал хоть малейший шанс, что вы меня услышите, – заметила я, протягивая кофейную настойку эфедры. – Выпейте. Только медленно... Что до Джона, то он собирался вам написать, когда узнал о намерениях Дотти. Но не стал: надеялся, это лишь мимолетная прихоть, и когда девочка столкнется с реальностью, в которой живет Денни... э-э-э... это ее жених, доктор Хантер... то может и одуматься. А если так, незачем лишний раз тревожить вас с супругой. Джон никак не рассчитывал, что вы вдруг приедете.

Хэл неуверенно вдохнул сквозь кашель.

– Я и не собирался. – Он отставил чашку, кашлянул напоследок и бессильно упал на подушки. – Это военное ведомство решило переправить мой полк для усиления войск генерала Клинтона в рамках новой тактики. Я просто не успел написать.

– Что за новая тактика? – спросила я без особого интереса.

– Отделить южные колонии от севера, подавить там восстание и заставить северян голодать – пусть уймутся... И заодно выдавить чертовых французов из Вест-Индии. Вы и правда считаете, что Дотти еще может одуматься? – спросил он с сомнением, но не без надежды.

– Вообще-то нет.

Я потянулась и провела пальцами по влажным волосам, мягко стелившимся по шее и щекодавшим лицо.

– Я-то гадала, кто именно, вы или ваша супруга, наградили ее столь редкостным своеволием. Однако стоило вас встретить – и все стало понятно.

Он прищурился, но все-таки снизошел до улыбки.

– Да, она такая, – признал герцог. – И Бенджамин, мой старший сын, тоже. Генри и Адам – те нравом уродились в мою жену. Хотя это не значит, что они не ищут собственных путей, – задумчиво добавил он. – Просто действуют более дипломатично.

– Хотела бы повидать вашу супругу. Джон говорил, ее зовут Минни?

– Минерва. – Герцог улыбнулся еще шире и куда более искренне. – Минерва Куннегунда, если быть точным. Но я же не могу звать ее Кунни.

– По крайней мере, не на людях.

– Наедине тоже не стоит, – заверил он. – Она ужасная скромница... на первый взгляд.

Расхохотавшись, я покосилась на жаровню. Никогда бы не подумала, что дым от сожженной марихуаны обладает тем же эффектом, что и сигареты. Однако травка оказывала благотворное влияние на настрой Хэла, да и сама я чувствовала, что мой собственный мирок понемногу играет яркими красками. Я все еще переживала за Джейми, и за Джона тоже, но тревога

уже не давила на плечи, а витала над головой тусклым лилово-серым облачком. Точь-в-точь как свинцовый воздушный шарик. Как бы не пришиб ненароком. Я фыркнула со смеху.

Хэл растянулся на матрасе, с каким-то отстраненным интересом наблюдая за мной из-под полуприкрытых век.

– А вы красивая женщина, – чуть удивленно сказал он вдруг. – Хотя и совсем не скромница, – добавил он и хохотнул. – О чем только думал Джон?

Я знала, о чем он тогда думал, но говорить не стала – по целому ряду причин.

Вместо этого любопытствовала:

– А что вы имели в виду? Когда говорили о сделке с Господом?

– А. – Он неторопливо смежил веки. – Когда я сегодня утром... подумать только, неужто прошел всего день? Когда я прибыл к генералу Клинтону, меня ждали дурные вести... и письмо. Отправленное несколько недель назад из Нью-Джерси. Мой старший сын, Бенджамин, схвачен повстанцами в Брендивайне, – проговорил он почти бесстрастно. Однако именно что почти: в тусклом свете я все равно заметила, как крепко он стиснул зубы. – Поскольку у нас с американцами нет соглашения по обмену военнопленными, он остается в заключении.

– Где? – встревоженно спросила я.

– Не знаю, – коротко ответил тот. – Пока не знаю. Однако приложу все силы, чтобы выяснить.

– Удачи вам, – от всего сердца пожелала я. – Письмо было от Бенджамина?

– Нет. – Он снова заиграл желваками. – Письмо отправила некая женщина по имени Амаранта Коуден, которая сообщила его светлости герцогу Пардлоу о том, что является супругой его сына Бенджамина и матерью внука, Тревоора Ваттисвейда Грея, трех месяцев от роду.

Значит, родился уже после того, как Бенджамин угодил в плен... Знает ли он вообще о ребенке?

– Из-за отсутствия мужа юная миссис Грей оказалась в крайне стесненных условиях, поэтому хотела бы переехать к своим родственникам в Чарльстоне. Ей неудобно обращаться к герцогу за помощью, но состояние ее таково, что выбирать не приходится. Она лишь надеется, что он простит ей дерзость и любезно прислушается к просьбе. К письму она приложила прядь детских волос – возможно, его светлость будет рад такому подарку от внука.

– Господи... – пробормотала я. И, замешкавшись, все же спросила, потому что Пардлоу и сам наверняка об этом думал: – Считаете, она не врет?

Он вздохнул с тревогой и раздражением.

– Почти уверен, что не врет. Девичья фамилия моей супруги Ваттисвейд, но за пределами семьи этого никто не знает. Письмо в кармане, можете сами прочитать, если хотите.

Он кивком указал на шкаф, куда миссис Фигг повесила его мундир. Я махнула рукой, вежливо отказываясь.

– Теперь понимаю, что за сделку вы решили заключить. Хотите жить, чтобы увидеть внука... и сына, разумеется.

Он снова вздохнул – и тело, и без того худощавое, будто уменьшилось в размерах. Миссис Фигг – не без борьбы – расплела ему волосы, расчесала и просто перевязала их лентой; теперь каштановые пряди с редким проблесками седины рассыпались по плечам, в свете огня отливая золотом и медью.

– Не совсем. Да, этого хотелось бы, но... – Он медлил, подбирая слова, что так не вязалось с его обычным красноречием. – Я отдал бы за них жизнь. С радостью. За всю свою семью. И в то же время думаю: Господи, а мне ведь нельзя умирать! Иначе что тогда с ними будет? – Он криво усмехнулся. – Хотя прекрасно понимаю, что в любом случае ничем не смогу помочь. Они должны жить своим умом.

– Увы, так и есть.

Порыв ветра взметнул муслиновые шторы и разметал облачко дыма.

– Хотя внуку вы помочь сумеете.

Я вдруг вспомнила, как лежал у меня на руках Анри-Кристиан и его тяжелая головка давила на плечо. Я ведь спасла ему жизнь, удалив миндалины и аденоиды – хвала небесам, вовремя. А Мэнди... храни ее Господь! Это я заметила, что она больна, и подсказала Бри, как ее спасти... хотя сама вылечить ее сердечко не смогла, о чем тоскую теперь каждый божий день. Если бы только в этом веке у меня была необходимая аппаратура... Им бы не пришлось тогда уходить...

Шторы вновь зашевелились, и сквозняк понемногу разогнал дурман. Я вдохнула свежий воздух, чувствуя запах озона.

– Дождем пахнет. Где-то идет.

Герцог не ответил, но лицо к окну повернул. Я встала и распахнула створки, впуская в комнату свежий ветерок. Снова выплянула на улицу; быстро плывущие облака то и дело закрывали луну, отчего казалось, что свет ее пульсирует, точно трепещущее сердце. Улицы были темны, разве что порой мелькали отблески фонарей, напоминая о беспокойстве в городе.

Дождь приглушил бы шаги и бегущих лоялистов, и наступавших им на пятки американцев. Может, под прикрытием бури Джейми сумеет пробраться незамеченным? Однако ливень вскоре размочит дороги, превратив их в болото...

Свинцовый шар вновь придавил плечи. Настроение резко испортилось: то ли из-за усталости, то ли из-за надвигающейся бури, то ли сказывался побочный эффект марихуаны, уж не знаю. Я поежилась, хотя воздух еще не остыл, и в голову сами собой полезли мысли о том, что могло бы случиться ночью с одиноким путником, попавшим между двумя воюющими армиями.

Одиноким ли? А как же Джон – что с ним? Джейми ведь не мог...

– Мне был двадцать один год, когда умер мой отец, – заметил Хэл. – Совсем взрослый. Жил уже своей жизнью, успел жениться. – Он замолчал, скривив губы. – Даже и не думал, что отец мне нужен... и вдруг его не стало.

– Что он мог для вас сделать? – спросила я, вновь усаживаясь в кресло. Мне стало любопытно и хотелось за разговором отвлечься от дурных мыслей.

Хэл пожал одним плечом. Ворот его ночной сорочки был развязан из-за духоты и чтобы я могла следить за пульсом. Теперь он распахнулся, и ткань прилипла к телу, выставляя напоказ острые высокие ключицы.

– Просто быть рядом. Выслушать. Возможно... одобрить мои планы. Или не одобрить... – Последние слова он произнес вполголоса, почти шепотом. – Просто чтобы был.

– Понимаю, что вы имеете в виду, – сказала я, скорее себе, нежели ему. Мне повезло: когда погибли родители, в моей жизни тут же оказался дядя. И так уж сложилось, что он всегда был рядом. Я тяжело переживала его смерть, хотя к тому времени успела уже выйти замуж... Меня вдруг накрыло чувством вины, когда я вспомнила о Фрэнке. И еще сильнее – когда вспомнила о Брианне. Сперва я ее бросила, потом она – меня...

Эти мысли повлекли шквал новых болезненных воспоминаний: о Лири, оставшейся без обеих дочерей. Она никогда не увидит внуков, которые теперь мои. О Дžeme и Мэнди... И Джейми.

Где же он? Почему еще не пришел? Вдруг Джон и впрямь ему признался...

– О боже, – пробормотала я под нос. Глаза опять защипало от непрошенных слез, грозя снести плотину моего самообладания.

– Знаете, а я, как ни странно, зверски голоден, – удивленно произнес Хэл. – В этом доме найдется чем перекусить?

* * *

У Джейми заурчало в животе, и он кашлянул, чтобы замаскировать этот звук, но, как оказалось, в этом нет нужды. Девочки уже свернулись спина к спине у очага под залатанным одеялом и похрапывали парочкой пьяных шмелей. Миссис Хардман сидела на скамье и что-то напевала ребенку. Слов Джейми разобрать не мог и песню не узнал, но предположил, что это какая-то колыбельная. Хотя в горах женщины порой укачивали младенцев под гэльскую балладу «Редчайшая из дев», которая изобиловала кровавыми подробностями вроде отрубленных голов. Впрочем, миссис Хардман из квакеров, вряд ли ей по душе подобный фольклор. Скорее уж она предпочтет «Большого Силки с острова Сьюл-Скерри». Как видно, квакеры не чураются плотских отношений...

Это напомнило ему о чертовом Джоне Грее, и Джейми скривился, еле сдержав стон, – спина очередным прострелом дала знать, что даже столь незначительное движение будет немедлительно караться.

Песня для него звучала не более чем бормотанием, но голос у миссис Хардман был приятным, так что Джейми, проверив, под рукой ли кинжал и пистолет, осмелился прикрыть глаза. Он устал до чертиков, но не думал, что сумеет уснуть. Даже не поворочаться теперь без диких вспышек боли, пронзающих спину дьявольскими вилами.

Сколько же лет прошло с последнего приступа. Спина ныла частенько, особенно по утрам, но чтобы не разогнуться... лет десять вроде? Этот день он помнил очень ярко. Они только-только прибыли в Ридж, вместе с Яном возвели хижину. Джейми пошел на охоту, напал на след лося, побежал за ним – и вдруг осознал, что валяется у подножия скалы, не в силах пошевелить ни рукой ни ногой.

К счастью, Клэр отправилась на поиски (Джейми усмехнулся: как она гордилась, что прошла по следу). И если бы она его не нашла... Он провалялся бы там целую вечность, рискуя попасть на зуб пантере, медведю или волку. От холода бы вряд ли умер, но вполне мог потерять еще несколько пальцев...

Шорох за пределами дома заставил Джейми встрепенуться. Спину тут же прострелило болью, но он стиснул зубы, не обращая внимания, и вытащил из-под подушки пистолет.

Миссис Хардман тоже вскинула голову. Посмотрела на него, удивленно распахнув глаза, но тоже услышала шум и торопливо встала. Снаружи доносились шаги, причем не одной пары ног. Женщина хотела было положить ребенка в колыбель, но Джейми покачал головой.

– Держите младенца на руках, – вполголоса велел он. – Если постучат, ответьте. И откройте, если попросят зайти.

Она нервно слотнула, но все-таки послушалась. Гостей было трое или четверо, судя по мужскому смеху и низким голосам, доносившимся с крыльца. В дверь заколотили, и миссис Хардман отозвалась:

– Кто там?

– Друзья, хозяйка, – невнятно пробормотал пьяный голос. – Впусти нас!

Она бросила на Джейми испуганный взгляд, но он кивнул, и она подняла засов на двери. Первый мужчина шагнул было в дом, но, увидев на кровати Джейми, замер и разинул рот.

– Добрый вечер, – вежливо сказал тот, не спуская с гостя глаз. Пистолет лежал прямо на виду.

– Ох!

Гость смущенно затоптался на пороге. Он был молодым и крепко сбитым, в охотничьей куртке с милицейским значком. Через плечо он покосился на приятелей, которые толпились в дверях.

– Я... это... добрый вечер, сэр. А мы-то... Думали...

Он прочистил горло.

Джейми улыбнулся, прекрасно понимая, что у них было на уме. Присматривая за ним краем глаза, он повернулся к миссис Хардман и жестом предложил ей сесть. Та послушно заняла стул и склонилась над ребенком, прижавшись губами к чепчику дочери.

– Нам нечего предложить вам из пищи, джентльмены, – сказал Джейми. – Но в колодце есть свежая вода, а в сарае можно устроиться на ночь, если хотите.

Двое мужчин шаркали на крыльце ногами. От них несло спиртным, но буянить они не спешили.

– Ничего не надо, – сказал молодой охотник, оглядываясь на друзей. Круглое лицо раскраснелось: и от выпивки, и от смущения. – Мы просто... Простите, если потревожили.

Остальные склонили головы, и вся троица ретировалась на заплетающихся ногах, в спешке налетая друг на друга. Последний гость прикрыл дверь, но не до конца. Миссис Хардман толчком захлопнула ее и, закрыв глаза, прислонилась спиной, прижимая к груди ребенка.

– Спасибо! – прошептала она.

– Не за что, – отозвался Джейми. – Они больше не вернутся. Теперь положите ребенка и задвиньте засов, хорошо?

Так она и сделала, потом повернулась, опираясь на дверь и прижимая к груди руки. Посмотрела на пол у своих ног, протяжно выдохнула и медленно выпрямилась.

Ее простенький жакет был заколот булавками: то ли она, как все моравы, считала пуговицы излишней роскошью, то ли из-за нищеты их просто не водилось. Пальцы неловко затеребили верхнюю булавку, и вдруг женщина вытащила ее и положила на стол. Посмотрев в лицо Джейми, взялась за следующую. Длинная верхняя губа была закушена, и над ней блестели капельки пота.

– Даже не помышляйте об этом, – велел Джейми. – В нынешнем состоянии я и с дохлой овцой не смогу. Не говоря уж о том, что по возрасту гожусь вам в отцы. Тем более я женат.

Губы у нее задрожали: не то от обиды, не то от облегчения. Пальцы поникли, и она бесильно уронила руку.

– И не надо платить мне за еду, – предупредил Джейми. – Это был подарок.

– Да... я знаю. Благодарю тебя, Друг. – Она отвела взгляд, сглотнув. – Просто... Я надеялась, что, может, ты останешься. Хотя бы на время.

– Я женат, – негромко напомнил он и после неловкой паузы спросил: – И часто бывают подобные гости?

Ведь очевидно, что мужчины в округе наслышаны о молоденькой квакерше, живущей с тремя дочерьми.

– Я отвожу их в сарай! – выпалила она, заливаясь пурпурной краской. – Когда девочки уснут.

– Хм... – пробормотал он после очередной долгой паузы.

Джейми покосился на колыбельку, но тут же отвел глаза. Интересно, давно ли мистер Хардман ушел из дома? Хотя это не его дело.

И тем более не его дело, как ей удастся прокормить троих дочерей.

– Спите, – велел он. – А я посторожу.

Глава 13

Утреннее омовение с ангелами

Следующим утром Джейми проснулся от запахов жареного мяса. Он крепко потянулся в постели... совсем забыв о проклятой спине!

– Господи, помилуй! – миссис Хардман обернулась через плечо. – Я таких воплей не слышала с тех пор, как мой супруг, Габриэль, резал свинью.

Покачивая головой, она вернулась к своему занятию: наливать тесто в чугунную сковородку на углях: чадающую и нещадно плюющуюся маслом.

– Прощу прощения, мэм...

– Меня зовут Сильвия, Друг мой. А как твое имя? – полюбопытствовала она, приподнимая бровь.

– Друг Сильвия, – повторил он сквозь стиснутые зубы. – Меня зовут Джейми. Джейми Фрэзер.

Он подтянул к груди ноги и рывком сел, обхватывая колени. Зарылся лицом в укрывавшее их ветхое одеяло и попытался разогнуть непокорную спину. Правую ногу тут же прострелило болью, а левую скрутила судорога, отчего Джейми взвыл в голос и шумно запыхтел, ожидая, когда же наконец отпустит.

– О, ты уже сидишь, Друг Джеймс, – заметила Сильвия Хардман, протягивая ему тарелку с колбасой, жареным луком и кукурузными лепешками. – Как понимаю, тебе лучше?

– Немного, – выдавил он улыбку, стараясь не застонать в голос. – У вас, как вижу... есть свежая еда?

– Да, хвала Господу! – с пылом ответила та. – Я отправила Прю и Пейшенс утром на главный тракт, посмотреть, едут ли фургоны в Филадельфию, и девочки раздобыли фунт сосисок, два фунта кукурузной муки, мешочек овса и дюжину яиц. Ешьте!

Она поставила рядом с ним на кровать деревянную тарелку, возле положила деревянную же ложку.

За ее спиной Пруденс и Пейшенс старательно собирали с давно опустевших тарелок мякишем колбасный сок. Джейми медленно откинулся назад, опираясь спиной о стену, спустил с кровати ноги, взял тарелку и тоже принялся завтракать.

Еда приятным грузом улеглась в желудке, и он, отложив тарелку, задумался о том, что же делать теперь.

– Я бы сходил в уборную, Друг Сильвия. Однако, боюсь, мне потребуется помощь.

Кое-как выпрямившись, он понял, что может передвинуть ногу лишь на пару дюймов, не более. Пруденс и Пейшенс тут же подхватили его под руки, нырнув под мышки парочкой удобных костылей.

– Не бойся, – велела Пруденс, расправляя тощие плечики. – Мы тебя не уроним.

– Ничуть не сомневаюсь! – всерьез заверил ее Джейми.

Девочки и впрямь, несмотря на тщедушное сложение, оказались полны сил и помогли ему удержаться на ногах, когда он останавливался через каждые пару футов перевести дух.

– Расскажите мне о фургонах, которые едут в Филадельфию, – попросил он во время одной такой остановки. – Они только по утрам ездят?

– Чаще всего да, – ответила Пейшенс. – И возвращаются пустыми за час или два до захода солнца. – Она расставила ноги. – Все хорошо. Обопрись на меня. А то тебя шатает.

Он рискнул перенести на ее плечи толику веса. И впрямь пошатывается... А до тракта полмили, не меньше, даже с девочками идти около часа; тем более есть риск, что спину опять прихватит и на полпути он просто-напросто упадет. До Филадельфии точно не доберется. Может, завтра?..

– А солдат на дороге вы видели? – Он шагнул чересчур бодро, и ногу прострелило до самой стопы. – Ох!..

– Видели. – Пейшенс покрепче перехватила его под локоть. – Смелее, Друг! Ты справишься. Мы видели два отряда милиции и офицера верхом на муле.

– А еще британских солдат, – добавила наблюдательная Пруденс. – Они шли с обозом, только в другую сторону.

– В другую... то есть из Филадельфии? – У Джейми екнуло сердце. Выходит, эвакуация британских солдат уже началась? – А что в обозе, не видели?

Пруденс пожала плечами.

– Мебель. Сундуки всякие, корзины. В одной из повозок ехали дамы, хотя почти все идут пешком. Там же места совсем нет. Придержи рубашку, Друг, а то твое благочестие пострадает!

Утро было прохладным, и внезапный порыв ветра взметнул полы широкой рубашки, приятно холодя потную кожу, хотя зрелище и впрямь было не для невинных девичьих глаз.

– Дай я завяжу полы между ног, – предложила Пейшенс. – Я умею делать бабин узел, прямой и рифовый. Меня папа научил!

– Не будь дурочкой, Пейшенс! Если ты завяжешь рубашку, как он будет в уборной ее задирать? Она слишком туго их завязывает. Ее узлы невозможно развязать, – предупредила Пруденс гостя.

– Неправда! Ты врушка!

– Уймись, сестра! Вот скажу маме, как ты меня назвала!

– А где ваш отец? – перебил их Джейми, пока они не вцепились друг другу в волосы.

Девочки замолчали и странно переглянулись, прежде чем ответить.

– Не знаем, – тихо и грустно заговорила Пруденс. – Он ушел на охоту год назад и не вернулся.

– Может, его индейцы забрали, – добавила Пейшенс, стараясь не терять надежды. – Тогда он сбежит и обязательно к нам вернется!

Пруденс вздохнула и уныло согласилась:

– Может... А мама думает, его ополченцы застрелили.

– Почему? – удивился Джейми, глядя на них сверху вниз. – Зачем им в него стрелять?

– За то, что он квакер, – пояснила Пейшенс. – Он не хотел воевать, поэтому они сказали, он лоялист.

– Ясно. А он... он и правда лоялист?

Пруденс нежно посмотрела на Джейми, без слов благодаря за то, что он говорит об их отце в настоящем времени.

– Я бы не сказала... Но мама рассказывает, что на ежегодных собраниях только и твердят, что все квакеры должны быть за короля, ведь король хочет мира, а повстанцы хотят войны. Так что... – она пожала плечами. – Люди думают, мы лоялисты.

– Папа не был! Он не такой! – вставила Пейшенс. – Он говорил о короле всякое, а мама умоляла его придержать язык. Вот и уборная! – неохотно объявила она, отпуская локоть Джейми и открывая перед ним дверь. – Только полотенцем не вытирайся, оно для рук. Там в корзине есть кукурузные листья.

* * *

Джон Грей проснулся совершенно разбитым. Его трясло в лихорадке, голова раскалывалась. Оба глаза залепило липкой коркой гноя, левый не открывался вовсе. Ему всю ночь снилась какая-то сумятица, мешанина образов, голосов, эмоций. Вот Джейми Фрэзер, весь черный от гнева, кричит на него, а потом все вдруг пропадает и начинается кошмар. Они будто бы бегут вместе через болото, зыбкую трясины, в которой вязнут ноги; Фрэзер проваливается, орет, чтобы Грей скорей уходил, но тот не может – ноги уже засосало, и он стремительно тонет, размахивая руками, но не в силах нащупать опору...

– Эй!

Кто-то затряс его за плечо, вытягивая из трясины. Грей разлепил здоровый глаз и сквозь пелену увидел силуэт молодого человека в темном пальто и очках, отчего-то смутно знакомого.

– Джон Грей? – спросили его.

– Да, – отозвался тот и с усилием сглотнул. – А мы... мы имеем честь быть знакомы, сэр? Визитер вдруг вспыхнул и ответил вполголоса:

– Да, Друг Грей. Я...

– Ах да! – тот стремительно сел. – Ну конечно же вы... О господи!..

Голова из-за столь разительной перемены положения, казалось, вот-вот слетит с плеч и впечатается в ближайшую стену. Молодой человек... Хантер, всплыло наконец его имя из мешанины мыслей. Доктор Хантер. Тот самый квакер Дотти.

– Думаю, тебе, Друг, лучше все-таки лечь.

– Думаю, сперва мне лучше избавиться от лишнего в желудке...

Хантер вовремя выхватил из-под кровати горшок. Потом подал стакан воды – «Только пей медленно, Друг Грей, иначе ее тоже не удержишь» – и устроил Джона на подушках. Тут за спиной у него неожиданно возник полковник Смит.

– Что скажете, доктор? – взволнованно нахмурился тот. – Он в своем уме? А то посреди ночи вдруг начал петь, а потом до утра стонал и бредил. Да и вид у него...

Смита так выразительно перекосило, что Грей задумался, неужто и впрямь выглядит столь жутко?

– У него сильный жар, – определил Хантер, смерив Грея пронзительным взглядом сквозь очки. Он наклонился, чтобы пощупать у него пульс. – И, Друг Смит, видишь, что у него с глазами? Перевозить его крайне опасно. Может случиться кровоизлияние в мозг, и тогда...

Смит недовольно хмыкнул и поджал губы. Оттолкнув Хантера в сторону, сам склонился над Греем.

– Подполковник, вы меня слышите? – произнес он чуть ли не по слогам, будто разговаривал с умалишенным или иностранцем.

– *Ich bin ein Fisch...* – тут же пробормотал Грей, зажмуриваясь.

– Пульс неровный, – предупредил Хантер, держа Грея за запястье. Рука у него была холодной и успокаивающе твердой. – Я не готов брать на себя ответственность за последствия, если все-таки решите его перевозить.

– Ясно...

Смит помедлил немного. Грей слышал, как тот тяжело дышит, но открыть глаза и посмотреть не рискнул.

– Что ж, хорошо. – Полковник невесело хохотнул. – Раз Магомет не может прибыть к горе, значит, доставим к нему гору. Пошлю генералу Уэйну письмо. А вы, доктор, уж постарайтесь, чтобы этот человек выглядел вменяемым.

* * *

Раненым глазом Грей видел Дензила Хантера, и это обнадеживало: значит, он не ослеп. Пока что... Хантер снял очки, чтобы взглянуть на пострадавший орган поближе. У него самого были привлекательные глаза: светло-карие, цвета мякоти зрелой маслины, с крохотными зелеными прожилками в радужке.

– Посмотри наверх, пожалуйста.

Грей попытался поднять глаз.

– Ай!

– Нет? Тогда вниз.

Эта попытка тоже оказалась безуспешной; да и вправо-влево глаз двигаться не желал. Казалось, он засел в глазнице, будто сваренное вкрутую яйцо. Грей поделился этим наблюдением с Хантером, и тот улыбнулся, хоть и несколько обеспокоенно.

– Слишком сильный отек, нельзя пока говорить наверняка. Что бы с тобой ни случилось, удар нанесли с большой силой. – Хантер, осторожно нажимая подушечками пальцев, ощупывал лицо Грея. – Здесь болит?..

– Да. Можете не спрашивать: болит все, от скальпа до шеи, включая ухо... А насчет кровоизлияния в мозг – вы это серьезно?!

– Такая вероятность существует. – Однако Хантер улыбнулся. – Впрочем, я не вижу симптомов: ни обмороков, ни спутанности сознания – спиртное не в счет, – и, судя по всему, после ранения ты некоторое время провел на ногах. Так что шансы, думаю, невелики. Хотя под склерой наблюдается кровотечение... – Холодные кончики пальцев коснулись налитого века. – Глазное яблоко ярко-красное, и кожа вокруг тоже. Выглядит... весьма впечатляюще.

В его голосе слышалась откровенная насмешка, и Грей счел это успокаивающим знаком.

– Отлично, – сухо сказал он. – И сколько надо времени, чтобы все прошло?

Хантер поморщился и покачал головой.

– Краснота спадет через пару недель. Может, месяц. По сути, это обычный синяк, просто лопнули крохотные кровеносные сосуды под кожей. Куда больше меня беспокоит, что ты не можешь двигать глазом. Кажется, у тебя перелом костной орбиты, из-за которого случилось ущемление орбикалярной мышцы... Жаль, здесь нет твоей жены, она в этом разбирается лучше...

– Моей жены... – безучастно повторил Грей. – Ах да!

Вспомнив случившееся, он неожиданно воспрянул духом:

– Она ведь мне больше не жена! Уже нет! – добавил он с усмешкой и наклонился к Хантеру прошептать тому на ухо: – Джейми Фрэзер жив!

Хантер удивленно моргнул, снял очки и пристально всмотрелся в Грея, словно все-таки усомнившись в его здравомыслии.

– Это он меня ударил, – пояснил Грей и добавил, когда врач нахмурился: – Все хорошо. Сам виноват.

– Хвала Господу! – прошептал тот, расплываясь в широкой улыбке: скорее всего радуясь новостям о спасении Фрэзера, нежели тому, что Грей сам напросился на кулак. – Йен будет просто...

Он бурно зажестикублировал, не в силах описать словами чувства Йена Мюррея.

– А, Друг Клэр! – воскликнул он, округляя глаза за очками. – Она-то знает?

– Да, но...

Внезапный звук шагов заставил Грея упасть на матрас, неподдельно застонав от боли. Он зажмурился, повернул голову набок и мучительно закричал.

– Кажется, наша гора сейчас у генерала Вашингтона, – несколько озадаченно сказал Смит, останавливаясь возле койки, задев при этом ноги Грея. – Доктор, что хотите делайте, но завтра он должен быть готов к переезду. Если надо, положим его в фургон.

Честнат-стрит, дом 17

Его светлость проснулся с красными, как у хорька, глазами и с настроением бешеного барсука. Будь у меня успокоительное, не колеблясь вколола бы ему двойную дозу. А так пришлось ограничиться щедрой порцией бренди в утреннем кофе, сдобренном к тому же (после непродолжительной борьбы с совестью, напоминавшей о клятве Гиппократу) толикой лауданума.

Злоупотреблять им не стоило – он среди прочего угнетал дыхательную систему. Однако я, отсчитывая пахучие красновато-коричневые капли, убедила себя, что это более гуманный способ совладать с герцогом, нежели огреть его ночным горшком или позвать миссис Фигг, чтобы та подержала Хэла, пока я привязываю его к кровати.

А мне было крайне необходимо, чтобы он притих хоть ненадолго. Мистер Фигг, проповедник Общества методистов, привел двух юношей из числа своей паствы – плотников, которые должны были поставить на место дверь и заколотить окна нижнего этажа на случай нападения толпы. Я сказала миссис Фигг, что та, конечно же, вольна рассказать обо всем мужу (да

и как бы я помешала?), однако о его светлости лучшешний раз не упоминать – ради безопасности лорда Джона, не говоря уж о самом герцоге, который, в конце концов, очень дорог моему супругу.

Миссис Фигг с радостью обваляла бы герцога в смоле и перьях, однако, услышав имя лорда Джона, к которому всегда питала особую слабость, согласно закивала. Она справедливо заметила, что если его светлость не будет кричать из окон или бросаться в рабочих подсвечниках, о его присутствии в доме никто не узнает.

– Однако... что вы собираетесь с ним делать, леди Грей? – спросила она, опасливо поглядывая на потолок. Мы стояли в дальней гостиной, совещались вполголоса, пока Дженни кормила Хэла завтраком, попутно следя, чтобы кофе с бренди тот выпил до дна. – Вдруг кто из солдат придет о нем справиться?

Я беспомощно развела руками и призналась:

– Даже не представляю. Надо просто дождаться возвращения лорда Джона или моего... э-э-э... мистера Фрэзера. Они решат, как с ним быть. Что до военных, если вдруг кто заявится его искать, то я... хм... сама поговорю с ними.

Она бросила на меня выразительный взгляд: мол, слышали мы планы и получше, но все-таки неохотно кивнула и отправилась за своей корзинкой для покупок. В осажденном городе всегда первым делом кончаются запасы еды, и, если вдруг в Филадельфию саранчой слетится Континентальная армия, продуктов из окрестных сел на всех не хватит. Фургоны с продовольствием уже сейчас могут перехватывать на полпути.

Однако у самых дверей миссис Фигг замешкалась.

– А если Уильям вернется? – строго спросила она. – Что тогда?..

С одной стороны, миссис Фигг надеялась на его возвращение (она очень переживала за мальчика), с другой, терзалась ужасом от того, что случится, если он вдруг обнаружит своего родного дядюшку в пленниках у мачехи.

– Я с ним поговорю, – твердо сказала я.

Забежав по ступенькам, увидела, как Хэл зевает над почти опустевшим подносом, а Дженни аккуратно стирает яичный желток у него с губ. Ночевала она в типографии, но утром вернулась, притащив потрепанный чемодан, доверху набитый всякими полезными вещами.

– Его светлость славно позавтракал, – сообщила она, довольно обозревая результаты своего труда. – И опорожнил кишечник. Я заставила его сделать это прежде, чем он выпьет кофе. Не знала, как быстро тот подействует.

Хэл наградил ее то ли обиженным, то ли удивленным взглядом. Зрачки реагировали на свет уже слабо, отчего вид у него был крайне пьяным. Герцог моргнул и замотал головой, словно пытаясь развеять туман.

– Позвольте-ка проверить жизненные показатели, ваша светлость, – улыбнулась я, чувствуя себя Иудой.

Он ведь мой пациент... зато Джейми мне муж, и это упрочило мою решимость.

Пульс, к счастью, был медленным и ровным. Я достала стетоскоп, развязала на герцоге ночную сорочку и прислушалась. Сердце стучало размеренно, без перебоев, а вот легкие булькали, как прохудившаяся бочка, и дыхание то и дело сбивалось на рваные вздохи.

– Лучше дать ему настойку эфедры, – сказала я, выпрямляясь.

Средство было бодрящим, к тому же выводило из организма опиаты, но иначе герцог во сне просто-напросто перестанет дышать.

– Я побуду с ним, а ты спустись и принеси. Греть не надо, холодная сгодится.

Иначе он заснет прежде, чем питье будет готово.

– Мне сегодня утром надо явиться к генералу Клинтону, – на удивление бодро произнес Пардлоу, хотя глаза у него слипались. Он откашлялся. – Надо исполнить свои обязанности... Мой полк...

– Ах да... И где же сейчас ваш полк? – с опаской спросила я. Если в Филадельфии, адъютант Хэла в любую минуту явится его искать. Переночевать герцог еще мог не в казармах, а у родни, но вот днем обязан явиться на службу. А я ведь даже не знаю, поверил ли кто моим фальшивым письмам.

– В Нью-Йорке. Кажется... – ответил тот. Закрыв глаза, качнулся и тут же выпрямил спину. – Там мы сошли с корабля. Я поехал в Филадельфию... повидаться с Генри... и Дотти. – Он скривился, как от боли. – А вернуться должен буду с Клинтонем.

– Конечно-конечно, – заверила я, сама лихорадочно думая.

Итак, когда именно войска генерала Клинтона должны тронуться в путь? Предположим, к тому времени Пардлоу несколько оправится и во врачебном надзоре уже нуждаться не будет... Тогда я верну его военным – и у Хэла не останется времени перетряхивать город в поисках брата. Тем более что Джейми – с Джоном ли, без него – должен вернуться в любой момент...

Однако пока вернулась лишь Дженни с настойкой эфедры – а еще с молотком в кармане фартука и тремя досками под мышкой. Она молча протянула мне чашку и принялась заколачивать окно, орудуя на удивление умело.

Хэл потягивал питье, изумленно поглядывая на мою золовку.

– Зачем она это делает? – спросил он, хотя ему было не так уж интересно.

– Скоро ураганы, ваша светлость, – ответила та с каменным лицом и выскочила из комнаты, чтобы вернуть молоток плотникам. Те внизу бодро колотили на все лады так, будто на дом напала стая обезумевших дятлов.

– А-а-а...

Хэл обвел комнату мутным взглядом – должно быть, искал бриджи, которые миссис Фигг предусмотрительно спрятала на кухне. Глаза остановились на небольшой стопке книг Уильяма, лежавших на туалетном столике. Должно быть, герцогу они были знакомы, потому что он произнес:

– А Уильям... Он где?

– Боюсь, Уильям очень занят. Может, вечером заглянет.

Я взяла герцога за запястье. Сердце билось медленно, но сильно. Правда, пальцы уже ослабли, я едва успела подхватить опустевшую чашку и поставить ее на стол. Голова у герцога поникла, и я осторожно уложила его на подушку, хорошенько ее взбив, чтобы лучше дышалось.

«Если Уильям вернется... Что тогда?» – спросила миссис Фигг.

И впрямь – что?

Коленсо больше не объявлялся, значит, нашел хозяина, и это хорошо. Но вот чем тот сейчас занимается и о чем думает...

Глава 14

Зарождающий гром

– Это назначение вполне подобает вашему особому нынче статусу, – заявил майор Финдли.

Если б он только знал, насколько особому, мрачно подумал Уильям. Хотя и до недавних событий его положение было несколько сомнительным.

В октябре семьдесят седьмого года вместе с остатками армии Бургойна он сдался в плен. Британские солдаты и их немцы-союзники вынуждены были сложить оружие, но пленными не считались: по соглашению, которое в Саратогге заключили Бургойн и генерал вражеской армии Гейтс, военным разрешалось вернуться в Европу после того, как они дадут клятву не выступать более против американцев.

Однако из-за зимних штормов корабли не могли выйти из гавани, и с захваченными солдатами срочно следовало что-то делать. Их переправили в массачусетский Кембридж дожидаться весны и возвращения на родину. Всех – кроме Уильяма и некоторых других офицеров, либо имевших в Америке влиятельных родственников, либо дружных с сэром Генри, который недавно сместил на посту главнокомандующего генерала Хау.

Уильяму повезло вдвойне: и сам он некогда служил у Хау адъютантом, и его дядюшка был полковником, а отец – известным дипломатом. Поэтому он остался в Филадельфии. Его из уважения к генералу Хау освободили под честное слово и отправили к лорду Джону. Причем Уильям по-прежнему считался солдатом британской армии, только в боевых действиях участвовать не мог. Впрочем, в армии всегда найдется немало других не самых почетных обязанностей, помимо сражений. Генерал Клинтон с радостью взвалил их на Уильяма.

Глубоко уязвленный, тот умолял отца выменять его официально: это отменило бы условия освобождения и позволило вновь попасть на фронт. Лорду Джону почти удалось добиться результатов, но увы – в январе тысяча семьсот семьдесят восьмого между Конгрессом и Бургойном пробежала кошка: последний отказался предоставить списки капитулировавших солдат. Поэтому Конгресс отменил соглашение и заявил, что захваченных солдат будут удерживать до тех пор, пока требуемые списки и соглашение заодно не утвердит самолично король Джордж. Чертовы американцы понимали, что король в жизни не подпишет таких бумаг, ведь это все равно что признать независимость колоний.

Поэтому никакого обмена пленными! Без исключений.

Следовательно, Уильям оказался в весьма щекотливом положении. Формально он считался беглым заключенным; если вдруг (маловероятно, но все-таки) попадет к американцам и те выяснят, что он один из офицеров Саратоги, его отправят в Массачусетс томиться до самого конца войны. В то же время никто не знал, дозволено ли ему братья за оружие – ведь, хотя соглашение было расторгнуто (что вроде как отменяло условия освобождения), Уильям дал американцам слово чести.

Поэтому он оказался здесь, занимаясь самым унижительным делом, какое только можно представить: командовал эвакуацией богатых лоялистов Филадельфии. Что может быть хуже – если только водить свиней сквозь игольное ушко...

В то время как простые горожане бежали из Филадельфии на своих двоих, вывозя скарб на фургонах и рискуя попасться на глаза вражеской армии, знатым лоялистам позволили выехать более безопасным и удобным путем – по воде. Вот только никто из них не понимал, что корабль лишь один – и то личное судно генерала Хау – и места на борту на всех не хватит.

– Нет, мадам, мне очень жаль, но это абсолютно невозможно...

– Что за глупости, молодой человек! Эти башенные часы мой дедушка купил в Нидерландах в тысяча шестьсот семидесятом году. Они показывают не только время, но и фазу луны, а также таблицу приливов и отливов в Неаполитанском заливе! Неужто вы и впрямь думаете, что я позволю такому дивному предмету попасть в руки повстанцев?!

– Увы, но боюсь, что придется... Нет, сэр, никаких слуг! Только члены семьи и минимум багажа. А слуги безо всякой для себя опасности могут последовать за вами иным путем...

– Они же умрут с голоду! – возопил мертвенно-бледный джентльмен, не желавший расставаться ни с поваром, ни с фигуристой горничной, которая, судя по выразительной внешности, особыми способностями в уборке не блистала, зато отличалась другими весьма выдающимися талантами. – Или попадут в плен. Я взвалил на себя ответственность за их судьбу! Вы не можете...

– Могу, – твердо заявил Уильям, искоса бросая оценивающий взгляд на горничную. – Капрал Хиггинс, проследите, чтобы слуги мистера Хеннинга благополучно покинули причал. Нет, мадам! Я верю, что ваши кресла очень ценные, но стоят они не дороже, чем жизни остальных

ных пассажиров, если судно вдруг затонет. Хотя каретные часы взять можете. Лейтенант Рендилл!

Рендилл, весь красный и потный, уже пробивался сквозь толпу сыплющих проклятиями горожан. Наконец он добрался до Уильяма, который залез на ящик, чтобы его мимоходом не затоптали или не столкнули в реку. Лейтенант отдал честь, хотя его тут же стали отпихивать другие люди, пытавшиеся привлечь внимание Уильяма.

– Да, сэр?

Рендилл поправил съехавший парик и почти вежливо отодвинул локтем одного особенно настырного джентльмена.

– Вот список знакомых генерала Хау. Проверьте, все ли на борту; если нет... – Уильям красноречиво оглядел растущую на причале толпу в окружении горы пожитков и брошенного чужого скарба. Он бесцеремонно сунул список лейтенанту в руки. – Найдите их!

– О господи, – безнадежно побормотал тот. – То есть... Да, сэр. Как прикажете.

Он повернулся и, бодро работая локтями, брассом поплыл сквозь толпу.

– Рендилл!

Тот послушно погреб обратно, словно толстая белуха в косяке обезумевшей сельди.

– Да, сэр?

Уильям наклонился к нему и заговорил вполголоса, чтобы остальные не слышали, кивнув на груды багажа и мебели, сваленные на причале порой в опасной близости к краю.

– Будете проходить мимо, скажите грузчикам: ничего страшного, если вдруг что-то случайно упадет в воду. Хорошо?

Потное лицо Рендилла посветлело.

– Да, сэр!

Он отдал честь и вновь отправился в плавание, теперь уже с бóльшим энтузиазмом. Уильям, переведя дух, принялся выслушивать жалобы пожилого немца с шестью дочерьми, которые, казалось, напялили на себя все содержимое гардероба: их круглые встревоженные личики выглядывали из-под громоздких шляпок, теряясь в ворохах шелка и кружев на плечах.

Как ни странно, жара и назревающая гроза удивительнейшим образом сочетались с его настроением, а непосильность поставленной задачи лишь позволяла расслабиться. Как только он понял, что не сумеет помочь каждому, даже одному из десяти, то и вовсе перестал тревожиться и просто старался обеспечить хоть какое-то подобие порядка, раскланиваясь с напиряющими фалангами людей, а сам блуждая в своих мыслях.

Будь он сейчас склонен к иронии, посмеялся бы над собой. Уильям ведь теперь ни рыба ни мясо, как говорят в народе. Не военный и не гражданский. Не англичанин и не граф... хотя нет – с чего бы это вдруг он больше не англичанин?..

Как только в голове прояснилось, он понял, что формально по-прежнему остается девятым графом Элсмиром, кто бы ни был его отцом. Ведь родители Уильяма – настоящие родители, юридически – на момент рождения были женаты. И от этого теперь еще хуже: как можно притворяться наследником древних кровей, когда ты прекрасно знаешь, кто на самом деле твой отец?..

Он шумно выдохнул и отогнал жуткую мысль подальше в глубины сознания. Однако при слове «отец» тут же всплыл яркий образ лорда Джона. Уильям втянул горячий, воняющий рыбой воздух, пытаясь пережить приступ боли, охватившей его при мысли об отчине.

Он не хотел в этом признаваться, но все равно весь день обшаривал толпу взглядом, высматривая фигуру отца... – да, черт возьми, именно отца! Лорд Джон по-прежнему (хоть он и лгал Уильяму всю жизнь) оставался его отцом. И Уильям все больше о нем тревожился. Вчера Коленсо сказал, что лорд Джон уехал по срочным делам – но сегодня-то утром он уже должен был вернуться. Если так, он обязательно нашел бы Уильяма. Если только Фрэзер его не убил...

Уильям нервно сглотнул. С чего бы? Они же друзья, притом давние...

Правда, война развела их по разные стороны фронта. Но даже тогда...

Из-за матушки Клэр?.. Уильям тут же отогнал эту мысль – но все-таки заставил себя к ней вернуться. Он-то видел, как мачеха вспыхнула от радости – ярче пламени, – когда увидела Джейми Фрэзера. Даже почувствовал ревность за отца. Если Фрэзер испытывает к ней те же чувства, мог ли он... Хотя что за глупости! Разумеется, он должен понимать, что лорд Джон лишь предложил матушке защиту – причем ради давнего друга!

Однако потом, после свадьбы... Отец ведь не делал из своей личной жизни особой тайны... Лицо Уильяма запылало, когда он понял, что лорд Джон ложится в постель с не совсем бывшей миссис Фрэзер.

И если Фрэзер об этом узнал...

– Нет, сэр! – бросил он навязчивому торговцу, который – как Уильям запоздало понял – пытался его подкупить, чтобы провести на корабль свою семью. – Как вы смеете! Прочь – и радуйтесь, что у меня нет времени с вами разбираться, как вы того заслуживаете!

Мужчина понуро отступил. Уильям почти испытал к нему жалость, но поделаться все равно ничего не мог. Даже согласись он на взятку, на борт посторонних не провести.

Итак, с чего бы Фрэзеру узнавать правду? Вряд ли лорд Джон настолько глуп, чтобы ему признаваться. Нет, отца задерживает что-то другое... Может, дороги забиты до отказа, потому что люди бегут из Филадельфии...

– Да, мадам. Думаю, для вас и вашей дочери место мы найдем, – сказал он молодой матери, испуганно прижимающей к груди младенца.

Уильям погладил девочку по щеке; та проснулась, но не заплакала из-за царившей вокруг суеты – только посмотрела на него из-под длинных рыжих ресничек.

– Привет. Хочешь покататься с мамой на кораблике?

Женщина с облегчением всхлипнула.

– О, благодарю вас... Вы же лорд Элсмир, правда?

– Да, – по привычке подтвердил Уильям, и его словно пнули в живот. Он сглотнул, заливаясь краской.

– Мой муж – лейтенант Биман Гарднер, – сказала она, чтобы хоть как-то оправдать его доверие. Женщина присела в реверансе. – Мы уже встречались. На Мискьянце.

– Да, конечно, – согласился он, хотя не помнил никакой миссис Гарднер. – Рад, что могу оказать услугу супруге своего собрата-офицера. Будьте любезны, поднимайтесь сразу на борт. Капрал Андерсон! Сопроводите миссис и мисс Гарднер на корабль.

Он поклонился, чувствуя, как внутри все закипает. Собрат-офицер? Господи... Что бы подумала миссис Гарднер, знай она правду? Что бы сказал сам лейтенант Гарднер?

Уильям глубоко вдохнул, смежив на миг веки. Когда вновь открыл глаза, оказалось, что прямо перед ним стоит капитан Иезекиль Ричардсон.

– *Stercus!*²⁰ – воскликнул Уильям, невольно подражая манере дядюшки Хэла ругаться на латыни в моменты чрезвычайного душевного волнения.

– И впрямь, – вежливо заметил тот. – Могу ли я с вами поговорить? Да, прямо сейчас... лейтенант! – Он поманил Рэндолла, который неподалеку спорил с пожилой дамой в черном бомбазине. У ее ног крутились четыре собачонки, рвущиеся с поводка, который держал маленький чернокожий раб. Рэндолл, разведя перед ней руками, повернулся к Ричардсону.

– Да, сэр?

– Займите место капитана лорда Элсмira, пожалуйста. Мне надо с ним поговорить.

²⁰ Навоз, шлак (лат.).

Пока Уильям раздумывал, соглашаться ли на разговор, Ричардсон за локоть вытянул его из толпы и повел в небесно-голубой эллинг²¹ на берегу.

Оказавшись в тени, Уильям с облегчением выдохнул и собрался с мыслями. Первым порывом было хорошенько отчитать Ричардсона – может даже, столкнуть того в реку, – но он благоразумно взял себя в руки.

Именно по милости Ричардсона Уильям на время стал тайным агентом, под видом путешествий собирая сведения и передавая их в штаб. Однако в последнюю свою миссию он имел несчастье получить ранение и подхватить на печально прославленных болотах Виргинии лихорадку, которая отправила бы его на тот свет, если бы не Йен Мюррей. Мюррей подобрал его, вылечил – а заодно сообщил, что отправили его не в лоно британских союзников, а в самое гнездо повстанцев, которые непременно бы его повесили.

Уильям сомневался, стоит ли верить Мюррею (особенно теперь, когда выяснилось, что они с ним двоюродные братья). Однако к Ричардсону стал относиться предвзято – и потому наградил того не самым дружелюбным взглядом.

– Что вам нужно? – резко спросил он.

– Мне нужен ваш отец, – ответил тот, и сердце Уильяма скакнуло. Он, должно быть, ослышался... – Где лорд Джон?

– Не имею ни малейшего представления, – коротко ответил Уильям. – Не видел его со вчерашнего дня.

Дня, который перечеркнул всю его жизнь.

– А что вам от него надо? – спросил Уильям, не утруждая себя любезностью.

Ричардсон вскинул бровь, но не стал заострять внимание на столь грубых манерах.

– Его брат, герцог Пардлоу, пропал.

– Что? – Уильям вытаращил глаза, ничего не понимая. – Его брат? Пропал... Откуда пропал? Когда?

– Судя по всему, из дома вашего отца. Что до второго вопроса: леди Грей сказала, что он отклонялся после вечернего чая, отправившись, должно быть, на поиски брата. Вы с тех пор его не видели?

– Я вообще его не видел. – В ушах отчетливо звенело. – Я... я даже не знал, что он в Филадельфии. Вообще в колониях, если уж на то пошло. Когда он приехал?

Господи, дядюшка что, решил сам разобраться с Дотти и ее квакером? Хотя нет, вряд ли... Он бы не успел... Наверное.

Ричардсон щурился: должно быть, хотел понять, говорит ли собеседник правду.

– Я никого из них не видел, – твердо заявил Уильям. – А теперь, капитан, прошу меня извинить...

Со стороны причала донеслись шумный всплеск и лихорадочные вопли толпы.

– Прошу прощения, – повторил Уильям и торопливо зашагал к кораблю.

Ричардсон схватил его за руку, пытаясь перехватить взгляд. Уильям же нарочно смотрел в сторону пристани.

– Если вдруг кого-то из них увидите, капитан Рэнсом, будьте любезны сообщить мне. Этим вы окажете большую услугу... многим людям.

Уильям выдернул руку и, не снизойдя до ответа, зашагал прочь. Ричардсон назвал его по фамилии, не по титулу... что это значит – обычная грубость? Хотя плевать... Сражаться ему теперь нельзя, сказать кому-то правду о своем происхождении – тоже, а во лжи он жить больше не способен. Будь все проклято, он словно боров увяз в болоте по самые уши!

Уильям вытер с лица рукавом пот, расправил плечи и снова бросился в бой. Единственное, что ему оставалось, – исполнять свой долг.

²¹ Эллинг – крытое сооружение для ремонта или хранения судов на берегу.

Глава 15

Армия выступает

Мы успели вовремя. Едва я вышла из спальни, где тихонько храпел Пардлоу, как в только что починенную дверь заколотили. Я поспешила вниз и увидела Дженни, говорящую с очередным британским солдатом, на сей раз лейтенантом. Генерал Клинтон не унимался.

– Нет же, парень, – с легким удивлением твердила Дженни. – Полковника здесь нет. Он вчера выпил с леди Грей чаю, а потом отправился на поиски брата. Тот до сих пор не вернулся, и... – Она подалась к парню, заговорив тише: – Госпожа очень за него переживает... Как вижу, у вас тоже нет вестей?

Восприняв это как знак, я спустилась, неожиданно для себя понимая, что и правда «очень переживаю». Из-за суеты вокруг Хэла я немного забылась – но теперь-то не было никаких сомнений: с Джейми и Джоном и впрямь стряслась беда.

– Леди Грей, позвольте представиться, мэм, – лейтенант Розвелл.

Гость поклонился, но даже за вежливой улыбкой не сумел скрыть хмурый взгляд. Военные тоже обеспокоены – это плохо.

– Рад знакомству, мэм. Скажите, вы и правда не получали вестей от лорда Джона или лорда Мелтона... ох, простите, я хотел сказать, его светлости?

– Думаете, я вру?! – возмущенно спросила Дженни.

– О нет, мадам, что вы! – вспыхнул тот. – Однако генерал захочет узнать, что именно сказала супруга лорда Джона.

– Ничего страшного, – заверила я, хотя сердце колотилось почти в горле. – Передайте генералу, что я не получала никаких вестей от мужа. – От обоих мужей. – И начинаю тревожиться.

Лгунья из меня, конечно, никудышная, но сейчас я не врала.

Розвелл поморщился.

– Беда в том, мэм, что армия уходит из Филадельфии, и всем оставшимся в городе лоялистам рекомендовано... если они того пожелают... э... также готовиться к отъезду. – Поджав губы, он бросил взгляд на разломанную лестницу с остатками перил и кровавыми пятнами на обоях. – У вас, как вижу... уже были некоторые трудности?

– О, нет-нет.

Дженни, осуждающе покосившись в мою сторону, шагнула к лейтенанту и, взяв того под руку, мягко, но настойчиво повлекла к двери. Он невольно последовал за ней. Я услышала громкий шепот:

– ...Всего лишь небольшая семейная размолвка... Лорд Джон...

Лейтенант мельком взглянул на меня – удивленно, но не без сочувствия. Впрочем, хмурые морщинки у него на лбу разгладились. Теперь для генерала найдется оправдание.

Под его взглядом у меня вспыхнули щеки, словно накануне у нас и впрямь разыгралась семейная драма, лорд Джон разгромил полдома и сбежал, бросив супругу на милость повстанцев.

Хотя драма разыгралась что надо – однако не скучная семейная ссора, а безумное игрище из Зазеркалья.

Дженни, которой досталась роль Белого Кролика, закрыла за лейтенантом Розвеллом отремонтированную дверь и повернулась ко мне.

– Что еще за лорд Мелтон? – уточнила она, заламывая черную бровь.

– Это одно из имен Хэла, пока тот не получил герцогский титул. Должно быть, лейтенант Розвелл знаком с ним уже много лет.

– А, ясно. Ладно, не важно, лорд он или герцог, сколько он еще проспит? – спросила она.

– Лауданум будет действовать часа два-три, – ответила я, взглянув на позолоченные часы с каминной полки, чудом уцелевшие во вчерашней буре. – Но день выдался тяжелым, а ночь – бессонной, так что он может спать и после того, как средство выветрится. Если только больше никто не будет колотить в дверь почем зря, – добавила я, вздрогнув, когда с улицы донеслись крики и грохот.

Дженни кивнула.

– Хорошо. Тогда я схожу в типографию, разужнаю последние новости. Может, Джейми уже вернулся, – обнадеживающе добавила она. – Вдруг он решил, что сюда идти небезопасно. На улицах полно солдат.

Искорка надежды вспыхнула зажженной спичкой. Хотя я знала наверняка: если бы Джейми был в городе, сейчас он стоял бы передо мной. Пусть злой, пусть раненый – но был бы рядом.

Сейчас, во всеобщей неразберихе, до высокого шотландца, подозреваемого лишь в передаче каких-то сомнительных бумаг, никому нет дела. Ему же не приписывают распространение крамольных листовок. О том, что Джейми взял заложника, знает один Уильям – а тот вряд ли побежал докладывать о случившемся командиру.

Все эти соображения я и высказала Дженни. Хотя да, пожалуй, ей стоит сходить в типографию и проверить, как там Фергус и Марсали с детьми, а заодно узнать, не замышляют ли чего повстанцы.

– Думаешь, на улицах безопасно? – спросила я, помогая ей надеть плащ.

– Кому нужна старуха вроде меня? – оживленно сказала та. – Хотя мое сокровище лучше припрятать...

Сокровищем оказались серебряные часики с изящной филигранью на крышке, которые Дженни носила на груди, приколов к платью.

– Джейми купил мне в Бресте, – пояснила она, заметив мой взгляд. – Я говорила, что это глупо – зачем, мол, мне эта безделушка, я и без того знаю, который час. Однако он настоял; сказал, что так удобнее делать вид, будто ты распоряжаешься событиями. Ты ведь знаешь, какой он, – добавила она, пряча часики поглубже в карман. – Стоит на своем до последнего. Хотя, по правде сказать, ошибается он не так уж часто.

У самой двери Дженни повернулась.

– Теперь слушай. Я постараюсь вернуться прежде, чем герцог наверху проснется, но если не смогу – пришло Жермена.

– Как это – не сможешь?

– Из-за Йена, – ответила та удивленно, словно я и сама должна была догадаться. – Раз солдаты уходят, он может вот-вот вернуться из Валли-Фордж... а ведь мальчик мой, бедняжка, до сих пор думает, что я мертва.

Глава 16

Место для секретов

В лесу, в пяти милях от Валли-Фордж

– А квакеры верят в рай? – спросил Йен Мюррей.

– Некоторые верят, – ответила Рэйчел Хантер, переворачивая носком ботинка большую поганку. – Нет, пес, не трогай! Разве не видишь, какого она цвета?

Ролло, решивший было обнюхать грибок, презрительно фыркнул и отвернулся, задирая морду к ветру в надежде на более аппетитную добычу.

– Тетушка Клэр говорила, собаки не различают цвета, – заметил Йен. – А почему «некоторые»? Квакеры бывают разными?

Порой убеждения квакеров ставили его в тупик, но в трактовке Рэйчел они всякий раз обретали необычайно интересный смысл.

– Наверное, обходятся одним нюхом? Собаки, я имею в виду. Что до твоего вопроса, то мы считаем таинством жизнь здесь, на земле, в свете Христовой любви. Может, загробная жизнь и существует, но оттуда никто еще не возвращался. Поэтому нам всем остается лишь гадать, что там.

Они стояли в тени небольшой ореховой рощи, и мягкий зеленоватый свет, струящийся сквозь листву, озарял Рэйчел неземным сиянием, которому позавидовал бы любой ангел.

– Что ж, я там тоже не бывал, поэтому спорить не буду, – заметил Йен и наклонился, чтобы поцеловать ее чуть выше уха.

По виску Рэйчел тут же пробежали крохотные мурашки, вид которых необычайно тронул его сердце.

– А с чего ты вдруг заговорил о рае? – с любопытством спросила она. – Думаешь, в городе будет война? Не замечала прежде, чтобы ты боялся смерти...

Валли-Фордж, откуда они ушли час назад, кишел солдатами, словно мешок зерна – долгоносиками. Как только пошли слухи, что солдаты Клинтон отступают, американцы принялись спешно лить пушечные ядра и набивать порохом патроны, готовясь к захвату Филадельфии.

– Что ты! В городе войны не будет. Вашингтон хочет перехватить людей Клинтон по дороге.

Йен взял Рэйчел за руку: маленькую, закрученную от работы, но – как оказалось, когда она сплела с ним пальцы, – на удивление сильную.

– Нет, я думал о матушке... Как бы хотелось показать ей места вроде этого.

Широким жестом он обвел полянку, на которой они стояли: из скалы под ногами бил родник удивительно синего цвета, над ним нависали ветви желтого шиповника, в которых гудели летние пчелы.

– У нее дома в Лаллиброхе тоже рос такой шиповник; еще бабушка посадила. – Он сглотнул комок в горле. – Но потом я подумал: наверное, на небесах с отцом она будет счастливее, чем здесь без него.

– Она всегда будет с ним: и в жизни и в смерти, – прошептала Рэйчел, сжимая ему пальцы, и приподнялась на цыпочки вернуть поцелуй. – Когда-нибудь ты отвезешь меня в Шотландию, чтобы я увидела розы твоей бабушки.

Они помолчали, и тиски горя на сердце понемногу разжались... И все благодаря Рэйчел.

Йен не стал говорить этого вслух, но более всего он жалел не о том, что не смог показать матери красоты Америки... а о том, что она так и не увидела Рэйчел.

– Ты бы ей понравилась, – вырвалось вдруг у него. – Моей матушке.

– Хотелось бы надеяться... – с нотками сомнения протянула Рэйчел. – А ты рассказывал ей обо мне там, в Шотландии? Что я из квакеров? Многие католики нас недолюбливают.

Йен напряг память, но так и не вспомнил, упоминал ли при матери об этом незначительном факте. В любом случае, уже не важно, поэтому он просто пожал плечами.

– Я рассказывал ей, как тебя люблю. Кажется, этого ей было достаточно. Правда... отец очень много о тебе спрашивал. Поэтому он точно знал, что ты квакер. Значит, и мама тоже.

Йен взял ее под локоть, помогая спрыгнуть с высокого камня.

Рэйчел задумчиво кивнула, но, следуя за ним через поляну, все-таки спросила:

– Как считаешь, супружеская чета должна во всем доверять друг другу? Делиться не только прошлым, но вообще, каждой своей мыслью?

Опасливое чувство пробежало по спине Йена мышью с холодными лапками. Он глубоко вдохнул. Йен любил Рэйчел всеми фибрами своего существа, но это ее умение – читать его словно открытую книгу, будто она впрямь умеет заглядывать ему в голову, – несколько пугало.

Йен рассчитывал, что они пешком дойдут до Мэтсон-Форты и там встретят Дензила с его фургоном, тогда ему хватит времени, чтобы обсудить наедине с Рэйчел кое-какие вопросы. Правда, будь у него выбор, он предпочел бы этому разговору пытки... Однако Рэйчел права – она должна знать всю правду. Чем бы потом ни обернулась его искренность.

– Наверно. Я хочу сказать... да... насколько это возможно. Пусть не каждой мыслью, но хотя бы самыми важными. И прошлым, да. Иди сюда, давай присядем на минутку.

Йен подвел ее к поваленному бревну, полусгнившему, поросшему мхом и серым лишайником, а сам уселся в душистой тени высокого красного кедра.

Рэйчел ничего не спрашивала, только удивленно вздернула бровь.

– Итак... – Он глубоко вдохнул, опасаясь, что во всем лесу не хватит воздуха. – Ты ведь знала... что я уже был женат?

Рэйчел опешила, но изумление тут же пропало с ее лица – так быстро, что не сиди он рядом, и не заметил бы.

– Не знала. – Одной рукой она принялась собирать юбку складками. Светло-карие глаза безотрывно глядели ему в лицо. – Ты говоришь «был»... Значит, это в прошлом?

Он кивнул, чувствуя себя гораздо легче, словно с плеч упал камень. Не каждая девушка так спокойно воспримет подобные вести.

– Да. Иначе я не стал бы звать тебя замуж.

Рэйчел поджала губы и прищурилась.

– Вообще-то, – задумчиво протянула она, – ты меня замуж не звал.

– Разве?! – поразился он. – Ты уверена?

– Я бы обязательно запомнила. Не звал. Были кое-какие намеки, но предложение так и не прозвучало.

– Что ж... Ясно. – Лицо у него вспыхнуло. – Я... но ты... ты же... – Может, она и права. Но она ведь говорила... или нет? – Ты ведь говорила, что любишь меня?

У Рэйчел едва дрогнули губы. Глаза так и вовсе заискрились весельем.

– Я выразилась не столь прямо. Но да, об этом я говорила. По крайней мере, намекала.

– О! Тогда ладно. – Йен приободрился. – Значит, любишь.

Он обнял ее здоровой рукой и жарко прильнул к губам. Рэйчел, слегка задыхаясь и комкая его рубашку на груди, ответила на поцелуй, потом все-таки отстранилась.

Губы у нее припухли, кожа, исцарапанная бородой, порозовела.

– Давай... – проговорила она и сглотнула, убирая руку с его груди. – Давай сперва ты расскажешь о своем прошлом браке? Кем была... та твоя жена и что с ней стало?

Йен неохотно выпустил ее из объятий, но взамен взял за руку. Та теплой живой птичкой мягко легла ему в ладонь.

– Ее зовут Вакьотейеснонха, – сказал он, ощущая обычную перемену: словно стиралась грань между Йеном – моговком и Йеном – белым человеком, и он опять не знал, где же его место. – Это значит «искусные руки». – Он откашлялся. – Я называл ее Эмили. Почти всегда.

Ладошка Рэйчел чуть заметно дрогнула.

– Зовут? Ты сказал «зовут»? Выходит, она жива?!

– В прошлом году была жива, – ответил он, с трудом заставляя себя разжать пальцы на ее руке. Рэйчел отняла ладонь и зажала между коленями, с усилием сглотнув, – он видел, как дернулся бугорок на шее.

– Хорошо, – сказала она, и голос почти не дрогнул. – Расскажи о ней.

Он снова глубоко вздохнул, пытаясь понять, как это лучше сделать. Однако, ничего не придумав, просто спросил:

– Рэйчел, ты точно хочешь о ней знать? Или всего лишь хочешь услышать, как сильно я любил ее... и вдруг люблю до сих пор?

– Давай с этого и начнем. Ты ее любил?

– Да, – признался он беспомощно, потому что не мог ей солгать.

Ролло, ощутив, что в его маленькой стае не все ладно, подошел ближе к Рэйчел, сел у ее ног, недвусмысленно обозначив свои предпочтения, и устремил на Йена взгляд волчьих желтых глаз, отчего-то удивительно похожих на взор самой Рэйчел.

Та только подняла бровь еще выше.

– Она... она тогда стала единственной моей отрадой! – вдруг выпалил он. – Мне пришлось остаться без семьи и стать моговком.

– Пришлось... Как это? – Рэйчел, совершенно сбита с толку, беспомощно уставилась на его татуировки. – Ты что, стал жить с индейцами не по своей воле? Почему?!

Он кивнул, на мгновение ощутив под ногами твердую почву. Эту историю рассказать легко, тем более случилось все целую вечность назад. Глаза у Рэйчел становились шире и шире, пока он описывал, как они с дядюшкой Джейми повстречали Роджера Уэйкфилда и приняли его за другого – того, кто надругался над его кузиной Брианной и сделал ей ребенка. Они чуть не убили несчастного парня, но потом придумали месть получше...

– О, хвала небесам, – чуть слышно прошептала Рэйчел. Он покосился на нее, но так и не понял, всерьез она или это был сарказм.

Откашлявшись, Йен продолжил рассказ о том, как они отдали Роджера тускарорам, а те продали его моговкам на север.

– Мы боялись, как бы он не вернулся однажды и не потребовал Брианну в жены. Вот только потом...

Йен осекся, вспоминая, с каким страхом предлагал Брианне замужество... и какой ужас охватил его, когда она нарисовала портрет своего возлюбленного – и на бумаге оказался тот самый мужчина, которого они отдали индейцам.

– Ты предлагал своей кузине выйти за тебя замуж?! Ты испытывал к ней чувства?

Должно быть, Рэйчел испугалась, что он из тех мужчин, которые готовы жениться хоть на первой встречной. Йен затараторил, чтобы развеять это впечатление.

– Нет-нет! То есть Брианна, она... славная девушка, и мы отлично ладили, да... Но она... я хочу сказать, все было не так! – торопливо добавил он, потому что брови Рэйчел сумрачно сходились в одну линию.

Правда в том, что тогда ему было семнадцать и его пугала одна мысль, что придется лечь в постель с девушкой старше себя... Йен поскорее задушил эту мысль, словно ядовитую змею.

– То была идея дядюшки Джейми. – Он развел руками, выражая все свое негодование. – Надо же было дать ребенку имя, понимаешь? Вот я и вызвался. Ради семейной чести.

– Ради семейной чести, – скептически повторила Рэйчел. – Кто бы сомневался. А потом...

– Потом мы поняли, что это и был Роджер Мак, только он взял себе другое имя, Маккензи, поэтому мы его не узнали. И мы отправились его вызволять, – торопливо договорил он.

К тому времени, когда Йен завершил рассказ, кульминацией которого стало его добровольное решение занять место убитого в схватке индейца (включая ритуальное омовение в реке, когда женщины моговков отдраили все его тело песком, убирая белую кожу, сбривание волос и нанесение татуировки), он уж было решил, что женитьба на Эмили станет лишь незначительным штрихом в общей картине.

Увы.

– Я... – Он запнулся, осознав, что разговор может оказаться куда тяжелее, чем казалось.

Йен в страхе посмотрел на Рэйчел. Однако она по-прежнему не сводила с него глаз, хотя краснота вокруг губ казалась ярче, потому что девушка заметно побелела.

– Я... я не был девственником, когда мы поженились, – ляпнул он.

Рэйчел снова вскинула брови.

– По правде, я не знаю, о чем еще спрашивать, – сказала она, изучая его с тем же выражением, с каким тетушка Клэр обычно глядит на очередной жуткий нарыв: немного замороженно и не с отвращением, а твердой решимостью во что бы то ни стало разделаться с этой дрянью.

Йену оставалось лишь надеяться, что Рэйчел не решит удалить его из своей жизни, как бородавку или гангренозный палец.

– Я... расскажу все, что хочешь, – смело заявил он. – Все, что угодно.

– Какая щедрость, – усмехнулась та. – А я, пожалуй, соглашусь. И даже отвечу тем же. Не хочешь узнать, девственница ли я?

У Йена отвисла челюсть.

– А разве нет? – хрипло выдавил он.

– Девственница, – заверила та, едва ли не покатываясь со смеху. – А ты что, сомневалась?

– Нет же! – Кровь бросилась ему в лицо. – Любой, кто на тебя посмотрит, сразу поймет, что ты... что ты... добродетельная женщина, – завершил он с облегчением, подобрав-таки подходящее слово.

– Меня вполне могли изнасиловать, – веско заметила она. – Тогда я была бы уже... не столь добродетельна?

– Я... м-м-м... Нет, наверное, вовсе нет...

Йен знал, что многие считают изнасилованных женщин распутницами. И Рэйчел тоже это знала. Он вконец запутался; она видела его замешательство и с трудом сдерживала смех.

Наконец Йен расправил плечи, вздохнул и поймал ее взгляд.

– Хочешь услышать о каждой женщине, с которой я делил постель? Я расскажу. Ни одну из них я не брал силой... Правда, почти все были шлюхами. Но я никакую заразу от них не подцепил! – торопливо заверил он.

Рэйчел задумалась.

– Наверное, такие подробности мне ни к чему, – произнесла она наконец. – Но если когда-нибудь мы повстречаем женщину, с которой ты делил постель, я хотела бы об этом знать. И... ты же не собираешься и дальше прелюбодействовать с проститутками после того, как нас свяжут узы брака?

– Ни за что!

– Хорошо, – сказала она, отклоняясь назад и обхватывая руками колени. – Однако я все равно хотела бы услышать о твоей жене. Об Эмили.

Рэйчел все еще сидела рядом с ним. Не отодвинулась, даже когда он заговорил о шлюхах. Повисла тишина, только сойка трещала о своем.

– Мы любили друг друга, – тихо сказал он, глядя в землю. – И она была мне нужна. С ней было о чем поговорить. По крайней мере, тогда.

Рэйчел затаила дыхание, но не вымолвила ни слова. Йен набрался смелости и поднял голову.

– Я не знаю, как это объяснить. С ней было совсем не так, как с тобой, но я не хочу утверждать... будто она для меня ничего не значила. Значила... – добавил он, снова опуская взгляд.

– И сейчас тоже? – после долгой паузы тихо спросила Рэйчел.

Йен не сразу, но все-таки кивнул.

– Но... – начал он, однако осекся, подбирая слова, потому что они подошли к самой зыбкой части его исповеди, после которой Рэйчел может встать и уйти, волоча за собой по камням и щебню его разбитое сердце.

– Но? – нежно переспросила она.

– У могавков... – заговорил он и снова замолчал, переводя дух. – У них женщины сами выбирают себе мужа. И могут прогнать его, если, допустим, он бьет жену, или лентяй, или горь-

кий пропойца, или воняет и все время пукает... – Йен покосился на Рэйчел краем глаза и заметил, что уголки губ у нее подрагивают от смеха. Приободрившись, он продолжил: – Тогда она выносит его вещи из длинного дома, и он должен дальше жить холостяком... или найти себе другую женщину, которая пустит его к своему костру. Или вообще уйти из племени.

– Выходит, Эмили тебя выгнала?! – возмутилась она.

Он усмехнулся в ответ.

– Да, выгнала. Но вовсе не потому, что я ее избивал. Из-за... детей.

Глаза защипало от слез, и Йен решительно стиснул кулаки. Черт возьми, обещал ведь себе, что не будет плакать. Рэйчел может подумать, будто он разыгрывает драму, чтобы вызвать ее сочувствие... или заглянет ему в душу слишком глубоко, а он еще не готов к такой близости. Однако надо рассказать все до конца, он ведь нарочно завел этот разговор.

– Я не смог дать ей ребенка, – выпалил Йен. – Первой должна была родиться дочка... Она появилась на свет слишком рано, мертвой. Я дал ей имя Элизабет. – Тыльной стороной ладони он вытер глаза, словно пытаясь стереть свое горе. – А потом она... Эмили... снова забеременела. И опять потеряла ребенка. После третьего... ее сердце умерло вместе с ним.

Рэйчел тихо ойкнула, но он на нее не смотрел. Не мог. Просто сидел на бревне, сгорбившись и втянув голову в плечи, а в глазах все плыло от непролитых слез.

На его руку сверху легла хрупкая ладошка.

– А твое сердце... Оно тоже умерло?

Он накрыл ее руку своей и кивнул. А потом просто задышал: глубоко и долго, держась за Рэйчел, пока не сумел наконец заговорить без рыданий.

– Могавки верят, что мужской дух вступает в схватку с женским, когда они... делят ложе. И если мужчина не способен одержать верх, женщина никогда не понесет от него дитя.

– Ясно... – тихо сказала Рэйчел. – Значит, она обвинила тебя.

Он пожал плечами.

– Не знаю, может, она и права. – Йен повернулся к Рэйчел, заглядывая ей в глаза. – Не могу обещать, что у нас с тобой все получится. Я разговаривал с тетушкой Клэр, она говорит, такое бывает из-за разной крови... если хочешь, спроси у нее, она расскажет, а то я мало что понял. В общем, она сказала, что с другой женщиной может быть по-другому. Возможно, и я сумею... сумею дать тебе детей.

Оказалось, все это время Рэйчел сидела, затаив дыхание, и теперь она тихонько выдохнула, обжигая горячим воздухом ему щеку.

– Значит, ты... – начал он, но она привстала и нежно поцеловала его в губы, а потом прижала голову Йена к груди и углом платка вытерла ему глаза.

– Ох, Йен, – прошептала она. – Как же я тебя люблю!

Глава 17 Свобода!

Грея ждал еще один бесконечно долгий, хоть и менее богатый на события день, единственным развлечением которого было наблюдение за тем, как полковник Смит яростно строит депеши. Перо царапало бумагу с шорохом тараканьего нашествия.

Это лишь усугубляло тошноту, и без того терзавшую желудок, в котором после выпивки побывали только кусок жирной кукурузной лепешки и кофе из желудей, предложенные на завтрак.

Невзирая на недомогание и крайне туманное будущее, Грей был на удивление весел. Джейми Фрэзер жив, и он, Джон, более не женат. Оба этих чудесных факта заставляли забыть о том, что шансы на побег невелики и, весьма вероятно, скоро его ждет виселица...

Он удобно развалился на кровати и то дремал, если позволяла головная боль, то тихонько напевал под нос, отчего Смит горбился, втягивал голову в плечи и еще быстрее шуршал пером.

То и дело забегали посыльные. Не знай Грей наверняка, что Континентальная армия готовится выступить, – догадался бы уже через час. Горячий воздух вонял расплавленным свинцом, визжали точильные камни; в лагере царило напряжение, которое безошибочно ощутил бы любой солдат.

Смит и не думал хоть как-то от него таиться: видимо, не верил, что Грей сумеет обратить секретные сведения себе на пользу... Что вообще успеет сделать в этой жизни хоть что-то полезное.

К вечеру на пороге палатки вдруг возник женский силуэт, и Грей тут же привстал, оберегая голову от лишних рывков. Сердце застучало, перед глазами все поплыло.

Его племянница, Дотти, была в невзрачном одеянии квакеров, хотя темно-синий цвет застиранного индиго удивительно шел к ее персиковой коже истинной англичанки, поэтому выглядела она, как всегда, очаровательно. Дотти кивнула полковнику Смигу и, поставив рядом с ним поднос, повернулась к заключенному. Голубые глаза изумленно полезли на лоб, и Грей за спиной полковника усмехнулся. Дензил наверняка ее предупреждал, но вряд ли она ожидала увидеть пугало с распухшим лицом и вытаращенным карминно-красным глазом.

Заморгав, Дотти сглотнула и что-то негромко сказала Смигу, вопросительно указав на пленника. Тот нетерпеливо кивнул, хватаясь за собственную ложку, и Дотти, взяв одну из обернутых полотенцем мисок, понесла ее к койке.

– Боже праведный, Друг, – негромко произнесла она. – Как же тебе досталось... Доктор Хантер говорит, тебе можно есть любую пищу. Чуть позднее он зайдет, чтобы наложить повязку на глаз.

– Благодарю вас, юная леди, – серьезно ответил Грей и, бросив поверх ее плеча взгляд на Смита (не следит ли за ними), спросил: – Это рагу из белки?

– Из опоссума, Друг. Вот, я принесла ложку. Мясо очень горячее, не торопись.

Встав так, чтобы заслонить его от Смита, она поставила замотанную миску ему на колени и, коснувшись тряпок, тут же указала на оковы, выразительно задвигав при этом бровями. Потом извлекла из кармана роговую ложку – а вместе с нею нож, который ловким движением фокусника сунула под подушку.

Пульс у нее на шее нервно бился, на висках выступил пот. Грей мимоходом погладил ее по руке и взялся за ложку.

– Спасибо. Скажите доктору Хантеру, я буду его ждать.

* * *

Веревка сделана из конского волоса, а нож оказался тупым, так что Грей успел не раз порезаться, прежде чем осторожно встать с койки. Сердце бешено стучало, под раненым глазом билась вена... Лишь бы сам глаз выдержал и не лопнул от давления.

Он поднял оловянный горшок, стоявший под койкой, и использовал его по назначению. Смит, благодарение богу, крепко спит, а если и проснется, то услышит привычные уху звуки, перевернется на другой бок и тут же задремлет снова, как делают все спящие.

Впрочем, полковник по-прежнему дышал ровно. Он тихонько похрапывал, будто жужжащая над цветком пчела, – и это было даже забавно. Грей медленно опустил на колени между своей койкой и матрасом полковника, подавив внезапное желание поцеловать того в ухо, уж больно манящим оно было: маленькое и ярко-розовое. Впрочем, через мгновение странный порыв развеялся, и Грей на четвереньках пополз к выходу. Цепи он обмотал полотенцем от горшка и марлей, которой Хантер перевязывал ему глаз. Однако все равно приходилось

соблюдать осторожность. Если попадетсЯ, это будет скверно не только для него. Тогда Грей подставит Хантера и Дотти.

Весь день он прислушивался к тому, что происходит снаружи. Палатку сторожили два охранника, но сейчас они оба наверняка возле входа, греются у костра. Днем стояла жара, но к вечеру заметно похолодало.

Грей лег и торопливо прополз под холстиной, стараясь не слишком трясти палатку, хотя весь день то и дело пинал свой угол, чтобы теперь если кто и заметил содрогающиеся стены, списал бы это на обычную возню внутри.

Получилось!

Он позволил себе глотнуть воздуха – чистого, свежего, пахнущего листвоЙ, – встал, крепко прижимая к себе кандалы, и тихонько побрел прочь от палатки. Бежать нельзя.

Недавно, когда Хантер к нему заглянул, а Смит как раз отлучился в уборную, у них вышел тихий, но очень жаркий спор. Хантер настаивал, чтобы Грей спрятался у него в фургоне. Он часто ездил в Филадельфию, все патрульные его знали и не стали бы лишней раз обыскивать. Грей был признателен доктору за помощь, но не мог подвергать его, не говоря уж о Дотти, такой опасности. На месте Смита он первым же делом запретил бы всем покидать лагерь, а вторым – перетряс его сверху донизу.

– Ладно, – сказал Хантер, оборачивая голову Грея длинным бинтом. – Может, ты и прав.

Он покосился на вход в палатку – Смит мог вернуться в любую минуту.

– Я оставлю в фургоне еду и одежду. Если возьмешь их, буду только рад. Если нет – Бог в помощь!

– Постойте-ка! – Грей схватил его за рукав, отчего кандалы шумно звякнули. – А как узнать, который из фургонов – ваш?

– О... – тот смущенно кашлянул. – У него... хм... разрисованы борта. Дотти купила его у одного... А теперь, Друг, надо отдыхать, – громко завершил он. – И хорошо ужинать. Никакого спиртного и поменьше двигайся. Не вставай слишком быстро.

В палатку вошел полковник Смит и, увидев врача, решил сам осведомиться о состоянии больного.

– Вам уже лучше, подполковник? – вежливо поинтересовался он. – Больше не испытываете желания разразиться песнопением? Если так, постарайтесь облегчить душу сейчас, прежде чем я отойду ко сну.

Хантер – который, конечно же, слышал вчерашнюю серенаду, – поперхнулся смешком, но успел взять себя в руки.

Грей и сам тихонько фыркнул, вспоминая негодование полковника – и представляя его ярость, когда тот обнаружит, что птичка упорхнула из клетки.

Он пробрался к краю лагеря, где держали мулов и лошадей, – их легко обнаружить по запаху свежего навоза. Фургоны стояли здесь же.

Небо было пасмурным, серп луны то и дело скрывался за бегущими облаками, в воздухе ощутимо пахло грозой. Вот и славно! Он, конечно, вымокнет до костей и замерзнет к тому же – зато дождь собьет погоню со следа, если его вдруг хватятся раньше утра.

В лагере за спиной тихо; Грей не слышал ничего, кроме собственного дыхания и шума крови в ушах. Фургон Хантера и впрямь нашелся легко, даже в темноте. Когда Хантер упомянул разрисованные борта, Грей решил было, что тот просто написал на нем свое имя, но на деле оказалось – речь о росписи, которой немецкие эмигранты обычно украшают свои дома и сараи. Когда облака разошлись, Грей понял, почему Дотти выбрала именно этот рисунок: в большом круге сидели две смешные птички, соприкасавшиеся клювами на манер влюбленных.

«Щеглы», – всплыло откуда-то из глубин сознания.

Говорят, эта птица символизирует удачу.

– Вот и славно, – прошептал Грей, забираясь в фургон. – Мне она пригодится.

Узел с вещами, как и обещал Хантер, лежал под сиденьем. Грей, провозившись с минуту, отодрал с ботинок серебряные пряжки, закрепив их вместо этого кожаным шнурком, которым обычно подвязывал волосы. Пряжки он оставил вместо свертка. Потом натянул потрепанное пальто, воняющее несвежим пивом и застарелой кровью, и взял шапку, где лежали две кукурузные лепешки, яблоко и небольшая бутылка воды. Отвернув край шапки, в лунном свете Грей прочитал надпись, вышитую белыми буквами: «Свобода или смерть».

* * *

Он шагал наугад: даже будь небо ясным, все равно Грей слишком плохо знал эти места и не мог ориентироваться по звездам. Цель его заключалась в том, чтобы как можно дальше убраться от лагеря Смита, не нарвавшись при этом на патруль ополченцев или Континентальной армии. С направлением пути он определится позже, когда взойдет солнце. Хантер говорил, что главный тракт лежит к югу – юго-западу от лагеря, примерно в четырех милях.

Беда в том, что человек, который прогуливается по тракту в кандалах, неизбежно привлечет к себе внимание. Впрочем, об этом Грей решил подумать позднее. А пока он нашел укромную нору меж сосновых корней, ножом, как мог, отрезал волосы, присыпал остриженные пряди землей, выпачкал в грязи руки и щедро размазал ее по лицу и волосам, прежде чем натянуть свой фригийский колпак.

Изменив таким образом личину, Грей сгреб в кучу сосновые иголки, свернулся калачиком и свободным человеком уснул под шелест дождя, барабанившего по листьям.

Глава 18

Безымянный, бездомный, обездоленный и вусмерть пьяный

Вспотевший, взъерошенный и распаленный после недавней стычки с Ричардсоном, Уильям прокладывал путь по переполненной улице. Что ж, его хотя бы ждет ночь в приличной постели – уже хорошо. Завтра он уезжает из Филадельфии с последними отрядами солдат, поедет за Клинтоном на север, а оставшиеся в городе лоялисты пусть спасаются как хотят. С одной стороны, Уильям испытывал облегчение, с другой – чувство вины. Впрочем, ему не доставало сил и дальше разбираться в душевной сумятице.

Вернувшись в квартиру, он обнаружил, что ординарец пропал, прихватив заодно лучший мундир, две пары шелковых чулок, полбутылки бренди и инкрустированную речным жемчугом двойную миниатюру: портреты его матери Женеви и ее сестры Исобель, его мачехи.

Это оказалось уже за гранью приключившихся с ним бед. Уильям даже не стал ругаться, просто сел на кровать, закрыл глаза и задышал сквозь стиснутые зубы, пока боль внутри не улеглась. Осталась лишь рваная пустота. Эта миниатюра была у него с самого рождения, он привык желать ей спокойного сна каждую ночь.

Уильям твердил себе, что это не важно, он все равно не забудет лица своих матерей – тем более дома, в Хелуотере, остались и другие портреты. Мачеху он помнил хорошо, а черты родной матери мог разглядеть в собственном облике. Невольно он заглянул в зеркало для бритья, висевшее на стене, – каким-то чудом ординарец его оставил, – и внутреннюю пустоту заволочло горячей смолой. Он больше не видел материнского образа и ее темных каштановых волос; теперь там отражались лишь чересчур длинный острый нос, раскосые глаза и широкие скулы.

Какое-то время Уильям глядел на это живое доказательство измены – после чего развернулся и вышел, чеканя шаг.

– К черту это сходство!

Он изо всех сил шарахнул дверью.

Уильяму было все равно куда идти, но через пару кварталов он столкнулся с Линдсеем и другими знакомыми офицерами, вознамерившимися от души повеселиться в свой последний вечер на улицах полуобезумевшего города.

– Идемте с нами, юный Элсмир, – позвал Сэнди, увлекая его за собой. – Давайте проживем этот вечер так, чтоб было о чем вспоминать долгими зимними ночами на севере!

Несколько часов спустя, созерцая дно опустевшего бокала, Уильям старательно размышлял, так ли нужны воспоминания, если их не помнишь... Он уже давно потерял счет выпивке. Да и товарищи, с которыми он начинал вечер, тоже куда-то запропастились... кажется.

Остался один лишь Сэнди: он покачивался напротив, что-то бормотал, пинался изредка под столом. Уильям пьяно улыбнулся бармену, вытащил из кармана последнюю монету и выложил на стол. Все хорошо, в квартире есть еще, завернуты в запасную пару чулок.

Вслед за Сэнди он вышел в поглотившую их ночь; горячий воздух, воняющий лошадиным навозом, человеческими испражнениями, тухлой рыбой, гнилыми овощами и свежей мясной убоиной, казался таким густым, что застревал в глотке. Было темно и поздно, луна еще не взошла, и Уильям спотыкался о булыжники, бредя вслед за Сэнди, смутно белевшим впереди.

Потом была какая-то дверь, яркий свет и горячий запах ликера и женщин, их духов и плоти, куда более сбивающий с толку, нежели внезапная вспышка света в ночи. Женщина в чепце, слишком старая для шлюхи, радостно заулыбалась. Уильям кивнул ей в ответ, открыл было рот, но с удивлением обнаружил, что разучился говорить. Поэтому просто закивал, а женщина понимающе рассмеялась и подвела его к высокому креслу с тертыми подлокотниками, куда бесцеремонно усадила, решив заняться им попозже.

Какое-то время он оцепенело сидел, а пот сбегал по шее, увлажняя рубашку. У самых ног стояла горящая жаровня, на которой грелся котелок с ромовым пуншем. Уильяма тошнило от одного его запаха. И вообще ему казалось, что он тает будто свеча, но двинуться не было сил. Он просто закрыл глаза.

Чуть позднее он услышал неподалеку голоса. Прислушался, но не сумел разобрать ни слова, хотя шелестящие звуки, точно морские волны, приятно успокаивали. Желудок наконец угомонился, и Уильям приподнял веки, любуясь причудливой игрой света и тени с яркими всполохами, мерцавшими словно тропические птички.

Он моргнул пару раз, и цвета обрели четкость: волосы и ленточки, белые сорочки женщин и красные мундиры пехотинцев, среди которых затесались артиллеристы в синей униформе... Все они щебетали словно птицы: то чирикавая, то кудахча, то переругиваясь, как пересмешники, живущие в ветвях огромного дуба возле дома на плантации «Гора Джосайи».

Однако внимание Уильяма привлекли вовсе не они, а пара драгунов, развалившихся на софе неподалеку. Потягивая пунш и пялясь на шлюх, они непринужденно болтали, и теперь Уильям наконец-то различал слова.

– Брал когда-нибудь женщину сзади? – спрашивал один у своего приятеля.

Тот хохотнул и смущенно помотал головой, пробормотав что-то вроде: «Мне такое не по карману».

– Ну а что поделаешь, если девки это терпеть не могут? – Драгун, не сводя с женщин глаз, заговорил громче: – Он зажимаются, хотят вытолкнуть тебя. Но не могут.

Уильям повернул голову и уставился прямо на мужчину, взглядом высказывая свое возмущение. Тот его не замечал. Драгун – темноволосый, рябой – казался знакомым, но не настолько близко, чтобы Уильям помнил его имя.

– И тогда берешь ее руку, кладешь туда и даешь тебя прочувствовать. Черт, она так сжимается при этом, прямо цедит молочко не хуже доярки!

Мужчина расхохотался в голос, глядя в дальний угол, и Уильям наконец заметил наметенную им жертву. Там стояли три женщины, две в белых сорочках, липнущих к телу, одна – в расшитой юбке. Нетрудно было догадаться, кому предназначается намек: той самой, высокой

девице в юбке, которая сжимала кулаки и смотрела на драгуна так, будто готова взглядом просверлить дыру у него во лбу.

Мадам держалась в стороне, хоть и хмурилась. Сэнди пропал. Остальные мужчины пили и болтали с четырьмя девушками на другом конце комнаты, откуда было не слышать этой вульгарной дерзости. Приятель драгуна раскраснелся ярче мундира от выпивки, стыда и предвкушения интересного зрелища.

Сам драгун тоже побагровел; темная линия перечеркивала тяжелый заросший подбородок там, где его подпирает высокий кожаный ворот. Одной рукой он рассеянно теребил взмокшую от пота промежность своих штанов. Впрочем, хватать добычу он не спешил – слишком уж ему нравилось загонять ее в ловушку.

– Запомни, тех, кто к этому привык, никогда не бери. Надо ведь, чтоб она была узенькой. – Он подался вперед, упираясь локтями в колени, не спуская с девицы глаз. – Не стоит выбирать и ту, которая прежде этим не занималась. Лучше всего, когда она знает, что ее ждет.

Его приятель пробормотал что-то невнятное, покосился на девицу и торопливо отвел глаза. Уильям снова посмотрел на девушку, и, когда она чуть шевельнулась – вздрогнула? – в свете канделябра блеснула ее макушка: русая, с вкраплениями каштановых прядей.

Черт возьми!

Уильям встал на ноги прежде, чем осознал, что делает. Он шагнул к мадам, коснулся ее плеча и, когда она удивленно обернулась (ибо все ее внимание было обращено на драгуна), медленно, стараясь не глотать слова, произнес:

– Можно мне вот ту? В-высокую. В юбке. На всю ночь.

Брови мадам взлетели до самого чепца. Она оглянулась на драгуна, который так заигрался со своей жертвой, что вовсе не замечал Уильяма – в отличие от приятеля, который подтолкнул его локтем и что-то зашептал на ухо.

– А? Чего?

Мужчина задвигался, пытаясь встать на ноги. Уильям сунул руку в карман, запоздало вспоминая, что у него не осталось ни пенни.

– Что такое, Мэдж?

Драгун подошел, переводя свирепый взгляд с мадам на Уильяма. Тот невольно расправил спину – он оказался на шесть дюймов выше соперника, к тому же шире в плечах. Драгун смерил его оценивающим взглядом и вздернул верхнюю губу, оскаливая зубы.

– Арабелла моя, сэр. А Мэдж подберет вам другую девушку.

– Я был первым, сэр, – парировал Уильям и чуть склонил голову, пристально глядя сопернику в лицо. Не упустить бы момент, когда тому вздумается пнуть его между ног: судя по роже, он и не на такое способен.

– Так и есть, капитан Харкнесс, – быстро вклинилась между ним мадам. – Он уже заказал девушку, пока вы выбирали...

Не глядя на Харкнесса, она кивнула одной из девушек, и та, хоть и заметно всполошившись, быстро исчезла за дверью. Ушла за Недом, наверное. Надо же, он даже помнит имя здешнего громилы.

– Только денег от него вы пока не видали, верно?.. – Харкнесс достал набитый кошелек, откуда выудил кривую пачку бумажных купюр. – Я ее беру. На всю ночь.

Он ухмыльнулся Уильяму.

Уильям снял серебряный горжет и вложил мадам в руки.

– На всю ночь, – повторил он и без прочих церемоний прошел через комнату, хотя пол заметно пружинил под ногами. Взял Арабеллу (Арабеллу?) за руку и повел за собой к выходу. Она потрясенно вытаращила глаза – видимо, узнала его, – но, покосившись на капитана Харкнесса, решила, что из двух зол стоит выбирать меньшее.

Капитан Харкнесс что-то крикнул им вслед, но тут дверь скрипнула и в комнату ввалился очень высокий, задиристого вида мужчина с одним глазом, который тут же нашел взглядом Харкнесса. Громила двинул на капитана, сжимая кулаки и ступая на полусогнутых ногах.

Бывший боксер, значит. Вот и прекрасно! Пусть проучит этого подонка.

Держась за стену, чтобы не споткнуться, Уильям вдруг понял, что следует за покачивающейся круглой попкой по вчерашней лестнице, истертой и воняющей щелоком... И что, черт его подери, делать, когда они доберутся до верха?..

* * *

Втайне он надеялся, что комната будет другой, но нет – они пришли туда же. Лишь створки оказались распахнуты на ночь. Дневная жара задержалась в стенах дома, но в окно задувал ветерок, пряный от древесного сока и речного дыхания; из-за него пламя свечи мерцало и клонилось вбок. Женщина дождалась, когда Уильям зайдет, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, не отпуская ручки.

– Я тебя не обижу! – выпалил он. – В прошлый раз случайно вышло.

Та расслабилась, хотя взгляд у нее по-прежнему был настороженным. В темноте Уильям едва мог разобрать блеск ее глаз.

– Ты и вчера не обидел. Только испортил мою лучшую юбку и разбил целый кувшин вина. Это стоило мне тумачков и недельного заработка.

– Прости. Я не хотел. Я... я заплачу за вино и за юбку.

Чем заплатит-то? Уильям запоздало сообразил, что чулки, в которых он хранил деньги, исчезли вместе с ординарцем – а значит, наличных средств у него более нет. Хотя ладно, заложит что-нибудь или займет у приятелей.

– Тумаки, уж извини, ничем не искуплю. Но мне правда очень жаль.

Она раздраженно фыркнула, но извинения вроде бы приняла. Женщина наконец выпустила дверную ручку и прошла вглубь комнаты. Только теперь Уильям в свете огня свечи разглядел ее лицо. Прехорошенькая, даже невзирая на подозрительную гримасу. Уильям вдруг ощутил легкое волнение.

– Хорошо. – Она окинула его взглядом с головы до ног, совсем как в том переулке. – Уильям... тебя так зовут?

– Да.

Повисла тишина, и он неожиданно спросил наугад:

– А тебя правда зовут Арабелла?

Она заметно удивилась и изогнула губы в легкой усмешке, хоть и не засмеялась вслух.

– Нет. Это забавы ради. Мэдж считает, у девушек должны быть имена как... как у леди?

Она задумчиво пожала плечами.

Уильям так и не понял, что именно ее смущает: что это и впрямь подходящее имя для леди или она находит глупой саму идею Мэдж.

– Я знаком с парочкой Арабелл, – пришел он на помощь. – Только одной шесть лет, а другой – восемьдесят два.

– А они леди? – Хотя женщина тут же махнула рукой. – Ну конечно же, они леди. Иначе откуда бы ты их знал... Хочешь, вина принесу? Или пунша?.. Правда, если собираешься заняться делом, тебе лучше не пить. Хотя сам как знаешь...

С легким намеком она взялась за узел юбки, но развязывать его не спешила. Видимо, сомневалась, стоит ли поощрять Уильяма на это самое «дело».

Он утер ладонью пот, чувствуя, как спиртное и без того сочится из каждой поры.

– Нет, вина мне не нужно. И я не хочу ничем заниматься. Хотя нет, хочу! – торопливо признал он, чтобы она не восприняла его отказ за оскорбление. – Но не стану.

Женщина разинула от удивления рот.

– Но почему? – наконец выдавила она. – Ты щедро заплатил за эту ночь, можешь делать все, что взбредет в голову. Даже сзади, если захочешь...

Она чуть заметно сжала губы.

Уильям вспыхнул до самых корней волос.

– Думаешь, я спас тебя... чтобы самому этим заняться?

– Конечно! Мужчины часто о многом даже не помышляют, а потому услышат чужую идею – и рвутся испытать ее на себе.

– Вам стоило бы менее предвзято судить о джентльменах, мадам!

Женщина снова поджала губы, на сей раз почти не пытаясь скрыть усмешку, от которой у него запыхали уши.

– Ясно, – натянуто ответил Уильям. – Готов с тобой согласиться.

– О, это что-то новенькое! – злорадно ухмыльнулась она. – Обычно бывает наоборот.

Он шумно выдохнул через нос.

– Я... я готов извиниться, если хочешь. За то, что было вчера.

Порыв ветра взметнул ее волосы и вздул ткань сорочки, на мгновение обнажив темное пятнышко соска на белой коже. Уильям сглотнул и отвел глаза.

– Мой... гм... мой отчим... сказал как-то, что одна его знакомая мадам говорила, будто лучший подарок для проститутки – возможность выспаться ночью.

– Это у вас семейная традиция такая, да? Ходить по борделям? – Впрочем, ответа женщина и не ждала. – Вообще-то он прав. Выходит, ты и впрямь дашь мне... выспаться?

Ее голос был полон недоверия, словно Уильям предложил некое извращение похуже противоестественного сношения.

Он еле сдерживался.

– Если хотите, мадам, можете всю ночь петь куплеты или стоять на голове. Что до меня, я не намереваюсь... э-э-э... вам досаждать. В остальном решайте сами, чем заняться.

Она уставилась на него, озадаченно хмуря лоб. Кажется, женщина ни капли ему не верила.

– Я... ушел бы, – неловко заговорил он. – Но... есть опасения, что капитан Харкнесс еще здесь, и если он узнает, что ты одна...

Тем более сам Уильям не выдержит целую ночь в темной пустой комнате. Не сегодня.

– Думаю, Нед его уже проучил. – Она откашлялась. – Но не уходи. Если уйдешь, Мэдж пришлет кого-нибудь еще.

Безо всякого кокетства и наигранности женщина сняла юбку, зашла за ширму в углу, и до Уильяма донеслось тихое журчание.

Наконец она вышла, посмотрела на него и кивком указала на ширму:

– Все там. Если надо...

– Э-э-э... Благодарю.

Уильяму и впрямь очень хотелось опорожнить мочевой пузырь, но отчего-то одна мысль о том, что придется воспользоваться ночным горшком после нее, ужасно смутила.

– Все хорошо.

Он оглянулся, нашел стул и сел, вытянув ноги и расслабленно откидываясь на спинку. Глаза закрыл... Но не совсем.

Сквозь узкие щелочки он видел, как женщина пару секунд глядела на него, потом склонилась над столом и задула свечу. Подобно призраку в темноте забралась в постель – матрас скрипнул под ее весом – и натянула одеяло. С первого этажа борделя доносились тихие вскрики.

– Э-э-э... Арабелла?

Уильям не ждал благодарности, но все-таки хотел получить от нее кое-что в ответ.

- Что? – смиренно отозвалась она, очевидно, решив, будто он передумал насчет близости.
- А как тебя зовут на самом деле?

Последовала долгая пауза: женщина решала, стоит ли говорить. Наконец, не найдя причин для отказа, спокойно ответила:

- Джейн.
- О. И еще один вопрос. Мой мундир...
- Я его продала.
- А. Тогда... доброго сна.

Повисла тишина, полная невысказанных мыслей. Наконец ее нарушил раздраженный вздох:

- Иди-ка сюда и забирайся в постель, идиот ты эдакий.

* * *

Он не мог лечь в постель, будучи в полном обмундировании. Хотя рубашку оставил, дабы уважить женскую скромность и подтвердить, что намерения его не изменились. Уильям вытянулся на самом краю постели, точно фигура на надгробии крестоносца: мраморное воплощение самого благородства и целомудрия.

Увы, кровать была узкой, а Уильям – мужчиной довольно крупным. К тому же Арабелла-Джейн, в отличие от него, не изображала из себя каменное изваяние. Она, разумеется, не думала нарочно его возбуждать, но хватало одного лишь ее присутствия рядом.

Уильям остро чувствовал каждый дюйм своего тела, к которому льнула женская плоть. Он ощущал запах ее волос, легкий аромат мыла и сладость табака. Дыхание у женщины было свежим, с легкими нотками горячего рома, и Уильяму ужасно хотелось попробовать его на вкус. Он закрыл глаза и сглотнул.

Сдержаться помогало лишь одно – ему срочно требовалось опорожнить мочевой пузырь. Он был настолько пьян, что потребность эту чувствовал, но вот решение проблемы найти уже не мог. А думать о двух вещах сразу – о том, как обнять женщину и как задать ей вопрос, – никак не получалось.

- Что такое? – хрипло прошептала она. – Ты ерзаешь, как будто у тебя вши между ног... У тебя же нет вшей?

Она хихикнула, и дыхание обожгло ему ухо.

Он тихо застонал.

– Эй...

Женщина испуганно вскочила.

– Не смей болеть в моей постели! Вставай! А ну живо вставай, сию же минуту!

Она уперлась маленькими ладошками ему в бок и выпихнула с кровати.

Прямо перед ним зияло распахнутое окно, за которым бледнел тонкий месяц. Не устояв перед таким приглашением, Уильям задрал рубашку, ухватился одной рукой за подоконник и с невероятным блаженством пустил в ночь тугую струю.

Облегчение было столь сильным, что он не замечал ничего вокруг, пока Арабелла-Джейн не схватила его за руку и не оттащила от окна.

– Ради всего святого, уйди же с глаз!

Она опасливо высунула на улицу голову и тут же отпрянула.

– Да уж... Кажется, теперь вы с капитаном Харкнессом точно не подружитесь...

– Там что, Харкнесс?!

Уильям тоже выглянул. Снизу доносились вопли и проклятия, но перед глазами все плыло, и он видел лишь красное пятно мундира, казавшееся еще ярче в свете фонаря у дверей заведения.

– Забудь. Он наверняка решит, что это я сделала, – мрачно протянула Арабелла-Джейн.
– Ты же девушка, – веско заметил Уильям. – Ты не можешь мочиться в окно.
– Так зрелищно не могу, – согласилась она. – Но шлюхи порой выплескивают ночной горшок прямоком на прохожего. Случайно или намеренно... А, ладно!

Она пожалала плечами, принесла из-за ширмы вышеупомянутый сосуд и вывернула его за окном. В ответ на новую порцию брани высунулась по пояс, выкрикнула парочку заковыристых оскорблений (любой армейский сержант расплакался бы от умиления) и наконец захлопнула ставни.

– Раз уж меня выдерут, так хоть за овцу, а не ягненка, – припомнила она старую поговорку, вновь беря Уильяма за руку. – Пошли спать, а?

– Это только в Шотландии дерут овец, – невпопад сообщил Уильям, послушно шагая вслед за ней. – Может, еще в Йоркшире. И в Нортгумбрии.

– Правда? Слушай, а капитан Харкнесс ведь откуда-то из тех мест, да?

– Разве? – Уильям плюхнулся на кровать, и комната опять завертелась перед глазами. – Нет, я бы сказал, он из Девона, судя по... судя поговору, – завершил он, обрадовавшись, что вспомнил нужное слово.

– В любом случае, в Девоне тоже есть овцы.

Арабелла-Джейн принялась расстегивать ему рубашку. Он поднял было руку, чтобы ей помешать, но только бессильно махнул.

– Много овец... – пробормотал он. – В Англии их целое полчище.

– Боже, храни королеву, – буркнула женщина, не отрываясь от своего занятия.

Последняя пуговица проскользнула в петлю, и легкий сквозняк прошелся по волоскам на груди.

Уильям наконец вспомнил, почему хотел ее остановить, но женщина уже лизнула сосок, так что ему не оставалось ничего иного, кроме как положить руку ей на голову. Удивительно теплую, как ее дыхание. И пальцы, которые умело обернулись вокруг мужской плоти.

– Нет, – пробормотал он спустя целую вечность, хотя на деле прошло лишь несколько секунд. Уильям – не без сожаления – взял ее за руку, не давая двигать пальцами. – Я ведь... обещал. Что не трону тебя.

Однако женщина его не отпускала, глядя снизу вверх с крайне озадаченным видом, это было заметно даже в тусклом свете, сочившемся сквозь ставни.

– Если зайдешь слишком далеко, я просто скажу «хватит». Хорошо? – предложила она.

– Нет, – повторил он, изо всех сил пытаясь сосредоточиться. Отчего-то было крайне важно, чтобы женщина его поняла. – Дело в чести... В моей чести.

Она фыркнула: то ли насмешливо, то ли раздраженно.

– Может, о чести стоило подумать прежде, чем являться в публичный дом? Или тебя силой приволокли?

– Я пришел с другом, – напыщенно пояснил он. Женщина по-прежнему не убирала руки. – И не за этим. Я хотел...

Слова, родившиеся было в голове, вдруг пропали, оставляя взамен одну лишь пустоту.

– Давай потом расскажешь, чего ты хотел? – предложила она, и Уильям с удивлением обнаружил, что у нее две руки, и вторая столь же умела.

– Мадам, отпустите... – Черт, как же оно называется? – Отпустите мои яички!

– Как скажете, – заявила она и, нырнув головой в его влажную, пропахшую потом рубашку, закусил сосок, присасываясь к нему так сильно, что из головы вылетели все связные мысли.

После этого события разворачивались без его вмешательства – хоть и были весьма приятны. В какой-то момент Уильям понял, что нависает над шлюхой, капая на нее потом, и бормочет:

– Я ублюдок, ублюдок, представляешь? Я ублюдок...

Она не отвечала. Только обхватила рукой за затылок и притянула ближе.

– Вот поэтому...

Придя в себя, он понял, что уже какое-то время болтает вслух, уютно пристроив голову у нее на плече и вдыхая сладкий мускусный запах, а ее сосок темным пятнышком маячит в дюйме от носа.

– Единственное, что у меня осталось – это мое слово. Я должен его держать... – На глаза вдруг навернулись слезы. – Почему ты заставила меня нарушить слово?

Женщина не отвечала. Уильям уж было решил, что она уснула, как внезапно та погладила его по спине, и тишину прервал чуть слышный шепот:

– А ты не думал, что у шлюх тоже бывает своя честь?

Нет, если по правде, то не думал...

Уильям открыл было рот, чтобы так ей и сказать, но слова опять пропали. Он закрыл глаза и уснул у нее на груди.

Глава 19

Отчаянные меры

Сильвия Хардман стояла над Джейми, сосредоточенно сдвинув брови и жуя губы. Наконец она покачала головой, вздохнула и выпрямилась.

– Вижу, тебя не переубедить?

– Нет, Друг Сильвия. Мне надо как можно скорее попасть в Филадельфию. Завтра я должен идти – хоть ползком.

– Тогда ладно. Пейшенс, принеси папину особую флягу. А ты, Пруденс, размели большую щепотку горчицы... – Она шагнула к кровати, пристально глядя на Джейми и будто бы примеряясь к его размерам. – Нет, лучше две щепотки, у тебя ладошки маленькие.

Сильвия взяла у двери большую заостренную палку, но перед тем, как выйти, на секунду замешкалась.

– Прю, ни в коем случае не трогай глаза и лицо. И Честити не вздумай брать на руки, пока хорошенько их не отмоешь. Если вдруг будет плакать, пусть ее успокоит Пейшенс.

Как нарочно, Честити завозилась, хотя ее только что накормили и переодели. Однако Пейшенс уже выскочила на улицу. Интересно, где они хранят особую папину флягу? Не иначе как припрятали хорошенько...

– Давайте ребенка мне, – предложил Джейми. – Я пока ею займусь.

Сильвия безо всяких сомнений (что порадовало) отдала ему младенца, и он принялся корчить Честити смешные рожицы. Та захихикала – и Пруденс, шуршащая пестиком в миске, тоже. От горячего запаха молотой горчицы воздух потяжелел.

Джейми высунул язык и покачал им. Честити затряслась со смеху, как маленький студень, и тоже показала крохотный розовый язычок, отчего Джейми фыркнул.

– Над чем вы смеетесь? – громко спросила Пейшенс, распахивая дверь. Она хмуро уставилась на сестер, и те захохотали еще громче. Когда вернулась миссис Хардман, притащив большущий кривой корень, все четверо покатывались со смеху уже безо всякого повода. Она недоуменно захлопала ресницами, но все-таки покачала головой и тоже улыбнулась.

– Говорят, смех – лучшее лекарство, – заметила она, когда веселье поутихло, а Джейми вдруг понял, что ему и впрямь полегчало.

– Друг Джеймс, можно твой нож? Он режет лучше моего.

И правда: ее нож представлял собой простое лезвие, отвратительно наточенное и с рукоятью из бечевки. У Джейми же был кинжал в ножнах из слоновой кости, который он купил в Бресте: из закаленной стали и такой острый, что сбирал волосы на предплечье. Сильвия

улыбнулась, взвешивая его в руке, а Джейми тут же вспомнил, как Брианна радостно крутила свой швейцарский нож.

Клэр тоже любила хорошие инструменты. Однако она больше ценила то, что можно сделать с их помощью, нежели восхищалась красотой самого клинка. Лезвие было для нее не оружием, а продолжением собственной руки. Джейми невольно потер подушечки пальцев, вспоминая нож, который однажды для нее сделал, – с идеально гладкой рукоятью, слепленной точно под ее ладонь. И стиснул кулаки, не желая думать о жене. Не сейчас!

Выставив девочек из дома, Сильвия осторожно очистила корень и натерла его в маленькую деревянную миску, старательно отворачивая лицо от едких паров свежего хрена, хотя из глаз все равно покатились слезы. Промокнув их краем фартука, она взяла «особую флягу» – темно-коричневую глиняную бутылку, испачканную в земле (неужто ее впрямь закопали?), и плеснула из нее в миску какую-то жидкость.

Интересно, что это? Джейми принюхался. Застарелый яблочный сидр? Перебродивший сливовый бренди? Когда-то содержимое бутылки было фруктами, однако с тех пор, как они висели на дереве, прошло немало времени.

Миссис Хардман с видимым облегчением заткнула бутылку пробкой, словно опасалась, что та вот-вот рванет.

– Что ж... – Она подошла к Честити, возмущенно пищавшей, потому что ее забрали у Джейми, которого она считала своей игрушкой. – Надо подождать несколько часов, пусть настоится. А тебе стоит укрыться потеплее. И вздремнуть. Я знаю, ты всю ночь не спал. И сегодня вряд ли выспишься.

* * *

Джейми не без любопытства и трепета готовился выпить ликер с горчицей и хреном. Впрочем, позднее он понял, что зелье предназначено не для приема внутрь, и волнение было улеглось, чтобы вернуться с утроенной силой, когда он вдруг очутился на кровати, лицом вниз, а миссис Хардман принялась бодро втирать жидкость ему в ягодицы.

– Осторожнее! – предупредил он, умудрившись приподнять голову с подушки, не потревожив при этом спину. – Вы так ласково меня гладите, что я готов мигом исцелиться и потребовать продолжения.

Она тихонько фыркнула, и от выдоха защекотало волоски на спине, где от растирания уже горела плоть.

– Моя бабушка говорила, это средство и мертвого из могилы поднимет, – вполголоса произнесла она, чтобы не разбудить девочек, свернувшихся клубочком у очага. – Только выразалась не так деликатно.

* * *

«Нужно укрыться потеплее», – говорила она. Из-за тряпицы, пропитанной горчицей и хреном, Джейми казалось, что нижняя часть спины вот-вот полыхнет. Кажется, на коже уже вздувались пузыри. «Ты сегодня вряд ли выспишься». Угу!

Он заерзал, пытаясь перевернуться на бок, не издавая лишнего шума и не сдвигая компресс. Сильвия закрепила его тонкими полосками фланели, но те все время съезжали. Впрочем, двигаться уже было легче, что радовало. С другой стороны, Джейми казалось, будто возле задницы держат сосновый факел. Тем более, как ни осторожничала миссис Хардман, обмазывая его от лопаток до колен, немного жгучей жидкости все равно попало на мошонку, и между ног теперь все пылало огнем.

Однако Джейми не стал возмущаться. Только не после того, как увидел ее руки: красные, точь-в-точь панцирь омара, со вздувающимся на большом пальце молочным пузырем. Она тоже промолчала, лишь одернула ему рубашку и погладила по спине, прежде чем отмыть от средства руки и смазать их гусиным жиром.

Теперь она тоже спала, свернувшись на скамье возле колыбельки Честити, чтобы огордить ее от тлеющих углей в очаге. Время от времени очередное полено лопалось с громким треском, выпуская сноп искр.

Джейми осторожно вытянул ноги. Кажется, уже лучше. Однако пройдет ли к утру спина, не пройдет, он в любом случае отправится в путь, хоть ползком. Пора уже вернуть Хардманам их постель. У него есть своя.

Та, где спит Клэр.

При воспоминании о жене стало еще жарче, и он вновь завертелся угрем. Мысли тоже разбегались, и он кое-как ухватил одну, словно непослушную собачонку.

Это не ее вина! Клэр ничего плохого не сделала. Его сочли погибшим. Марсали все сказала. В том числе и то, что лорд Джон поспешил жениться на Клэр лишь затем, чтобы спасти и ее, и Фергуса с Марсали от ареста.

Да, и после этого уложил ее в постель! Костяшки левой руки, сжатой в кулак, зачесались. «Никогда не бей в лицо, парень, – целую вечность назад учил его Дугал. – Бей сразу в живот».

Вот Джейми в живот и ударили.

– Не ее вина, – пробормотал он под нос, бессильно ворочаясь на подушке.

Что, черт возьми, случилось? Как так вышло?! Почему?..

Его лихорадило, мозг туманило от горячих волн, исходящих от тела. Словно в полусне он вдруг увидел ее голую плоть, бледную, мерцающую от пота... накрытую телом Джона Грея...

«Мы оба трахались с тобой!..»

На спину словно нацепили раскаленный панцирь. С раздраженным рыком Джейми повернулся на бок, содрал бинты, удерживающие на спине компресс, и наконец выпутался из его удушающих объятий. Он швырнул тряпки на пол и отбросил одеяло, чтобы прохладный воздух освежил и тело, и голову.

Однако в хижине было слишком жарко, да и между ног пламя не унималось. Джейми стиснул кулаки, пытаясь не виться бешеным ужом.

– Господи, молю, не дай мне натворить бед, – зашептал он на гэльском. – Даруй мне прощение и милость. Даруй понимание!

Вместо этого в голове невольно мелькнуло мимолетное воспоминание о холоде: неожиданное, но невероятно освежающее. Оно тут же пропало, однако пальцы по-прежнему покалывало, будто от стылого камня, и Джейми закрыл глаза, старательно представляя, как прижимается горячей щекой к ледяной стене пещеры.

Потому что вспомнилась ему именно пещера. Та самая, где он скрывался после Каллодена, где жил долгие годы. Там его тоже трясло: от жара и боли, гнева и лихорадки, отчаяния и сладких мыслей о встрече с женой. Он словно бы вновь ощутил тот холод, который некогда сулил ему смерть, а теперь остужал горящую пустыню в голове. Джейми представил себя голым, вообразил, как всем телом вжимается во влажную шершавую стену, чтобы холод проник в него и унял бурлящий жар.

Напряжение спало, и он задышал медленнее, старательно не замечая терпких запахов хижины: недавнего ужина, немых тел, вони горчицы и хрена... Он пытался вдохнуть свежий северный ветер с ароматом вереска и ракичника.

Однако вместо этого учуял...

– Мэри, – прошептал он, потрясенно распахивая глаза.

Запах зеленого лука и незрелых вишен. И холодного куриного бульона. И теплой женской плоти со слабыми нотками пота, почти перебитыми жирным духом щелочного мыла, которое варила его сестра.

Джейми вдохнул поглубже, но свежий горный воздух уже пропал, и вместо этого в легкие набилась густая вонь горчицы, заставляя натужно кашлять.

– Да понял я, понял! – весьма непочтительно обратился он к Богу.

Даже после стольких лет в пещере Джейми не искал женского внимания. Однако Мэри Макнаб пришла сама, и в ее объятиях он хоть ненадолго, но нашел утешение. Джейми не пытался заменить ею Клэр, вовсе нет, – он пошел на это скорее от отчаяния и одиночества, с благодарностью приняв ее дар.

Так, может, с Клэр было то же самое?..

Он вздохнул, укладываясь поудобнее. Маленькая Честити издала слабый вопль, и Сильвия Хардман тут же села, что-то забормотав над колыбелькой сквозь сон.

И тут впервые Джейми осознал, что именно означает имя девочки. Ей всего месяца три. Может, четыре, не более. А как давно пропал Габриэль Хардман? Девочки говорили, что прошло уже больше года. И вдруг – Целомудрие?

Почему миссис Хардман назвала ее именно так: руководствуясь теми же принципами, что и со старшими дочерьми, или из чистой горечи, безмолвно упрекая сгинувшего мужа?

Джейми закрыл глаза, чтобы в темноте обрести прохладу. Слишком долго он мучается в огне, хватит!

Глава 20

О капусте и королях

Он вышел незадолго до рассвета, отказавшись от помощи Пруденс и Пейшенс, однако те все равно решили проводить гостя до тракта – вдруг на полпути его скрутит паралич или он провалится в суслицью яму и подвернет лодыжку. Они переживали, что ему не хватит сил на столь дальнюю дорогу, поэтому держались рядом с обеих сторон, и их белые ручки парили в темноте возле его локтей невесомыми бабочками.

– Что-то фургонов в последние дни стало меньше, – не то с волнением, не то с тревогой заметила Пейшенс. – Так ты не найдешь повозку по пути.

– Мне любая телега с капустой подойдет, – заверил Джейми, вглядываясь в даль. – Я спешу.

– Знаем. Мы же сидели под кроватью, когда Вашингтон дал тебе поручение, – напомнила Пруденс.

Это прозвучало не без сарказма: квакеры ведь не одобряют войну. Джейми улыбнулся: уж больно личико с тонкими губами и ясными глазами копировало строгое выражение матери.

– Вашингтон подождет, – сказал Джейми. – Сперва я должен увидеть жену, а уже потом... потом все остальное.

– Ты что, давно ее не видал? – удивилась Пруденс. – Почему?

– Был по делам в Шотландии, – пояснил он, решив не уточнять, что два дня назад они все-таки виделись. – Там что, фургон вдалеке, как думаешь?

Увы, то оказался погонщик со стадом свиней, и им пришлось спешно освободить ему путь, чтобы не попасть скотине на зуб. Впрочем, когда солнце встало, по тракту потянулись и фургоны.

Большей частью они ехали из Филадельфии: как пояснили девочки, семьи лоялистов, которые не могли позволить себе путешествие по реке, спешно покидали город на чем придется: кто на телегах, а кто и вовсе пешком, унося на себе жалкий скарб. Встречались и отряды

британских солдат, защищавшие их от грабителей и мародеров, а заодно повстанцев, которые могли внезапно нагрянуть из леса.

Джейми невольно вспомнил о Джоне Грее, который уже несколько часов милосердно отсутствовал в его мыслях. Он поспешил изгнать из головы образ соперника, пробормотал под нос: «Да уходи же» Однако эта мысль притянула за собой и другую: что, если повстанцы отпустили Грея и тот давным-давно вернулся в Филадельфию? С одной стороны, он много дней оберегал Клэр от беды, зарекомендовав себя надежным другом. Однако...

Так, ладно. Если он обнаружит Грея в доме, то просто молча заберет Клэр, ничего ему не говоря. Если только...

– Что, горчица еще печет, Друг Джейми? – вежливо спросила Пейшенс. – Ты все время шмыгаешь носом. Может, тебе дать платок?

В лесу под Филадельфией

Грея ослепило ярким солнечным светом, и в живот ему больно ткнулся мушкет.

– Вылезайте и руки держите на виду, – холодно велели ему.

Грей приоткрыл здоровый глаз и увидел мужчину в потрепанном мундире Континентальной армии поверх домотканых бриджей и рубахи с расстегнутым воротником. Со шляпы незнакомца свисало индюшиное перо. Снова повстанцы. Нервно сглотнув, Грей выбрался из норы и встал, поднимая руки.

Повстанец окинул удивленным взглядом его изувеченное лицо и ржавые кандалы, с которых свисали обрывки тряпок. Мушкет он опустил, но убирать оружие не торопился. Теперь, стоя на ногах, Грей увидел за спиной незнакомца еще нескольких человек, которые пялились на него с нескрываемым интересом.

– Хм... И откуда вы бежите? – настороженно спросил мужчина с мушкетом.

Из двух возможных ответов Грей выбрал более рискованный. Если назовется белым заключенным, его или отпустят на все четыре стороны, или в худшем случае возьмут с собой, но кандалы снимать не станут. Значит, от изрядно надоевших цепей избавиться не выйдет.

– Меня схватили британские солдаты. Обвинили в шпионаже, – решительно заявил он. Ведь практически так оно и было.

Среди мужчин поднялся одобрителный гул, они шагнули ближе, чтобы рассмотреть смельчака. Ствол мушкета наконец отвернулся в другую сторону.

– Ясно, – ответил обнаруживший Грея мужчина, говоривший с заметным английским акцентом, – должно быть, он родом из Дорсета. – И как же вас зовут, сэр?

– Бертрам Армстронг. – Грей торопливо назвал своим вторым именем. – Сэр, не могли бы вы оказать мне честь и тоже представиться?

Тот скривился было, но ответил:

– Преподобный Пелег Вудсворт, капитан шестнадцатой Пенсильванской армии. А вы из какой дивизии будете?

Он покосился на шапку Грея со смелой надписью.

– Я еще не успел вступить в ряды армии, – ответил Грей, чуть смягчая собственный акцент. – Только собрался, как угодил в лапы британского патруля и мигом заполучил эти браслеты.

Он поднял руки, демонстрируя кандалы. Мужчины вновь одобрително заворчали.

– Ладно, – бросил Вудсворт и вскинул мушкет на плечо. – Идемте с нами, мистер Армстронг; думаю, мы сумеем решить вашу беду.

Глава 21

Чертовы мужчины

Вскоре Йен и Рэйчел добрались до тракта, где вереницей ползли лошади, мулы, фургоны и отряды ополченцев. Там Рэйчел посчастливилось сесть в повозку с ячменем, а Йен с Ролло трусили рядом до брода у Мэтсон-Форта, где была назначена встреча с Дензилом и Дотти. Увы, их прождали до самого полудня, но фургон Дензила так и не появился, и никто из ополченцев по пути его тоже не встречал.

– Что-то случилось, наверное, – безропотно пожала плечами Рэйчел. – Нам лучше идти дальше, может, он нагонит нас по дороге.

Она не тревожилась: родственники любого врача быстро привыкают к подобного рода неожиданностям. К тому же ей нравилось быть вдвоем с Йеном.

Йен счел это решением разумным, и они перешли ручей, неся обувь в руке. Холодная вода приятно освежила ноги. Даже в лесу воздух был горячим и густым, трескучим от грозы, которая уже давно сгущалась, но никак не могла пролиться дождем.

– Постой. – Йен протянул Рэйчел свои мокасины, винтовку и пояс, где висели пороховой рожок, патронташ и кинжал. – Погоди минутку, хорошо?

Он заметил в ручье промоину, где бурный поток воды высек в скале глубокую яму. Перепрыгивая с камня на камень, Йен добрался до темного пятна под водяной рябью и с громким «плюх!» бульжником ушел на дно. Ролло, после брода мокрый по грудь, заметался взад-вперед, шумно гавкая и осыпая Рэйчел брызгами с хвоста.

Наконец Йен показался из воды и протянул Рэйчел руку, приглашая к нему присоединиться. Та лишь многозначительно подняла винтовку. Йен, смиряясь с отказом, на четвереньках выбрался из ямы, встал на мелководье и, как Ролло, встряхнулся всем телом, рассыпая брызги.

– Не хочешь искупаться? – забирая ружье, спросил он с усмешкой и ладонью утер воду со лба и подбородка. – Вода холодная, бодрит.

– Я бы искупалась, – ответила Рэйчел, смахивая с потного лица капельки, – если бы мой наряд годился для купания.

На Йене были заношенные лепты из оленьей кожи и хлопковая рубаша, выгоревшая настолько, что на бежевой ткани уже не различалась красная вышивка. Такой одежде не страшны ни вода, ни солнце, она даже мокрой выглядит вполне пристойно, а вот Рэйчел, вымокнув, походила бы на крысу-утопленницу. Причем крысу весьма неприличного вида – от воды ткань платья стала бы прозрачной и облепила все тело.

Рэйчел невольно покосилась на набедренную повязку Йена – точнее, туда, где она только что находилась, пока Йен не приподнял ее, чтобы приладить пояс.

Девушка со свистом втянула воздух, и Йен удивленно поднял глаза.

– А?..

– Не важно, – ответила та, хотя щеки, невзирая на умывание, вспыхнули огнем. Йен проследил за ее взглядом. Когда он вновь посмотрел Рэйчел в лицо, она была готова сигануть напрямиком в воду, наплевав на платье.

– Тебя это смущает?

Выгнув бровь, он двумя пальцами приподнял мокрую набедренную повязку.

– Нет, – с достоинством произнесла Рэйчел. – Я уже видела мужской орган прежде, ты же знаешь. И не раз. Только не... – Не тот, с которым вскоре предстоит свести более близкое знакомство. – Не... твой.

– Не думаю, что мой чем-нибудь отличается, – заверил Йен. – Но можешь смотреть, если хочешь. Я не против. Не хотелось бы тебя вдруг чем-нибудь напугать.

– Если думаешь, что я питаю хоть какие-то иллюзии об этой штуке после стольких месяцев в военном лагере... Уж поверь, я не испугаюсь, даже когда он...

Рэйчел осеклась, но слишком поздно.

– Встанет, – с усмешкой договорил Йен. – Знаешь, хотелось бы верить. Иначе я был бы очень разочарован.

* * *

Невзирая на жаркий румянец, заливавший ее с головы до ног, Рэйчел ни о чем не жалела. Йен ведь улыбнулся – и его радость бальзамом пролилась ей на сердце.

С тех пор как дошли известия о затонувшем корабле, Йен ходил весьма мрачный, и пусть держался он стойко (что свойственно и горцам, и индейцам), глубины своего горя от Рэйчел не скрывал. И это грело ей душу, хотя и сама Рэйчел была опечалена трагичной кончиной мистера Фрэзера, к которому она питала глубочайшее уважение и привязанность.

Рэйчел часто думала и о матери Йена: о том, сумела бы она ужиться с этой дамой? Вдруг та стала бы матерью и ей... Впрочем, на подобную милость Господа Рэйчел и не рассчитывала; она сомневалась, что Дженни Мюррей благосклонно отнеслась бы к невестке-квакерше; равно как и единоверцы не оценят ее стремления выйти замуж за человека с кровью на руках и католика в придачу. Рэйчел не знала даже, какой факт потрясет квакеров сильнее... Хотя индейские татуировки Йена наверняка поблекнут в свете его религиозных воззрений.

– Как нам лучше пожениться, что скажешь?

Йен, шагавший впереди и убиравший с дороги ветви, остановился, поджидая Рэйчел: здесь тропинка достаточно расширилась, чтобы идти вдвоем.

– Не знаю, – честно призналась Рэйчел. – Я ведь не смогу креститься в твою веру, равно как и ты не сумеешь стать квакером.

– Выходит, квакеры женятся только на своих? Не богатый же выбор... Или у вас разрешены браки между родственниками?

Он усмехнулся краешком губ.

– Или женятся на своих, или уходят из общины, – сообщила Рэйчел, пропустив последнюю реплику мимо ушей. – За редким исключением. Брак между квакером и человеком иной веры допускается лишь в самых крайних случаях – и только после того как попечители поговорят и с женихом, и с невестой. Однако это большая редкость. Боюсь, даже Доротее будет сложно получить одобрение, хотя искренность ее стремлений несомненна.

Йен рассмеялся, вспомнив невесту Денни. Леди Доротее Жаклин Бенедикта Грей имела весьма смутные представления о свойственной квакерам чопорности... Хотя, например, сама Рэйчел утверждала, что те, кто считает квакерш чопорными, их просто никогда не встречали.

– Ты спрашивала Денни, что они думают делать?

– Нет, – призналась она. – Если честно, боюсь.

Йен изумленно вскинул брови:

– Боишься? Чего?!

– И за него боюсь, и за нас. Ты ведь знаешь, что нас выгнали из общины в Виргинии?.. Точнее, выгнали его, а я ушла вслед за ним. Брата это сильно подкосило. И теперь он наверняка хочет жениться на Дотти как подобает – представить ее собранию и получить одобрение.

Йен мельком взглянул на нее. Рэйчел поняла, что он хочет спросить, не мечтает ли она о том же, и поспешила добавить:

– Хотя есть ведь и другие квакеры. Те, которые не готовы сдать на милость короля и свой долг видят в том, чтобы помогать Континентальной армии. «Воинственные квакеры», как они себя называют.

Рэйчел невольно улыбнулась – уж слишком странно звучала эта фраза.

– Кое-кто из них приезжал в Валли-Фордж. Собрание в Филадельфии их тоже отвергло. Денни с ними порой переписывается. Правда, еще не решил, стоит ли вступать в их ряды.

– Да?

Тропинка вновь сузилась, и Йен пошел вперед, то и дело оглядываясь через плечо в знак того, что внимательно слушает. Рэйчел отвлеклась; оленья кожа сохла медленно и липла к жилистым ягодицам, заставляя вспоминать о том, что порой мелькало под набедренной повязкой.

– Да. – Она отогнала ненужные мысли. – Дело в том, что... Йен, ты знаком с понятием религиозного диспута?

Он снова засмеялся.

– Вижу, что нет, – иронично продолжила Рэйчел. – В общем, дело в том, что иногда группа... некоторых персон не согласна с учением, что...

– А, еретики? – услужливо подсказал Йен. – Квакеры же вроде не сжигают своих, а?

– Скажем так, некоторые следуют иным, нежели мы, путем, – коротко ответила она. – И нет, конечно же, мы никого не сжигаем. Это я к тому, что когда люди отвергают часть какой-то доктрины, остальные постулаты своей веры они чаще всего соблюдают строже обычного.

Йен вскинул голову, Ролло тоже. Охотники повели носом, но, не заметив опасности, продолжили путь.

– И что? – спросил Йен, возвращаясь к теме.

– Поэтому, даже если Денни найдет в себе решимость вступить в ряды воинственных квакеров, они могут крайне неохотно принять женщину вроде Дотти. Хотя, с другой стороны, если примут ее, то и на наш брак могут взглянуть... благосклонно, – бойко завершила Рэйчел.

Хотя, по правде говоря, скорее рак на горе свистнет, нежели квакеры найдут общий язык с Йеном Мюрреем... и наоборот.

– Йен, ты слушаешь? – резковато спросила она, потому что и он, и собака крались едва ли не на цыпочках.

Ролло взволнованно водил ушами, Йен стянул винтовку с плеча и держал ее в руке. Пару шагов спустя и Рэйчел услышала, что же их так встревожило: грохот колес и марширующие шаги. Где-то невдалеке шел военный отряд – и от одной этой мысли волоски на руках, невзирая на жару, поднимались дыбом.

– Что? – недоуменно повернул голову Йен, но тут же улыбнулся и подошел ближе. – Если честно, нет. Я все думаю, что за крайний случай допускает брак с человеком иной веры? Ну, по меркам квакеров.

Рэйчел и сама задумалась.

– Ну... – протянула она.

Если честно, у нее не было ни малейшего представления, что могло подвигнуть квакеров хотя бы в мыслях допустить подобный брак... не говоря уж о том, чтобы его одобрить.

– Знаешь, мне тут кое-что пришло в голову, – перебил вдруг Йен. – Дядюшка Джейми рассказывал о свадьбе своих родителей. Его отец похитил маму, и им долгое время пришлось скрываться от ее братьев, потому что Маккензи из Леоха запросто перерезали бы глотку любому обидчику.

По мере рассказа Йен все больше оживлялся.

– Они не могли обвенчаться в церкви, ведь там нужно заранее оглашать имена; их бы тогда немедля схватили, стоило только переступить порог. Так что они прятались, пока Эллен – это моя бабушка – не родила ребенка. Тогда ее братья уже не могли выступить против брака, и они сумели обвенчаться. – Он пожал плечами. – Вот я и думаю: может, для квакеров ребенок тоже считается такой же крайностью?

Рэйчел вытаращила глаза:

– Йен Мюррей, если ты думаешь, что я разделю с тобой ложе до свадьбы... тогда ты на собственном опыте узнаешь, что такое настоящий крайний случай!

* * *

Когда они достигли дороги в Филадельфию, то едва не оглохли: там оказалось на удивление шумно. И без того вечно людный тракт сейчас был забит тяжелыми фургонами со всех окрестных сел: ревели мулы, визжали дети, прикрикивали на отпрысков усталые родители, на себе тащившие телеги, доверху груженные домашним скарбом, поверх которого зачастую качалась корзина цыплят или рядом на веревке плелась недовольная свинья.

А среди них, сгоняя гражданских с пути, шагали солдаты. Маршировали в две колонны, в полном обмундировании, обливаясь в мятых мундирах потом, с багрово-красными, ярче униформы, лицами. Порой появлялись отряды всадников – те в зеленом обмундировании красиво гарцевали на лошадях. На обочинах то здесь, то там стояли пехотинцы; офицеры досматривали фургоны: одни пропускали взмахом руки, другие велели разгружать, реквизируя груз в пользу армии.

Йен остановился в тени деревьев, решая, стоит ли выходить на дорогу. Уже вечерело, солнце повисло над самой головой. Багажа у них с Рэйчел нет, заинтересовать солдат нечем, поэтому остановить их не должны...

– Смотри! – воскликнула Рэйчел, вскидывая руку и указывая на высокого офицера с другой стороны дороги. – Это же Уильям! Надо с ним поговорить!

В ответ Йен стиснул пальцы на ее плече, ощущая мягкость женской плоти... и ужасно хрупкие косточки.

– Стой здесь, – велел он и подбородком указал на плетущихся по дороге солдат, взмокших и недовольных. – Тебе лучше не показываться им на глаза.

Рэйчел прищурилась, но Йен уже имел опыт женитьбы и потому, отдернув руку, спешно добавил:

– Я сам схожу поговорю с Уильямом. И приведу его сюда.

Рэйчел открыла было рот, но он, не дожидаясь возражений, уже скрылся в кустах, велел перед этим Ролло:

– Сидеть!

Тот, не успев встать с насиженного местечка у ног Рэйчел, шевельнул ухом.

Уильям выглядел усталым, взъерошенным и ужасно недовольным. Что, в общем-то, понятно. Йен слышал, как тот сдался в плен под Саратогой и потому теперь должен либо вернуться в Англию – если повезет, – либо торчать в каком-то захолустье на севере. В любом случае о ратных подвигах бедному парню можно позабыть.

Завидев Йена, Уильям тут же изменился в лице. Сперва изумленно вытаращил глаза, потом негодуя вздернул губу, но, оглянувшись, снова нацепил равнодушную маску. Йен удивился даже, что сумел разобрать на его лице какие-то эмоции, однако потом вспомнил почему. Дядюшка Джейми тоже всегда держал лицо, но при Йене позволял себе расслабиться.

– Разведчик, – коротко кивнул ему Уильям.

Капрал, с которым он в тот момент разговаривал, обернулся, окинул Йена равнодушным взглядом, отдал Уильяму честь и влился в людской поток на дороге.

– Какого черта тебе надо?

Уильям мятым рукавом утер со лба пот. Откуда такая враждебность – ведь последний раз они расстались безо всяких ссор?.. Хотя тогда им было не до разговоров: Уильям пустил пулю в лоб сумасшедшему старику, который пытался зарубить Рэйчел и Йена. Левая рука с тех пор успела зажить, хотя иногда ощутимо ныла.

– С вами желает переговорить одна леди, – ответил Йен, старательно не замечая злобного взгляда.

Уильям мигом просветлел.

– Мисс Хантер?

Глаза у него вспыхнули. Теперь прищурился уже Йен. Что ж, пусть сама ему скажет...

Уильям махнул другому капралу и отправился вслед за Йеном. Солдаты поглядывали на незнакомца, но на вид тот был ничем не примечателен: судя по татуировке на щеках, штанах из оленьей шкуры и загорелой докрасна коже, обычный индеец, многие из которых дезертировали из британской армии, но кое-кто все-таки остался (в основном лоялисты вроде Джозефа Бранта, получившего земли в Пенсильвании и Нью-Йорке).

– Уильям!

Рэйчел пролетела через полянку и повисла у высокого капитана на шее с такой радостью, что тот, позабыв про недовольство, не сдержал улыбки. Йен стоял в стороне, давая ей время.

В прошлый раз им и впрямь было не до разговоров: Ролло с рычанием трепал безжизненное тело Арчи Бага, Рэйчел, обмерев от ужаса, лежала на полу, залитом кровью, а случайные свидетели драмы взывали о помощи.

Уильям тогда вскинул Рэйчел на ноги и впихнул ее в руки первой же попавшейся женщине – той оказалась Марсали.

– Уведите ее отсюда, – велел он.

Однако Рэйчел, его каштановолосая Рэйчел, вся забрызганная кровью, вмиг собралась, стиснула зубы и переступила через тело старого Арчи (Йен видел это, валяясь на полу, – он оторопел от шока и на происходящее смотрел как сквозь сон). Она встала на колени прямо в мешанину мозгов и крови, обмотала разрубленное плечо своим фартуком и закрепила повязку платком, а потом вместе с Марсали они вытащили его из типографии на улицу, где он благополучно потерял сознание, придя в себя, лишь когда тетушка Клэр начала зашивать рану.

Йен не успел тогда поблагодарить Уильяма и собирался выразить свою признательность сейчас. Однако Рэйчел хотелось поговорить с ним первой, и Йен уступил. Он дождался своей очереди, любуясь Рэйчел: тем, как ее глаза сверкают в тени орешника, а на живом лице сменяют друг друга десятки выражений.

– Ты похудел, Уильям, – выговаривала Рэйчел, неодобрительно проводя пальцами по его лицу. – Вас что, плохо кормят? Я-то думала, только в Континентальной армии не хватает припасов.

– О! Я... Последние дни я очень занят. – Уильям, оживившийся было при встрече с Рэйчел, вновь помрачнел. – Мы... как сами видите...

Он махнул в сторону невидимой отсюда дороги, где то и дело каркали сержанты, перекивая чужие голоса и топот.

– Да, вижу... Куда направляетесь?

Уильям тыльной стороной ладони вытер рот и взглянул на Йена.

– Полагаю, он сказать не может, – заметил Йен и, погладив Рэйчел по плечу, грустно улыбнулся Уильяму. – Мы же враги, *mo nighean donn*²².

Тот бросил на Йена странный взгляд: должно быть, заметил чересчур нежные нотки в его голосе, и вновь уставился на Рэйчел, которую до сих пор держал за руки.

– Уильям, мы помолвлены – Йен и я, – пояснила та, осторожно высвобождая пальцы и беря за руку Йена.

Уильяма передернуло. Он уставился на Йена со странной злостью, почти ненавистью.

– Ясно, – невыразительно произнес он. – Полагаю, надо пожелать вам счастья. Всего хорошего.

²² Темноволосая моя (гэльск.).

Он шагнул к дороге. Йен удивленно двинулся вслед за ним.

– Пстой...

Тот развернулся и с размаху ударил его в челюсть.

Йен рухнул в траву, и над ним вихрем пронесся Ролло, впиваясь зубами в ногу Уильяма.

Рэйчел завизжала:

– Ролло! Плохой пес!.. И ты тоже плохой пес, Уильям Рэнсом! Что за бес в тебя вселился?

Йен сел, бережно трогая разбитую губу. Ролло под окриком Рэйчел отступил, но все равно скалил зубы и испускал из мощной груди тихий рык, не спуская с Уильяма желтых глаз.

– *Fuirich!*²³ – велел ему Йен. Уильям сидел на земле и разглядывал порванные штаны, под которыми, хоть и несильно, кровоточил укус на бедре. Увидев, как Йен поднимается, он тоже встал. Лицо у него побагровело, словно он еле сдерживал слезы.

Йен не хотел драться с Уильямом, но все равно встал перед Рэйчел, заслоняя ее собой. Мало ли что у того в голове, тем более он вооружен: на поясе у него висели пистолет и нож.

– Эй, что не так?.. – спросил Йен тем же тоном, каким обычно отец обращался к матери или дядюшке Джейми.

Должно быть, интонации он выбрал верные, потому что Уильям, как и все Фрэзеры, медленно выдохнул.

– Мои извинения, сэр. – Он стоял прямо, словно проглотив жердь. – Это было непростительно. Боюсь... мне надо идти. Я... Мисс Хантер, я...

Он зашагал прочь, но вдруг запнулся о корень, и Рэйчел успела броситься вслед за ним.

– Уильям! Что случилось? Может, я...

Тот обернулся. Лицо его было искажено гримасой боли, но он все равно затряс головой.

– Вы ничего не сможете сделать! Ничего уже не исправить, – через силу выговорил он и повернулся к Йену, сжимая кулаки. – Но ты, чертов подонок... Сукин ты сын. Тоже мне – кузен!

– О... – оторопел тот. – Выходит, ты знаешь...

– Да, черт возьми, знаю! Мог бы и сам рассказать!

– Что знаешь? – Рэйчел растерянно переводила взгляд с одного мужчины на другого.

– Не смей, чтоб тебя, ей говорить! – рыкнул Уильям.

– Не глупи, – рассудительно ответила Рэйчел. – Естественно, он скажет мне, как только ты уйдешь. Так что лучше скажи сам. Вдруг Йен понял что-то неправильно...

– В этом нет ничего постыдного... – заговорил Йен, но тут же попятился, потому что Уильям вскинул кулак.

– Думаешь?.. – Он был в бешенстве и говорил чуть слышно, почти шипел. – Узнать, что я... я... отродье шотландского головореза? Что я чертов ублюдок?

Как ни пытался Йен держать себя руках, понемногу тоже начал закипать.

– Головореза, значит? – огрызнулся он. – Да любой мужчина с гордостью назовет себя сыном Джейми Фрэзера!

– О... – пробормотала Рэйчел, не давая Уильяму ответить очередным оскорблением. – Вы об этом...

– Что? – тот свирепо уставился на нее. – Что, черт возьми, ты хочешь сказать?

– Мы с Денни и сами все поняли. Уже давно. – Она пожала одним плечом, опасливо не спуская с Уильяма глаз, потому что, казалось, он вот-вот бабахнет, как двенадцатифунтовая пушка. – Думали, ты знаешь, просто не хочешь говорить... Ты правда не знал? Ведь сходство невероятное...

– На хрен мне сдалось это сходство!

²³ Ждать, место (*гэльск.*).

Забыв про Рэйчел, Йен обоими кулаками ударил Уильяма в лицо, опрокинув на колени, а потом замахнулся, чтобы пнуть в живот. Если бы удар попал в цель, на этом бы все и кончилось, но Уильям оказался быстрее. Он увернулся, поймал Йена за ногу и дернул. Тот упал, одним локтем стукнувшись о землю, извернулся и схватил Уильяма за ухо. Кажется, Рэйчел что-то вопила, он смутно слышал ее крики и даже успел пожалеть о своей импульсивности, но горячка боя вытеснила все лишние мысли и голову заволокло туманом ярости.

Во рту было солоно от крови, в ушах звенело, но он одной рукой вцепился Уильяму в горло, а другой нацелился тому в глаза, как вдруг его схватили за плечи и силой оттащили от бессильно бьющегося на земле кузена.

Йен затряс головой, тяжело выдохнул и оглянулся посмотреть, кто же его держит – то оказались двое пехотинцев. Его пнули в живот, выбивая остатки воздуха.

Хотя Уильяму досталось не меньше. Он поднялся на ноги, утирая рукой кровоточащий нос, с гримасой взглянул на испачканную ладонь, поморщился и вытер ее о мундир.

– Взять его, – выпалил он, задыхаясь. Один глаз заплыл, но второй буравил Йена донельзя кровожадным взглядом – и тот, невзирая на обстоятельства, вновь поразился, до чего же он похож на дядюшку Джейми.

Ролло хрипло зарычал. Рэйчел обхватила пса обеими руками, но Йен знал: ей не хватит сил удержать полуволокна, если тот вдруг решит броситься на Уильяма.

– *Fuirich, a cu!*²⁴ – грозно приказал он.

Если тот вцепится Уильяму в горло, солдаты убьют пса не колеблясь.

Ролло послушно сел, но по-прежнему вздергивал губы, обнажая острые клыки, и беспрестанно рычал, содрогаясь всем телом.

Уильям взглянул на пса и повернулся к нему спиной. Фыркнул, сплюнул кровь и сказал, все еще задыхаясь:

– Отведите его к полковнику Прескотту. Этот мужчина арестован за нападение на офицера, наказание свое получит вечером.

– Что еще за «наказание»? – взвилась Рэйчел, протискиваясь между солдатами, держащими Йена. – Уильям Рэнсом, да как ты смеешь? Как... как ты смеешь?!

Она побелела от ярости, бессильно сжимая кулаки. Йен усмехнулся ей, слизывая с разбитой губы кровь. Однако Рэйчел на него не смотрела, все ее внимание занимал Уильям, выпрямившийся во весь рост и глядящий ей в переносицу.

– Это, мадам, уже не ваши заботы, – произнес он ледяным тоном: ровно так, как говорят взбешенные офицеры в красных мундирах.

Казалось, Рэйчел вот-вот пнет Уильяма по ноге (Йен многое бы отдал, чтобы полюбоваться на такое зрелище), однако воспитание взяло свое, и она тоже расправила плечи (а девушкой Рэйчел была достаточно высокой, совсем как тетюшка Клэр) и вздернула подбородок.

– Ты трус и скотина! – объявила она во весь голос. Повернувшись к мужчинам, которые держали Йена, добавила: – И вы тоже трусы и скоты, раз подчиняетесь столь бесчестному приказу!

Один из солдат фыркнул, но тут же закашлялся, перехватив свирепый взгляд Уильяма.

– Взять его! – повторил Уильям. – Живо.

И, развернувшись на каблуках, зашагал прочь. На спине мундира виднелась широкая полоса светлой дорожной пыли, в волосах торчали листья.

– Идите-ка, мисс, лучше куда подальше, – почти любезно посоветовал один из конвоиров. – Среди солдатни вам делать нечего, особенно одной.

– Никуда я не уйду, – заявила та, шурясь, словно пантера перед прыжком. – Что сделают с этим человеком?

²⁴ Место, пес! (*гэльск.*)

Она указала на Йена, который уже успел отдышаться.

– Рэйчел... – заговорил было он, но его перебил солдат:

– За нападение на офицера? Наверно, дадут пять сотен плетей. Повесят вряд ли, – бесстрастно добавил он. – Его благородие вроде ж не сильно пострадал.

Рэйчел побелела еще больше, а у Йена земля ушла из под ног, и он покрепче ухватился за солдат.

– Все будет нормально, *nighean*, – заверил он. – Ролло! *Sheas!*²⁵ Они правы – в лагере тебе делать нечего. Лучше иди в город, хорошо? Расскажи тетушке Клэр, что случилось, – она поговорит с лор... Ух!..

Третий солдат, возникший из ниоткуда, ударил его в живот прикладом мушкета.

– Чего разболтался, а? Заткнись! А вы... – он хмуро повернулся к Рэйчел, – вон отсюда!

Он кивнул солдатам, и те поволокли Йена за собой.

Тот выворачивался, чтобы попрощаться с Рэйчел и дать ей последние указания, но всякий раз его рывком встряхивали, не давая обернуться.

Споткнувшись в очередной раз, Йен смирился и повис у них на руках. Тетушка Клэр – последняя его надежда. Если она попросит лорда Джона замолвить за него словечко или поговорит с Уилли, а может, и с самим полковником Прескоттом... Йен поднял голову: высоко ли еще солнце? Как он помнил, британцы обычно исполняют наказания после ужина... А еще Йен помнил, как выглядит спина дядюшки Джейми...

В животе похолодело. У него шесть часов. Не более.

Он снова рискнул обернуться. Рэйчел бежала прочь, Ролло скачками несясь вслед за ней.

* * *

Уильям осторожно вытирал ушибы обрывками носового платка. Лицо распухло и онемело; он бережно потрогал языком зубы – вроде все на месте, хотя парочка заметно шаталась, а щеку саднило от пореза. Ладно, не страшно. Все равно теперь Мюррею достанется сильнее.

Уильяма до сих пор трясло – не от страха, а от дикого желания придушить кого-нибудь голыми руками. В то же время он начинал понемногу себе удивляться. Какого черта он творит?!

Кое-кто из солдат, маршировавших мимо, не постеснялся посмотреть в его сторону. Уильям ответил таким злобным взглядом, что они торопливо отвернули головы – даже кожаные воротники скрипнули от натуги.

А в чем, собственно, его вина? Мюррей сам на него бросился. А Рэйчел Хантер ни с того ни с сего обозвала трусом и скотиной. Верхнюю губу защекотало – из ноздри опять потекла струйка крови, и Уильям утер ее, высморкавшись в грязный платок.

Кто-то шел к нему по дороге в сопровождении крупной собаки. Он выпрямился, запиная платок в карман.

– Помяни дьяволицу... – пробормотал Уильям и закашлялся: горло саднило от крови.

Рэйчел Хантер вся побелела от злости. Пришла извиниться за оскорбление? Ох, вряд ли... Чепец она сдернула и держала теперь в руке – неужто хотела вовсе бросить на землю?!

– Мисс Хантер... – хрипло заговорил он. Даже поклонился бы, если бы не переживал, что нос тогда опять закровит.

– Уильям, ты не можешь!..

– Что не могу? – уточнил он, и она наградила его свирепым взглядом – будто бы хотела убить на месте.

²⁵ Фу! (*гэльск.*)

– Не притворяйся глупцом! – рявкнула Рэйчел. – Что на тебя нашло?
– А что на вашего жениха нашло? – огрызнулся Уильям в ответ. – Разве я первым на него бросился? Ничего подобного!
– Да, первым! Ты ударил его в лицо, просто так, ни за что...
– А он напал без предупреждения! Если кто и трус...
– Да как ты смеешь называть Йена Мюррея трусом, ты... ты...
– Буду называть его как хочу – потому что он и есть трус. Как и его чертов дядюшка, этот шотландский ублюдок...
– Его дядюшка? Ты про отца?!
– Замолчи! – рявкнул он, и кровь из ушибов снова заструилась по лицу. – Не смей называть его моим отцом!
Она выдохнула через нос.
– Если ты это сделаешь, Уильям Рэнсом, тогда я... я...
Уильям ощутил в животе слабость. Казалось, он вот-вот грохнется в обморок – и отнюдь не из-за ее угроз.
– Что – ты? – прошипел он. – Ты же квакер. Ты не веришь в насилие. Ты не осмелишься меня и пальцем тронуть. Точнее, не сможешь, – поправился он, заметив бешеный взгляд. – Даже пощечины не дашь. Так что ты сделаешь?
Рэйчел его ударила. Змеиным броском вскинула руку и вмазала по щеке с такой силой, что Уильям пошатнулся.
– Итак, ты предал родича, отрекся от отца и вынудил меня нарушить заветы моей веры! Что еще?!
– А, к черту все!
Он схватил ее за руку, рывком притянул к себе и поцеловал. Впрочем, тут же отпустил, и она попятилась, испуганно вытаращив глаза и задыхаясь.
Пес зарычал. Рэйчел посмотрела на Уильяма, плюнула на землю у его ног, утерла рот рукавом и побрела прочь. Пес, посмотрев напоследок на Уильяма, бросился вслед за ней.
– Плеваться в людей тебе тоже велит твоя вера? – крикнул он ей в спину.
Рэйчел обернулась, сжимая кулаки.
– А приставать к женщинам тебе велит твоя?! – заорала она в ответ, к немалой радости пехотинцев, стоявших на обочине, уперев ружья в землю и взирая на неожиданное представление.
Швырнув чепец у его ног, она развернулась и зашагала прочь прежде, чем он нашелся с ответом.

* * *

Завидев отряд солдат, Джейми сполз на сиденье фургона пониже и спустил шляпу на лицо. Кажется, его не искали, тем более что британцам сейчас все равно не до него, но вид красномундирников всегда вызывал у Джейми озноб.

Он словно бы невзначай отвернулся к противоположной обочине, но тут услышал знакомый голос, громко чертыхнувшийся на гэльском, и, вздрогнув, обнаружил прямо перед собой перепуганного племянника.

Джейми и сам опешил, увидав Йена связанным, перепачканным в крови и, что хуже всего, под конвоем двух краснолицых и мокрых от пота британских солдат.

Он чуть было не спрыгнул с фургона, но сдержался, уставившись на Йена и взглядом умоляя того молчать. Тот, к счастью, и сам потерял дар речи, только выпучил глаза, побелел, словно увидев призрака, и, спотыкаясь, побрел дальше.

– Господи, – пробормотал Джейми. – Он и впрямь решил, будто увидел мой дух.

– Что? – без особого интереса переспросил возница.

– Я здесь сойду, сэр, если вас не затруднит остановиться. Да, благодарю!

Он торопливо вылез из фургона, позабыв о спине, запоздало спохватился, но нога вроде бы не спешила стрелять болью... Хотя даже если бы его и скрутило, он все равно похромал бы по дороге через силу, потому что увидел впереди женскую фигурку, несущуюся в его сторону, словно кролик, удирающий от гончих. За ней бежал пес, и Джейми вдруг понял, что это вполне может быть Рэйчел Хантер.

То и впрямь оказалась она. Джейми перехватил ее на бегу, поймав за руку. Юбки взметнулись, обсыпая их пылью.

– Идем со мной, *lass*²⁶, – поспешно сказал он, обхватывая ее за талию и утаскивая с дороги. Она вскрикнула – и завизжала еще громче, когда подняла глаза и увидела его лицо.

– Нет, я не мертвец! Потом, ладно? – отмахнулся Джейми. – А теперь давай вернемся на дорогу, а то кто-нибудь решит, что я утащил тебя надругаться в кустах. *Ciamar a tha thu, a choin?*²⁷ – добавил он для Ролло, который усердно его обнюхивал.

Рэйчел издала горлом странный журчащий звук и захлопала ресницами, но потом все-таки кивнула, и они вышли на тракт. Джейми улыбнулся и махнул прохожему, который стоял посреди дороги, бросив ручки телеги. Тот с сомнением прищурился, но Рэйчел после минутного замешательства выдавила кривую улыбку, и он, пожав плечами, поднял свою телегу.

– Что... что происходит... – прохрипела Рэйчел. У нее был такой вид, будто ее вот-вот вывернет наизнанку: она задыхалась, лицо то белело, то краснело. Чепец где-то потерялся, и темные волосы теперь в беспорядке липли к лицу.

– Потом, – повторил Джейми, уже мягче. – Что с Йеном? Куда его уводят?

Срываясь на всхлипы, она кое-как рассказала о случившемся.

– *A mh'ic an diabhair!*²⁸, – негромко произнес он, задумавшись на миг, не имеет ли в виду кого-то конкретного.

Впрочем, эта мысль исчезла, как только Джейми посмотрел на дорогу. Примерно в четверти мили от них виднелась большая толпа беженцев из Филадельфии: они растянулись в длинную вереницу фургонов, которую с обеих сторон обтекали ровные колонны солдат в красных мундирах.

– Так, ладно, – мрачно сказал Джейми и взял Рэйчел за плечи. – Успокойся, девочка. Выдохни и беги вслед за Йеном, только к солдатам близко не подходи, чтобы не заметили. Когда его освободят, скажи, что вы двое должны как можно скорее попасть в город. Идите в типографию. Да, и пса лучше возьми на поводок. Ты же не хочешь, чтобы он кого-нибудь съел?

– Как освободят?! Почему... Что вы хотите сделать?

Рэйчел отвела с глаз волосы и заметно собралась, хотя взгляд испуганно метался в стороны. Она походила на загнанного молодого барсука, который в панике щерит зубы. Джейми улыбнулся.

– Хочу потолковать с сыном, – сказал он и решительно зашагал по дороге, оставив Рэйчел одну.

* * *

Уильяма он узнал издали. Юноша стоял на обочине, с непокрытой головой, растрепанный, но, видимо, пытавшийся прийти в себя; руки он сцепил за спиной, пересчитывая про-

²⁶ Девушка (*гэльск.*).

²⁷ Как дела, приятель? (*гэльск.*)

²⁸ Вот же черт (*гэльск.*).

езжавшие мимо фургоны. Он был один, и Джейми ускорил шаг, чтобы добраться до парня прежде, чем кто-нибудь его опередит: их разговору свидетели ни к чему.

Он не сомневался, что Рэйчел о недавней стычке рассказала далеко не все. Уж не из-за нее ли разгорелась ссора? Кажется, все началось, когда она сообщила Уильяму о помолвке с Йеном. Рассказ вышел сумбурным, но суть Джейми уловил и теперь, приближаясь к Уильяму, крепко стискивал зубы.

Господи, неужто он тоже так выглядит, когда находится в скверном расположении духа? У парня такой вид, будто более всего на свете он желает переломать кому-то кости и сплестись на могиле... что не очень-то располагает к душевным разговорам.

– Ладно, еще посмотрим, – сказал себе Джейми. – Увидим, кто на чьей могиле сплещет.

Он подошел к Уильяму и снял шляпу.

– Эй! – окликнул он, не желая называть того ни по имени, ни по титулу. – Иди-ка сюда. На минутку.

Уильяма перекосило: жажда крови сменилась гримасой откровенного ужаса – такую же Джейми совсем недавно наблюдал на лице Йена. В иных обстоятельствах он бы рассмеялся. А так просто схватил Уильяма за плечо и, прежде чем тот опомнился, уволок за собой в ближайшую рощицу.

– Вы! – Уильям рывком высвободил руку. – Какого черта вы здесь делаете? И где мой... Что вы с ним... – Он раздраженно махнул рукой. – Чего вам надо?

– Поговорить с тобой, если ты хоть на минуту умолкнешь, – холодно отозвался Джейми. – Слушай меня, парень, я скажу, что ты должен сделать...

– Не нужны мне ваши указания! – огрызнулся Уильям и вскинул кулак. Джейми снова схватил его за плечо, на сей раз зажимая пальцем точку, которую показывала ему Клэр, – прямоком под ключицей. Уильям, выпучив глаза, болезненно застонал.

– Сейчас ты догонишь солдат, которые ведут Йена, и велишь им его освободить, – ровным голосом произнес Джейми. – А если нет, то я под белым флагом войду в лагерь, куда его доставят, назову свое имя и объясню командиру, кто такой Йен и из-за чего произошла драка. И все это время ты будешь стоять рядом со мной. Я ясно выразился? – спросил он, сильнее вдавливая палец.

– Да! – прошипел тот, и Джейми тут же его отпустил, стискивая кулак, чтобы скрыть, как сильно трясется рука.

– Будьте вы прокляты, сэр! – прошептал Уильям, не спуская с него черных от ненависти глаз. – Гореть вам в аду.

Наверняка плечо ужасно ныло, но он не спешил разминать руку – только не перед Джейми.

Тот кивнул, бросил напоследок: «Это само собой» – и зашагал в лес. Скрывшись из виду, прислонился к дереву, чувствуя, как по лицу стекает пот. Спина словно окаменела; все тело тряслось. Только бы Уильям этого не заметил...

Господи, если бы завязалась драка, он в два счета очутился бы на лопатках.

Джейми закрыл глаза и прислушался к сердцу, бодраном колотившемуся в груди. Чуть позже он услышал топот копыт и, всмотревшись сквозь деревья, мельком увидал Уильяма, скачущего в ту же сторону, куда увели Йена.

Глава 22

Гроза приближается

За завтраком в четверг я твердо уверилась: или герцог Пардлоу, или я! Если останусь в доме, до заката доживет только один из нас. Дензил Хантер уже должен был вернуться в город; раз так, он каждодневно навещает Генри в доме миссис Вудкок. Врач из него хороший, схва-

тывает он на лету, значит, ему можно доверить и Хэла. Тогда, вероятно, и будущий тесть проникнется к зятю добрыми чувствами.

От последней мысли я невольно рассмеялась вслух, невзирая на мучившую меня тревогу.

Доктору Дензилу Хантеру

От доктора К. Б. Р. Фрэзер.

Мне необходимо срочно съездить по делам в Кингссессинг. Передаю его светлость герцога Пардлоу Вашим заботам в счастливой уверенности, что Ваши религиозные пристрастия не позволяют колотить пациента тяжелыми предметами.

С искренним уважением,

К.

Постскриптум: в качестве компенсации я привезу Вам корни асафетиды и женьшеня.

Пост-постскриптум: настоятельно рекомендую Вам не приводить Дотти, если только у Вас нет с собой пары крепких кандалов. А еще лучше – двух.

Я присыпала записку песком и отдала Коленсо, чтобы тот отнес ее в дом миссис Вудкок, а сама тихонько прошмыгнула в парадную дверь, пока Дженни и миссис Фигг не поинтересовались, куда это, собственно, я направляюсь.

Было едва ли семь утра, но воздух уже прогревался, раскаляя город. К полудню здесь будет нечем дышать из-за вони людских тел, животных, сточных вод, гниющих мусорных куч, смолистых деревьев, речной тины и горячих кирпичей, но пока что эти легкие ароматы лишь пикантно дополняли свежий воздух. Мне ужасно хотелось пройтись пешком, но, боюсь, ботинки не выдержали бы долгую прогулку по проселочным тропам – а если для возвращения придется ждать заката, то меня наверняка хватятся.

К тому же нынче женщинам не стоит в одиночку разгуливать по дорогам. Что днем, что ночью.

Я надеялась, что хотя бы три квартала до извозчичьего двора преодолею без происшествий, но на углу Волнат-стрит меня окликнул знакомый голос:

– Миссис Фрэзер? Эй, миссис Фрэзер!

Я изумленно огляделась и увидела в окне экипажа горбоносое лицо Бенедикта Арнольда. Его обычно пухлые щеки запали, румянец сменился бледностью, но то, несомненно, был он.

– О! – я присела в книксене. – Рада видеть вас, генерал!

Сердце застучало быстрее. От Денни Хантера я слышала, что Арнольда назначили военным губернатором Филадельфии, но не думала, что он приедет так скоро... если вообще объявится.

Я не удержалась от вопроса:

– Как ваша нога?

Под Саратогой Арнольда серьезно ранили – причем в ту же ногу, которая была повреждена и прежде; вдобавок он сломал ее, когда свалился вместе с лошастью при штурме редута Бреймана. Бенедикт оказался на попечении армейских хирургов, и, насколько я знаю этих малых, удивительно даже, что он не только остался жив, но и сохранил обе конечности.

На его лицо набежала тень, однако он все равно улыбнулся.

– Пока еще при мне, миссис Фрэзер. Хоть и на два дюйма короче прежнего. Куда вы так торопитесь этим утром?

Он наверняка обратил внимание, что со мной нет служанки или компаньонки, но, казалось, сей факт его не слишком взволновал. Генерал видел меня на поле битвы и знал, что я собой представляю.

А я знала, что представляет собой он.

И этот тип чертовски мне нравился!

– О... я направляюсь в Кингссессинг.

– Пешком? – поразился он.

– Вообще-то я думала взять двуколку на извозчикьем дворе. Она как раз за углом. – Я кивнула в сторону конюшни Дэвидсона. – Рада была повидаться, генерал!

– Одну минуточку, миссис Фрэзер, если вас не затруднит...

Он повернулся к своему адъютанту, сидевшему рядом, кивнул на меня и что-то спросил. А в следующую секунду дверь экипажа распахнулась и адъютант, спрыгнув с подножки, протянул мне руку.

– Прошу, мадам, – предложил генерал.

– Но...

– Капитан Эванс говорит, конюшни закрыты. Однако мой экипаж к вашим услугам.

– Но...

Не успела я придумать, как бы половчее возразить, меня уже втощили внутрь, усадили напротив генерала, а капитан Эванс перебрался на козлы к кучеру.

– Полагаю, мистер Дэвидсон был лоялистом, – сказал генерал Арнольд.

– Был?.. – уточнила я. – С ним случилась беда?

– Капитан Эванс видел, как Дэвидсон с семьей покидает город.

Так и было. Экипаж свернул на Пятую улицу, и моему взору предстал извозчикий двор с распахнутыми воротами, причем одна из створок вовсе валялась на земле. Конный двор, как и конюшня, был пуст: все фургоны, двуколки и кареты пропали с лошадьми. То ли их продали, то ли украли... В доме рядом с конюшней из разбитого окна торчали лохмотья кружевных занавесок миссис Дэвидсон.

– Ох...

Я сглотнула и покосилась на генерала Арнольда. Он называл меня миссис Фрэзер. Видимо, не знал о моем нынешнем браке. Я никак не решалась его поправить. И вдруг, поддаваясь внезапному порыву, и вовсе смолчала. Чем меньше интереса проявят к дому семнадцать по Честнат-стрит – причем не важно, англичане ли, американцы, – тем лучше.

– Я слышал, здешним вигам досталось от британцев, – продолжал Арнольд, с интересом меня разглядывая. – Надеюсь, вам не слишком досаждали – вам и полковнику?

– О, нет, нет. Не слишком. – Я выдохнула и сменила тему: – Однако до нас практически не доходили последние новости... про американцев, я хочу сказать. Случались ли какие-нибудь... знаменательные события?

Он сухо хохотнул:

– С чего начать, мадам?

Невзирая на некоторую неловкость от неожиданной встречи, я была весьма признательна Бенедикту Арнольду за любезное предложение подвезти: влажный воздух становился гуще, а небо – белее муслиновой простыни. За короткую прогулку по городу моя сорочка успела пропитаться потом, а отправясь я в Кингссессинг пешком, добралась бы вся в мыле и на грани теплового удара.

Генерал был весьма взволнован и своим новым назначением, и грядущими военными событиями. Он, по его собственному признанию, не мог рассказать, какими именно – но Вашингтон что-то затевал. Впрочем, за волнением я видела и немалую тоску, Арнольд, будучи прекрасным воином, обречен отныне сидеть за письменным столом, и каким бы значительным это дело ни являлось, оно не могло заменить того трепета, который испытываешь, ведя за собой людей в ожесточенную битву.

Наблюдая, как он ерзает по сиденью, то и дело сжимает кулаки и потирает бедро, я встревожилась еще сильнее. Не только за него, но и за Джейми. По натуре они совершенно разные, но у Джейми при виде бранного поля тоже мигом вскипает кровь.

Могу лишь надеяться, что грядущая битва обойдет нас стороной...

Генерал высадил меня у переправы: Кингссессинг располагался на другом берегу реки Скулкилл. При этом Арнольд, несмотря на рану, вышел первым и подал мне руку.

– Миссис Фрэзер, прислать ли за вами экипаж вечером? – осведомился он, посмотрев на зыбкое белое небо. – Погода может испортиться.

– О, нет-нет! Я должна управиться за час-другой. А дождя раньше четырех все равно не будет. По крайней мере, так уверяет мой сын.

– Ваш сын? Мы с ним знакомы?

Он наморщил лоб. Джейми говорил, генерал очень гордится своей прекрасной памятью.

– Вряд ли. Его зовут Фергус Фрэзер. Вообще-то он приемный сын моего мужа. Он со своей супругой владеет типографией на Маркет-стрит.

– В самом деле? – Лицо генерала озарилось, и он усмехнулся. – А газета называется... «Онъен», да? О ней как раз говорили сегодня в кофейне, где я завтракал. Пишут о политике и немного сатиры?

– «Онъё»²⁹, на французском, – поправила я со смехом. – Фергус – парижанин по рождению, а у его жены прекрасное чувство юмора. Хотя они печатают и другие издания. И книги продают, конечно же.

– Обязательно к ним загляну, – заявил Арнольд. – У меня совершенно нет книг, пришлось оставить свою библиотеку и путешествовать налегке. И все же, милая моя, как вы доберетесь в Филадельфию?

– Найду у Бартрамов повозку, – заверила я. – Я бывала в их садах и прежде, мы с хозяевами знакомы.

Вообще-то я намеревалась прогуляться пешком, чтобы оттянуть возвращение в дом на Честнат-стрит к моему брюзге пленнику (что, черт возьми, с ним делать? Особенно теперь, когда британцы ушли из города?..), тем более что идти всего-то около часа. Однако генералу я признаваться не стала, и на этой ноте мы распрощались, заверив друг друга в искреннем уважении.

Обычно от переправы до садов Бартрама дорога занимала не более четверти часа, но я не спешила – не только из-за жары, но и потому, что мысли мои были заняты генералом Арнольдом.

Когда?! Когда все начнется? Вряд ли в ближайшие дни – в этом я уверена. Что же произойдет, что должно случиться, чтобы этот благородный джентльмен из патриота вдруг стал предателем? С кем он заговорит, чьи слова посеют в нем смертоносное семя?..

Господи! Я вдруг отчаянно зашептала молитву. Молю тебя, пусть это буду не я!

От одной этой мысли меня пробило дрожью. Чем глубже я увязала в событиях прошлого, тем меньше понимала происходящее.

Роджер тоже хотел разобраться в причинах. Он все время пытался понять: почему? Почему на переход способны лишь немногие? Могут ли они – вольно или невольно – влиять на историю? И как им – то есть нам – быть в таком случае?

Даже зная, какая участь ждет Чарльза Стюарта, мы не сумели помешать восстанию. И сами не смогли удержаться в стороне. Однако, весьма вероятно, спасли при этом жизни тем людям, которых Джейми увел из Каллодена накануне битвы. И Фрэнка спасли... по крайней мере, я так думаю.

²⁹ Лук (*фр.*).

Однако рассказала бы я Джейми о восстании, если бы знала заранее, какую цену нам обоим придется заплатить? Может, если бы я промолчала, мы бы избежали трагедии?

Впрочем, ответов у меня, как и прежде, не было. Со вздохом облегчения я зашла в ворота садов Бартрама. Пара часов в прохладной тенистой зелени – именно то, чего мне так не хватает.

Глава 23

В которой миссис Фигг берет дело в свои руки

Джейми задышал чаще и поймал себя на том, что невольно сжимает кулаки по мере того, как приближается к Честнат-стрит. Не только чтобы сдерживать эмоции – он и без того неплохо держал себя в руках, – но и чтобы набрать побольше сил.

Его почти трясло от потребности увидеть Клэр, дотронуться до нее, прижать к себе. Более ничего не имело значения. Любые слова – а им, конечно же, придется поговорить – подождут. Они все отложат на потом.

Рэйчел и Йена он оставил на углу Маркет-стрит, велел идти в типографию и искать Дженни (он вознес к небесам молитву, чтобы сестра поладила с маленькой квакершей, но, увы, надежда бесплотно растаяла, словно дым).

Под ребрами ощущалось жжение, от которого пекло грудь и беспокойно покалывало пальцы. В городе пахло гарью; в низкое небо вился дымок. Джейми невольно обратил внимание и на другие приметы разбоя: обожженную стену, темневшее отпечатком гигантского пальца пятно сажи на штукатурке, разбитые окна, висящий на кусте драной тряпкой чепец – и до удивления заполоненные людьми улицы. Причем то были не прохожие, спешащие по своим обычным делам, а мужчины, почти все вооруженные, настороженно глядящие по сторонам или оживленно обсуждающие что-то в полный голос.

Впрочем, не важно, что происходит, лишь бы при этом не пострадала Клэр.

Вот и он – дом номер семнадцать. Опрятный трехэтажный особняк, откуда он так спешно бежал три дня назад. При виде здания засосало под ложечкой. Джейми словно ушел отсюда пять минут назад – и помнил каждый миг пребывания внутри. Волосы Клэр, не до конца расчесанные и обвивавшие его пушистым облаком с запахом бергамота, ванили и ее собственным свежим ароматом, когда он над ней склонился. Теплая и мягкая плоть под его ладонями. Крепкая круглая задница, прикрытая лишь тонкой тканью сорочки...

А через минуту...

Джейми отогнал непрошенный образ Уильяма. Он тоже подождет.

На стук выглянула темнокожая пухлая женщина, которую он уже видел в прошлый раз, и Джейми поприветствовал ее практически теми же словами:

– Доброго дня вам, мадам. Я прибыл за своей супругой.

Она разинула рот, а он шагнул в дом и замер, озирая разруху.

– Что здесь случилось? – резко спросил он у экономки. – Она цела?

– Если вы о леди Грей, то да. – Имя женщина произнесла с особенным нажимом. – Что до остального...

Она плавным жестом обвела прихожую, показывая на измазанные кровью стены с разбитыми панелями, обломки перил и железный остов люстры, скромно притулившейся в углу.

– ...Это все капитан лорд Элсмир. Сын лорда Джона.

Экономка прищурилась и смерила Джейми многозначительным взглядом, говорившим без слов: она прекрасно знает, что произошло в тот день, когда они с Уильямом столкнулись лицом к лицу, и ничуть этому не рада.

Однако Джейми некогда было переживать о ее чувствах, и он, вежливо протиснувшись мимо, зашагал по лестнице так быстро, как только позволяла нывшая спина.

На самой верхней ступеньке он вдруг услышал женский голос, но то была не Клэр. К удивлению, он узнал сестру – та стояла в дверях дальней спальни, загораживая выход, а за ее плечом...

Еще после разговора с Уильямом Джейми казалось, будто все происходящее ему снится. Сейчас он и вовсе уверился, что у него галлюцинации: ведь ему привиделся герцог Пардлоу, донельзя взбешенный и в одной лишь ночной сорочке встающий с кресла.

– Сядьте!

Одно лишь слово, произнесенное негромким голосом, произвело на герцога сокрушительное впечатление, и он застыл, изумленно выпучив глаза.

Подавшись вперед, Джейми увидел у сестры в руке большой пистолет, чье восемнадцатидюймовое дуло нацелилось напрямиком герцогу в грудь. Лицо у Дженни было мертвенно-белым, она походила на призрака.

– Вы слышали приказ, – чуть слышно, почти шепотом, произнесла она.

Очень медленно Пардлоу – а это точно был он, глаза Джейми не обманывали – сделал два шага назад и опустил в кресло.

Джейми ощущал запах тлеющего пороха, наверняка герцог тоже.

– Лорд Мелтон, значит... – Дженни медленно шагнула вперед, чтобы лучше видеть Пардлоу в тусклом свете, сочившемся сквозь заколоченные ставни. – Так вас называла моя невестка. Это верно?

– Да, – отозвался тот.

Он не двигался, но Джейми видел, как герцог понемногу подбирает под себя ноги, чтобы в случае чего одним прыжком слететь с кресла. Очень тихо Джейми приблизился. Дженни должна была уже заметить его присутствие, но она слишком сосредоточилась на герцоге: ее плечи в напряжении сведены так сильно, что острые лопатки торчат под платьем парой ястребиных крыльев.

– Это ваши люди приходили в мой дом, – тихо продолжала она. – Не раз и не два. Они грабили и ломали, отнимали последний кусок хлеба. Это они забрали моего мужа в тюрьму... – пистолет было дрогнуло, но тут же снова поднялся, – где он и подхватил болезнь, которая его убила. Только шевельнитесь еще, милорд, и я выстрелю в живот. Вы умрете быстрее моего мужа, но вряд ли вам это понравится.

Пардлоу не сказал ни слова, только чуть заметно дернул головой в знак того, что понял. Руки на подлокотниках кресла разжались. Он отвел взгляд от пистолета – и увидел Джейми. У него отвисла челюсть, глаза распахнулись, и у Дженни побелел палец на спусковом крючке.

Джейми перехватил оружие ровно в тот момент, когда то выпустило облачко черного дыма, и грохот выстрела слился со звоном фарфоровой статуэтки на каминной полке.

Пардлоу на миг окаменел, а потом – очень медленно – поднял руку и вытащил из волос крупный осколок.

– Мистер Фрэзер, – произнес он почти ровным голосом. – Рад встрече, сэр.

– Взаимно, ваша светлость, – отозвался Джейми, испытывая безумное желание рассмеяться. Сдержался он лишь потому, что тогда бы Дженни немедля перезарядила пистолет и выстрелила снова – на сей раз уж в него. – Как вижу, вы познакомились с моей сестрой, миссис Мюррей.

– Вашей... Пресвятой Господь, так и есть! – Пардлоу, окинув их обоих взглядом, протяжно вздохнул. – У вас в семье все такие вспыльчивые?

– Да, ваша светлость, благодарю за комплимент.

Джейми положил руку сестре на спину. Сердце у нее ходило ходуном, дышала она хрипло и прерывисто. Отложив пистолет, он взял ее обеими ладонями за руку. Та оказалась ледяной, хотя в спальне с забытыми окнами было жарче, чем в преисподней.

– Ваша светлость, окажите любезность, налейте немного того, что у вас в графине.

Пардлоу осторожно приблизился, подавая стакан. Бренди, судя по крепкому запаху.

– Не отпускай его, – велела Дженни, понемногу приходя в себя. Она, смерив Пардлоу взглядом, взяла стакан и посмотрела на Джейми. – И где, во имя Святой Марии Магдалены, тебя носило последние три дня?!

Ответить он не успел: за дверью загремели тяжелые шаги и на пороге возникла темнокожая экономка. Задыхаясь от спешки, она взмахнула тяжелым, инкрустированным серебром ружьем – причем, кажется, эта особа умела с ним обращаться.

– Так, вы двое, а ну сию минуту сели! – деловито велела она, переводя ствол с Пардлоу на Джейми. – Если думаете, что можете вот так запросто явиться сюда и забрать этого человека, то...

– Я же сказал, мадам... прошу прощения, не соблаговолите ли назвать свое имя?

– Что?.. – Экономка смущенно моргнула. – Я... миссис Мортимер Фигг, хотя это не ваше дело.

– Как скажете, – заверил Джейми. Он так и не сел, в отличие от герцога. – Миссис Фигг, как я уже говорил, я прибыл лишь за своей супругой, не более того. Если скажете, где она, я немедленно вас покину. А вы можете заниматься своими делами, – добавил он, покосившись на Пардлоу.

– Вашей женой, значит... – повторила миссис Фигг, нацелив на него ствол. – Ясно. Только, думаю, нам всем лучше сесть и подождать, пока не вернется лорд Джон, пусть он скажет, что обо всем этом думает.

– Не глумитесь, – раздраженно отозвалась Дженни. – Вы прекрасно знаете, что Клэр – жена моего брата, она сама вам говорила.

– Клэр?! – воскликнул Пардлоу, вскакивая с кресла. Графин он все еще держал в руке. – Она ведь жена моего брата!

– Вовсе нет, – сухо сказал Джейми. – Моя, и я буду весьма признателен, если все-таки кто-нибудь скажет, где ее черти носят.

– Она отправилась в место над названием Кингссессинг, – тут же ответила Дженни. – Собрать разные травы. Мы врачевали этого *mac na galladh*³⁰. – Она бросила на Пардлоу злобный взгляд. – Если б я знала, кто вы такой, *mh'ic an diabhail*³¹, подсыпала бы вам в тарелку толченого стекла!

– Не сомневаюсь, – пробормотал Пардлоу, отпив прямиком из графина, и посмотрел на Джейми. – Полагаю, вы осведомлены, где сейчас мой брат?

Джейми недоуменно вскинул брови, по спине пробежал неприятный холодок.

– Разве его нет?

Пардлоу широким жестом обвел гостиную, предлагая Джейми поискать самому. Тот, не обращая более на него внимания, обратился к экономке:

– Мадам, когда его видели последний раз?

– Когда вы с ним сиганули в чердачное окно, – коротко бросила она и ткнула Джейми под ребра длинным стволом. – *Fils de salope*³², что вы с ним сделали?

Джейми пальцем осторожно отвел ружье в сторону. Заряжено, хотя курок не взведен.

– Два дня назад мы расстались с ним в лесу. – От странной тревоги запульсировала спина. Он шагнул назад, прислоняясь к стене, чтобы снять нагрузку с поясницы. – Я думал найти его тут... с моей женой. Ваша светлость, могу ли узнать, вы-то как здесь оказались?

– Клэр его похитила, – вставила Дженни, не давая герцогу открыть рот. Тот выпучил глаза, то ли возмущившись подобному заявлению, то ли потому, что она перезаряжала пистолет.

³⁰ Сукин сын (*гэльск.*).

³¹ Отродье дьявола (*гэльск.*).

³² Сукин сын (*фр.*).

– О, да? И зачем же, она не говорила?

Сестра смерила его взглядом.

– Она боялась, что в поисках брата он перевернет весь город и в этой суматохе схватят тебя.

– Что ж, думаю, теперь я вне опасности, – заверил он Дженни. – Может, стоит его отпустить, что скажешь?

– Нет, – решительно заявила та, загоняя пулю пыжом. Потом достала из кармана фартука пороховой рожок. – Нельзя, он может умереть.

– Правда? – Джейми задумался, разглядывая герцога, который начинал понемногу багроветь. – С чего бы вдруг?

– Он задыхается. Клэр боялась, если мы его отпустим, он помрет прямо на улице и ее замучает совесть.

– Понятно. – Смех мучил его все сильнее, но Джейми мужественно держался. – Поэтому ты решила пристрелить его в доме, чтобы он не страдал почем зря на улице?

Синие глаза недобро прищурились, хотя Дженни не отрывала взгляда от тонкой пороховой струйки, сыпавшейся на запал.

– Я не собиралась стрелять в живот, – призналась она, правда, по поджатым губам было понятно, что очень бы хотела. – Я думала продырявить ему колено. Или отстрелить пару пальцев.

Пардлоу издал странный звук, который можно принять за негодование, но, зная этого человека, Джейми не сомневался, что то был сдавленный смешок. Только бы сестра не поняла... Он хотел спросить, давно ли герцога держат в плену, но тут в дверь заколотили. Джейми посмотрел на миссис Фигг, но экономка все еще недоверчиво разглядывала его, не спеша убирать ружье или тем паче спускаться по лестнице, чтобы встретить гостя.

– Входите! – крикнул Джейми, высовывая голову в коридор, и поспешил вернуться, пока миссис Фигг не решила, будто он хочет сбежать, и не пустила ему в задницу заряд дроби.

Дверь внизу хлопнула, и повисла долгая пауза – видимо, посетитель оглядывал разгромленную прихожую. Наконец на лестнице зазвучали быстрые легкие шаги.

– Лорд Джон! – выдохнула миссис Фигг, просветлев лицом.

– Сюда! – позвал герцог, и шаги повернули к спальне.

В следующий миг на пороге возник невысокий силуэт в очках. Дензил Хантер.

– *Merde!* – воскликнула миссис Фигг, направляя на пришельца ружье. – Я хотела сказать, пастырь иудейский... Вы-то, во имя всего святого, кто еще такой?!

* * *

Джейми заметил, что Хантер побелел пуще Дженни. Однако тут же, не колеблясь, шагнул к Пардлоу и произнес:

– Друг Грей, я Дензил Хантер. Врач, прибыл по просьбе Клэр Фрэзер наблюдать за лечением.

Герцог выронил графин, и тот грохнулся о плетеный коврик, расплескивая остатки содержимого.

– Вы! – Он вскочил и расправил спину. По правде говоря, ростом Пардлоу значительно уступал Хантеру, но, видимо, сказывалась армейская привычка. – Вы, тот самый пройдоха, которому хватило безрассудства обольстить мою дочь, смеете заявляться сюда и предлагать свои услуги?! Убирайтесь вон, пока я не...

Пардлоу, кажется, совсем позабыл, что он в одной лишь сорочке. Не нащупав на поясе оружия, герцог подобрал с пола графин и замахнулся, намереваясь снести Хантеру голову.

Тот успел присесть, а Джейми перехватил герцога, пока он еще чего-нибудь не натворил. Денни выпрямился, полыхнув глазами за стеклами очков.

– Я не соглашусь ни с таким описанием своего поведения, ни с попыткой очернить репутацию вашей дочери, – резко сказал он. – Разве что разум ваш одурманен болезнью или лекарствами, потому что человек, произведший на свет и воспитавший столь дивное создание, как Доротея, не посмеет столь подло отзываться о ней или иметь так мало веры в силу ее характера. Вы и впрямь считаете, будто ее можно запросто соблазнить?

– Уверен, герцог подразумевал вовсе не плотское соращение, – торопливо вставил Джейми, выкручивая Пардлоу запястье, чтобы отобрать графин.

– Так это, по-вашему, достойное джентльмена поведение – заставить юную девушку убежать из дому?! – прогремел герцог, выронив-таки под натиском Джейми графин.

Тот упал в камин, во все стороны брызнув стеклом, однако герцог даже не вздрогнул.

– Любой джентльмен первым делом должен получить одобрение у отца юной леди, прежде чем вообще к ней приблизиться!

– Я так и сделал, – негромко сказал Дензил. – Точнее, я сразу же вам написал, извиняясь, что не могу обратиться лично, и объяснил, что мы с Доротеей хотим пожениться и были бы рады услышать ваше благословение. Однако, боюсь, письмо вы не успели получить до отплытия в Америку.

– Ох, неужели?! Благословение мое вам понадобилось, да? – Пардлоу фыркнул, откидывая с лица пряди спутанных волос. – Отпустите меня уже, в конце концов! Что я, по-вашему, могу с ним сделать – придушить собственным шейным платком?

– И это тоже. – Джейми ослабил хватку, однако по-прежнему придерживал герцога за плечи. – Дженни, не могла бы ты убрать пистолет подальше от его светлости?

Та послушно сунула пистолет Дензилу; тот невольно взял его и тут же недоуменно взглянул на оружие в своих руках.

– Вам он нужнее. – Дженни мрачно покосилась на Пардлоу. – Если застрелите герцога, скажем, вы просто защищались.

– Ничего подобного! – возмутилась миссис Фигг. – Думаете, я могу сообщить лорду Джону, что его брата хладнокровно прикончили прямо у меня на глазах?..

– Друг Джейми, – перебил ее Дензил, протягивая ему пистолет, – пожалуй, нам стоит отпустить отца Доротеи под мою ответственность. Мне кажется, тогда разговор станет более вежливым.

– Возможно, – не без сомнения согласился Джейми и отпустил Пардлоу, забрав оружие.

Денни приблизился к герцогу, отмахнув осколки стекла в сторону, и внимательно посмотрел ему в лицо.

– Буду рад поговорить с вами, Друг, и заверить в самых искренних намерениях относительно вашей дочери. Однако пока меня волнует ваше дыхание и хотелось бы вас осмотреть.

Герцог и впрямь посвистывал, лицо у него приобретало синюшный оттенок. Впрочем, после слов Дензила он вновь побагровел:

– Не смейте меня трогать, вы... вы... шарлатан!

Дензил огляделся и решил спросить у Дженни, как у самого верного источника сведений:

– Что Друг Клэр говорила о его недуге и лечении?

– Астма. Кофейная настойка хвойника. Клэр называла это средство эфедрой, – лаконично ответила та и добавила, повернувшись к Пардлоу: – Знаете, я могла бы и не говорить. Пусть вы задохнулись бы насмерть. Но, как по мне, это не по-христиански. А квакеры христиане? – с любопытством уточнила она у Денни.

– Да, – ответил тот, осторожно приближаясь к герцогу, которого Джейми, надавив на плечи, вынудил сесть в кресло. – Мы верим, что в каждом человеке есть божественный

свет... Хотя порой разглядеть его непросто, – пробормотал он вполголоса, однако достаточно громко, чтобы Джейми (и герцог заодно) его услышал.

Пардлоу силился вдохнуть сквозь вытянутые губы, не сводя при этом с Дензила взгляда. Хватая ртом воздух, он выдавил:

– Не смейте... меня лечить, сэр. – Долгая пауза. Миссис Фигг встрепенулась и шагнула к двери. – Я не оставлю... дочь... в ваших лапах... – Выдох. Вдох. – Лучше убейте. – Выдох. Вдох. – Не думайте... что если спасете меня... я стану вашим... должником.

Под конец фразы он вконец посерел, и Джейми встревожился не на шутку.

– Дженни, у него есть лекарство?

Сестра поджала губы, но все-таки кивнула и, бросив на герцога еще один взгляд, выбежала из комнаты.

Хантер осторожно, будто подкрадываясь к дикому зверю, приблизился и схватил герцога за запястье, пристально взглядевшись ему в глаза, хотя Пардлоу, щурясь, так и норовил отвести взгляд, даже невзирая на свое удушье. Джейми в который раз восхитился силой его духа... Правда, надо признать, Хантер ему практически не уступал.

Он так отвлекся на разворачивающуюся драму, что невольно вздрогнул, когда в дверь шумно заколотили. Та распахнулась, и снизу донесся хриплый крик его племянника: «Мама!» – в унисон с ее взволнованным стоном «Йен!». Джейми выглянул из комнаты и, перегнувшись через остатки перил, увидел сестру в объятиях ее сына.

Тот жмурил глаза, и щеки у него были мокрыми, и мать он сжимал все крепче, будто боялся отпустить. Джейми невольно сглотнул комок в горле. Что отдал бы он, лишь бы еще раз обнять свою дочь?

За их спинами он увидел Рэйчел Хантер, та с улыбкой глядела на сына с матерью, едва сдерживая слезы. Она вытерла нос платком, случайно подняла голову и увидела Джейми.

– Мисс Рэйчел, – улыбнулся он и указал ей на кувшин, стоящий на краю стола, должно быть, с лекарством Пардлоу. – Не могли бы вы принести сюда тот кувшин? И поскорее.

Герцог хрипел так сильно, что было слышно даже в коридоре. Хуже ему вроде бы не становилось, но дышал он с трудом.

Хрипы на мгновение заглушились грузными шагами миссис Фигг, которая с ружьем наперевес вышла из комнаты. Она посмотрела на трогательную сценку и перевела взгляд на Рэйчел, с кувшином поднимавшуюся по лестнице.

– А это еще кто? – властно спросила она у Джейми, уже, слава богу, не тыкая в него стволом.

– Сестра доктора Хантера. – Он на всякий случай загородил девушку от взвинченной экономки. – Мисс Рэйчел, средство в кувшине нужно вашему брату.

Миссис Фигг недовольно хмыкнула, но все-таки отступила, пропуская Рэйчел в комнату. Смерив ледяным взглядом Дженни с Йеном, которые наконец расцепились и теперь шумно обсуждали что-то на гэльском, лихорадочно размахивая руками и то и дело перебивая друг друга, она развернулась и последовала за Рэйчел. Джейми замешкался было, больше всего желая выскочить из дому и бегом отправиться в Кингссессинг, но болезненное чувство долга вынудило его тоже вернуться в спальню.

Денни сидел на табурете, который отодвинул от туалетного столика, и, держа герцога за запястье, спокойно ему втолковывал:

– Вы вне опасности, как и сами наверняка знаете. Пульс ровный, хотя дыхание несколько затруднено... О, это та самая микстура, о которой говорила дама из Шотландии? Спасибо, Рэйчел, налей, пожалуйста...

Рэйчел, привыкшая к подобным ситуациям, уже цедила черно-коричневую жижу, более всего походившую на содержимое плевательницы, в стакан из-под бренди.

– Вот, позволь...

Дензил хотел передать стакан герцогу, но тот схватил его сам и опорожнил наполовину одним глотком, едва не захлебнувшись. Хантер спокойно дождался, когда тот прокашляется, и протянул носовой платок.

– Я слышал, есть мнение, что подобные проблемы с дыханием могут быть вызваны чрезмерной усталостью, резкими перепадами температуры, воздействием пыли или дыма и в некоторых случаях сильным волнением. Если так, полагаю, нынешний приступ вполне мог стать результатом моего неожиданного появления, и в таком случае приношу извинения.

Денни забрал платок и вернул Пардлоу стакан, мудро воздержавшись от совета пить глотками поменьше.

– Возможно, я сумею возместить ущерб. Как вижу, вашего брата до сих пор нет – а он вряд ли пропустил бы подобное сборище, если только не лежит мертвым где-нибудь в подвале, до чего, надеюсь, еще не дошло. Когда его видели последний раз?

– Я... вообще не видел...

Дыхание у герцога выравнивалось, лицо приобретало обычный для него цвет, хотя его портила прежняя дикая гримаса.

– А вы – видели?

Хантер снял очки и улыбнулся. Джейми поразило необычайное добродушие его взгляда. Он посмотрел на Рэйчел: у нее глаза были карими, не такими оливково-зелеными, как у брата, и хоть и кроткими, но не без воинственного огонька. А последнее качество в женщинах Джейми ценил.

– Да, Друг, видел. Мы с вашей дочерью столкнулись с ним в лагере ополченцев недалеко от города. Его пленили и...

Пардлоу и Джейми взволнованно охнули в один голос, и Хантер вскинул руку, призывая помолчать.

– ...нам удалось организовать ему побег. При пленении его избili, хоть и не очень сильно, и я врачевал ему раны.

– Когда? – спросил Джейми. – Когда это было?

Сердце радостно екнуло: все-таки славно, что Джон Грей не погиб.

– Прошлой ночью, – ответил Денни. – А сегодня утром его хватились. И, кажется, так и не поймали; хотя всю дорогу до Филадельфии я расспрашивал о нем всех ополченцев, которые только попадались по пути. Думаю, до города доберется он не скоро, потому что в лесах полно народу, не меньше, чем на тракте. Но рано или поздно он должен вернуться.

Пардлоу протяжно выдохнул.

– Господи, – пробормотал он и закрыл глаза.

Глава 24

Желанная прохлада среди зноя, утешение в пучине горя

Здесь царил прохладный зеленый рай. Сады – деревья, кусты, виноградники и цветы всех мастей с разбросанными то здесь то там разнообразия ради странными грибницами – покрывали многие сотни акров. Джон Бертрам большую часть жизни собирал ботанические образцы по всей Америке, и едва ли не каждый экземпляр он привез и посадил лично. Жаль, мне не довелось познакомиться с этим достопочтенным джентльменом: он скончался в прошлом году, оставив свои чудесные сады в умелых руках детей.

Младшего мистера Бертрама (вообще-то ему было за сорок, но его так называли, чтобы отличать от старшего брата) я нашла в глубине сада; он сидел в тени огромной лозы, укрывавшей половину веранды, и зарисовывал в журнал горстку бледных длинных корешков, лежавших перед ним на салфетке.

– Женьшень? – уточнила я, склоняясь над столом.

– Да, – отозвался тот, не отрывая глаз от тонкой линии, выходявшей из-под пера. – Доброе утро, леди Грей. Как вижу, он вам знаком?

– Женьшень часто встречается в горах Северной Каролины, где я... жила прежде.

Вроде бы случайная фраза застряла в горле. Из ниоткуда пахнуло лесами Риджа: душистой пихтой и сладким тополиным соком с затхлыми нотками «древесных ушек» и привкусом дикого муската.

– Да, конечно.

Завершив линию, Бертрам опустил перо, снял очки и посмотрел на меня с видом человека, одержимого растениями и уверенного, что весь прочий мир обязан разделять его страсть.

– Это китайский женьшень; хочу посмотреть, приживется ли на нашей почве... – Он махнул рукой на пышный сад. – Каролинские сорта чахнут, а канадский не желает даже приниматься!

– До чего упрямый. Наверное, ему слишком жарко, – заметила я, беря табурет, на который мне указали, и ставя корзинку на пол. Блузка липла к телу, между лопатками расплзлось влажное пятно, пот капал с волос на шею. – Женьшень предпочитает места попрохладнее.

В мыслях тут же расцвели яркие воспоминания о Ридже, и вокруг меня поднялись невидимые стены сгнувшего дома, обдуваемого холодным горным ветром. Казалось, опусти руку – и пальцы нащупают мягкую шерстку Адсо. Я с трудом сглотнула.

– Да, нынче жарко, – кивнул Бертрам, хотя сам выглядел суше корешков, лежавших на столе в пятнистой тени от лозы. – Леди Грей, не желаете ли освежиться? У нас в доме есть негус со льдом.

– Было бы замечательно, – бодро согласилась я. – Однако подождите... со льдом?!

– О, у меня и Сисси есть большой ледник у реки, – гордо заявил тот. – Минуточку, только скажу ей...

Мне хватило предусмотрительности захватить из дому веер, и теперь я достала его из корзинки. Ностальгия вдруг обрела неожиданный смысл. Мы ведь можем вернуться! Джейми оставил службу в армии, чтобы отвезти тело погибшего кузена в Шотландию. По возвращении мы собирались раздобыть печатный станок и вновь обосноваться в Северной Каролине, орудуя во имя революции уже не мечом, но словом.

Планы эти растоптало (как и мою будущую жизнь) известие о его гибели. Но теперь...

По спине пробежали острые мурашки, и, должно быть, охватившее меня лихорадочное возбуждение отразилось и на лице, потому что мистер и мисс Бертрам вытаращили на меня глаза. Они были близнецами, хоть и не слишком походили друг на друга внешне, но порой их лица принимали одно и то же выражение: как, например, сейчас, когда оба взирали на меня с удивлением.

Естественно, я не могла поделиться с ними своей радостью... Впрочем, в этом не было и нужды, и я принялась потягивать негус (портвейн, смешанный с горячей водой, сахаром и специями, а потом охлажденный – и впрямь охлажденный! – до удивительно приятного вкуса) и вслух восхищаться новыми изменениями в саду Бертрамов, и без того известном красотой и разнообразием. Старый мистер Бертрам потратил на него более полувека, а его дети, видимо, унаследовали не только сад, но и страсть к растениеводству.

– ...И мы прочистили ручей и поставили новый сарай под рассаду, побольше, – хвасталась Сисси Бертрам. – У нас много желающих купить горшечную лозу и цветы для гостинной или зимнего сада! Хотя не знаю...

Пыл ее поугас, и заговорила она уже с сомнением:

– Вся эта суматоха из-за войны плохо сказывается на делах.

Мистер Бертрам кашлянул и негромко произнес:

– Это как посмотреть. Боюсь, на лекарства спрос только возрастет.

– Но если солдаты уходят... – с надеждой начала мисс Бертрам, но ее брат, более трезво взвешивающий на положение дел, покачал головой.

– Друг Сисси, разве ты не чувствуешь грозу? – тихо спросил он. – Она все ближе и ближе.

Он поднял голову, словно бы пригнувшись, а сестра взяла его за руку, вместе с ним вслушиваясь в шум далекой стычки.

– Мистер Бертрам, я и не знала, что вы квакеры, – заговорила я, лишь бы нарушить зловещее молчание.

Оба заморгали и улыбнулись.

– О, – сказала мисс Бертрам. – Отца изгнали из собрания много лет назад. Но детские привычки порой прорезаются в самый неожиданный момент. – Она пожала пухлыми плечами – вроде бы и с улыбкой, но не без некоторого сожаления. – Вижу, у вас, леди Грей, есть список?

Я наконец вспомнила о делах, и весь последующий час мы бурно обсуждали преимущества и изъяны тех или иных лекарственных средств, перебирая в сарае пучки сушеных трав и срезая свежие на грядках. Осознав, что скоро мы вернемся в Ридж (и благодаря меткому замечанию мистера Бертрама о грядущем росте спроса на лекарства), я приобрела гораздо больше, чем собиралась, не только пополнив свои запасы (включая фунт сушеного китайского хвойника... что, черт возьми, мне делать с герцогом?!), но и прикупив хинина, девясила и даже лобелии, не считая обещанных Хантеру асафетиды и женьшеня.

В итоге оказалось, что в корзинку все не помещается, и мисс Бертрам предложила запаковать остатки и отправить вечером с одним из садовников, который живет в Филадельфии.

– Хотите напоследок посмотреть на наш новый ручей? – спросила она, мельком взглянув на небо. – Еще не все готово, правда... Однако то, что есть, выглядит здорово, и в это время дня там очень прохладно.

– О, спасибо, мне и правда... Подождите-ка! У вас там, случайно, нет свежего стреловидного листа?

В список я его, конечно же, не включала, но вдруг все-таки повезет?..

– Есть! – воскликнула она. – Уйма!

Мы стояли в одной из самых больших сушилен, и день уже клонился к вечеру; сползающее к горизонту солнце полосило стены сарая блестящим золотом, высвечивая дождь из пыльных частичек от сохнувших цветов. Мисс Бертрам, не колеблясь, выхватила из горы инструментов на столе деревянную лопатку и короткий нож.

– Хотите сами срезать?

Я радостно засмеялась. Копаться голыми руками в сырой глине – большинство женщин (особенно в одетых в бледно-голубой муслин) пришли бы от такого предложения в ужас. Однако мы с мисс Бертрам говорили на одном языке. Я уже несколько месяцев не возилась в земле, и кончики пальцев покалывало от нетерпения.

* * *

Ручей и впрямь оказался на диво прекрасен: берега обрамляли ивы и белые березы, отбрасывающие густую тень на заросли настурции, азалии и сочно-зеленого кресса. Я почти воочию чувствовала, как выравнивается у меня артериальное давление, пока мы с Сисси, прогуливаясь, болтали о всяческих пустяках.

– Вы не будете против, если я спрошу о квакерах? Одного моего коллегу, тоже квакера, изгнали из собрания, и его сестру заодно, потому что он, будучи хирургом, вступил в ряды Континентальной армии. Вы говорили об отце... Мне вот стало интересно: а это вообще имеет значение? Жить вне общины?

– А! – Она неожиданно рассмеялась. – Думаю, это зависит от человека – что для него значит быть квакером. Возьмем моего отца, к примеру: его исключили за отказ признавать

божественную сущность Иисуса Христа, однако он все равно ходил на собрания. Для него ничего не изменилось.

– О. – Звучит обнадеживающе. – А если... если дело касается женитьбы? Обязательно ли быть в какой-нибудь общине, чтобы заключить брак?

Она задумалась.

– Допустим, если женятся два квакера... то не нужен ни священник, ни какие-то сложные обряды. Брак у нас не является таинством. Но его, как вы наверняка знаете, обязательно надо заключать перед свидетелями – другими квакерами, – добавила она, озадаченно хмурясь. – А это будет непросто, если одного, или даже обоих, изгнали.

– До чего же интересно... спасибо!

Я задумалась, как это скажется на Дензиле и Доротее... и, если уж на то пошло, на Рэйчел и Йене.

– А могут ли квакеры заключать брак с... э-э-э... не квакером?

– Да, конечно. Хотя, думаю, в итоге община изгонит обоих, – с сомнением добавила Сисси. – Правда, в исключительных обстоятельствах возможно все. Думаю, решают в таких случаях старейшины.

Не хватало нам еще «исключительных обстоятельств». Впрочем, я все равно поблагодарила Сисси и продолжила разговор о растениях.

Она была права: стрелолиста и впрямь оказалась уйма! В ответ на мое изумление мисс Бертрам радостно улыбнулась и оставила меня в одиночестве, заверив напоследок, что я могу взять, если пожелаю, еще и лотос, и даже корневища тростникового аира.

– И свежий кресс, конечно же, – бросила она уже через плечо, махнув рукой на островки густой зелени. – Все, что пожелаете!

Она предусмотрительно захватила для меня мешковину, и я бережно, стараясь ничего не раздавить, расстелила ее на земле и встала коленями, подбирая, как могла, юбки. Над водой дул слабый ветерок, и я облегченно вздохнула, радуясь и неожиданной прохладе, и долгожданному уединению. Компания растений всегда меня успокаивала, и после суматохи последних дней (когда приходилось пусть не общаться, но, по крайней мере, терпеть присутствие других людей, которых все время надо убеждать, упрекать, направлять, запугивать, обманывать и гонять...) внезапная тишина, нарушаемая лишь шорохом листьев и журчанием реки, бальзамом проливалась на душу.

Передышка очень кстати. Если вспомнить Джейми, Джона, Хэла, Уильяма, Йена, Денни Хантера и Бенедикта Арнольда (не говоря уж о капитане Ричардсоне, генерале Клинтоне, Коленсо и всей это чертовой Континентальной армии), представители мужского пола изрядно потрепали мне нервы.

Я неторопливо рылась в земле, складывая корневища в корзину и перемежая каждый слой стеблями кресса. По лицу и между грудями струился пот, но я его не замечала. Казалось, я тихонько таю, дыханием и плотью обращаясь в ветер, землю и воду.

В деревьях гулко звенели цикады; комары и мошки сбивались в низкие тучи над головой. К счастью, мне они почти не досаждали, лишь изредка забивались в нос или чересчур близко пролетали у лица; должно быть, моя кровь двадцатого века была для здешних насекомых не слишком аппетитной, и меня – благодать для садовника! – почти не кусали.

Убаюканная отсутствием мыслей, я потеряла счет времени и пространству, и, когда перед глазами вдруг возникла пара больших стоптанных ботинок, в первый момент я недоуменно захлопала ресницами, словно бы наткнулась на лягушку.

И лишь потом подняла глаза.

* * *

– О, – глуповато сказала я. – Это ты!

Я выронила нож и радостно вскочила на ноги.

– Где тебя, черт возьми, носило?!

Джейми улыбнулся и взял меня за руки – грязные, мокрые... Его ладони были большими и твердыми.

– В телеге с капустой, – ответил он и оглядел меня с головы до пят, улыбаясь еще шире. – Славно выглядишь, саксоночка. Ты очень красивая.

– А ты не очень, – откровенно признала я. Он заметно истрепался, похудел и явно не выспался. Лицо, пусть и выбритое, измождено донельзя. – Что случилось?

Он хотел ответить, но вдруг передумал. Выпустил мои руки, хрипло кашлянул и посмотрел прямо в глаза. Улыбка пропала.

– Ты ведь легла в постель к Джону Грею?

Я, изумленно моргнув, нахмурилась.

– Ну, не совсем так.

Джейми вскинул брови.

– Он все мне рассказал.

– И что именно? – полюбопытствовала я.

– Хм... – теперь нахмурился уже он. – Грей сказал, что вступил с тобой в интимную связь. С чего бы ему врать?

– О. Тогда все верно. Интимная связь – да, так будет точнее.

– Но...

– Насчет «легла в постель»... Прежде всего, что постели не было. Начали мы на туалетном столике, а закончили, если не изменяет память, на полу...

Джейми вытаращил глаза, и я поспешила исправить неверное впечатление:

– ...Кроме того, эта фраза означает, что мы намеренно решили заняться любовью и в обнимку отправились в спальню. Однако все было совсем не так. Э-э-э... может, присядем?

Я указала на грубо сколоченную скамью, утопавшую в сливочных сугробах лютиков.

Узнав о спасении Джейми, о той ночи я больше не вспоминала, но, кажется, для него это все-таки важно. Попробуй теперь объяснись...

Он сдержанно кивнул и повернулся к скамье. Я последовала за ним, обратив внимание, как неловко он держит спину.

– Поясница болит? – хмуро спросила я, когда Джейми кое-как пристроился на сиденье.

– Что между вами было? – ответил он вопросом на вопрос. Вежливо, но довольно жестко.

Я набрала полную грудь воздуха... и беспомощно выдохнула, раздувая щеки.

Джейми зарычал. Я недоуменно захлопала ресницами: никогда в жизни не слышала от мужа таких звуков... по крайней мере, в свой адрес. Видимо, для него это и впрямь очень важно.

– Ну... – неловко начала я, присаживаясь рядом на краешек скамьи. – А что именно сказал Джон? Помимо «интимной связи».

– Он предложил мне его убить. И если ты сейчас тоже заявишь, чтобы я тебя убил, вместо того чтобы рассказать подробности, предупреждаю сразу: я за себя не ручаюсь!

Я пристально посмотрела на Джейми. Он пока еще держался, но и впрямь был крайне взвинчен.

– Э-э-э... Если честно, не знаю, с чего начать.

– С начала, – предложил он, уже не скрывая раздражения.

– Я сидела у себя в спальне, пила сливовый бренди и подумывала о самоубийстве. Чтобы ты знал, – в тон ему отозвалась я.

Ждала, он что-нибудь скажет, однако он только кивнул: мол, продолжай.

– Бренди кончился, и я все пыталась решить: то ли спуститься за новой бутылкой и свернуть при этом на лестнице шею, то ли мне уже хватит и можно смело пить лауданум лошадиными дозами. И тут пришел Джон.

Я слотнула; во рту вдруг липко пересохло, совсем как в ту ночь.

– Он говорил, что был пьян, – заметил Джейми.

– Не то слово. Он выпил еще больше моего, правда, на ногах держался.

В памяти всплыло лицо Джона: блее кости, только глаза красные и распухшие, точно в них насыпали песка. И этот взгляд...

– Он выглядел так, будто готов сигануть с крыши вниз головой, – тихо добавила я, глядя на сложенные руки. И снова вздохнула.

– В руке он держал еще одну бутылку. Поставил на столик рядом со мной, посмотрел и сказал: «Одному мне его сегодня не оплакать».

От этих слов меня снова пробило дрожью.

– И?..

– И то, – огрызнулась я. – Я велела ему сесть, он послушался, налил нам бренди, и мы выпили. Не помню даже, о чем мы говорили, но, кажется, о тебе. Потом он встал, и я тоже. Я не могла оставаться одна, и его нельзя было оставлять... поэтому я на него накинулась. В тот момент мне было просто необходимо, чтобы меня хоть кто-то обнял!

– И он этим воспользовался, как вижу.

Джейми произнес это до того цинично, что в лицо мне бросилась краска, но не стыда, а ярости.

– Он тебя принудил?

Я молча вытаращила глаза. Он что, серьезно?

– До чего же ты скотина! – прошипела я в изумлении. И тут в голову запоздало пришла одна жуткая мысль. – Ты сказал, он предложил себя убить... Неужели ты и правда?..

Джейми твердо выдержал мой взгляд.

– Ты бы огорчилась? – тихо спросил он.

– Да, еще как! – Я собралась с остатками духа. – Но я уверена, что ты его не убил.

– Нет. Не уверена, – еще тише отозвался он.

И я, хоть и понимала, что он блефует, ощутила ледяные мурашки по всему телу.

– Согласись, у меня имелось на то полное право.

– Нет. – Холод сменился кипящей яростью. – Не было у тебя никаких прав. Ты, черт возьми, умер!

Несмотря на злость, голос на последнем слове дрогнул, и Джейми вмиг переменялся в лице.

– Что?! Хочешь сказать, это не важно? – кипела я.

– Нет. – Он взял меня за перемазанную грязью руку. – Просто я не знал, что это настолько важно.

Голос у него вдруг сел, и я, повернувшись, увидела на его глазах слезы. Издав бессвязный звук, я бросилась ему на грудь и громко зарыдала.

Он крепко обнял меня, обжигая дыханием макушку, а когда я наконец успокоилась, отстранился и обхватил мое лицо руками.

– Саксоночка, я полюбил тебя с первого мгновения, – очень тихо сказал Джейми, не спуская с меня взгляда: усталого, налитого кровью, но пронзительно-синего. – И буду любить всегда. Можешь хоть со всей британской армией переспать, не важно... Хотя нет, – поправился он. – Еще как важно, но я все равно любить тебя не перестану.

– Я этого не хотела.

Я шмыгнула носом, и Джейми подал платок: весьма потрепанный, с кривоватой «П», вышитой в уголке синими нитями. Не представляю даже, где он раздобыл такую вещь.

Однако спрашивать не стала: сейчас нам обоим не до того.

Скамья была не слишком длинной, и мы почти касались коленями. Однако Джейми меня больше не обнимал. Сердце тревожно застучало. В любви он признавался всерьез, но это еще не значит, что наши разногласия решены.

– Мне показалось, Грей признался лишь потому, что был уверен: если не он, тогда все расскажешь ты, – осторожно начал Джейми.

– Так и есть. – Я высморкалась. – Только сперва дождалась бы, пока ты вымоешься и поешь. Насколько знаю мужчин, на сытый желудок вы настроены более благодушно. Ты когда последний раз ел?

– Нынче утром. Сосиски. И не пытайся сменить тему.

Голос звучал ровно, но в нем чувствовалось клокотание, будто в кастрюльке закипающего молока. Еще чуть-чуть – и оно вспенится, вулканом извергаясь на плиту.

– Я все понимаю, но хочу знать... должен знать, что между вами было?

– Правда понимаешь? – эхом переспросила я с удивлением.

Нет, я, конечно же, надеялась, что он поймет, но верилось в это слабо. Руки у меня уже были не ледяными, они взмокли от пота, и я вытерла их о юбку, не обращая внимания на оставшиеся разводы.

– Мне это не нравится, – процедил Джейми сквозь стиснутые зубы. – Но я понимаю.

– Правда?

– Правда. – Он пристально глядел мне в глаза. – Вы оба думали, что я мертв. А я знаю, саксоночка, какой ты бываешь, когда напьешься.

Я хлестнула его щеке – так неожиданно, что он не успел даже увернуться.

– Ты... ты... – зашипела я, не в силах подобрать для него оскорбление, в полной мере выразившее бы глубину моих чувств. – Да как ты смеешь!

Джейми бережно потер щеку. Губы у него чуть заметно дрожали.

– Я... хм... не совсем это имел в виду, саксоночка. И вообще, разве не я здесь пострадавшая сторона?

– Нет, – огрызнулась я. – Сперва тебя не было, потом ты... потом ты утонул, и я осталась одна с детьми на руках с-среди шпионов и с-солдат. И ты, и Фергус, оба вы ублюдки! Бросили меня, и Марсали тоже...

Я так кипела от переполнявших душу эмоций, что продолжать не смогла. И будь я проклята, если снова перед ним расплачусь!

А Джейми осторожно придвинулся и взял меня за руку. Я не стала вырываться, чувствуя его так близко, что могла разглядеть пылинки в бороде, обонять пропитавший одежду запах пота и дорожной грязи, ощущать исходивший от него жар.

Я силилась что-то сказать, но выдавала лишь бессвязные звуки. Джейми, не обращая внимания, расправил мне пальцы и принялся выписывать по ладони круги.

– Саксоночка, я вовсе не хотел сказать, что ты пьяница, – начал он, явно желая примирения. – Только то, что зачастую, Клэр, ты идешь на поводу у своего тела. Так всегда было.

Я наконец обрела дар речи.

– Ч-что ты хочешь этим сказать? Что я шлюха? Падшая женщина? Гулящая девка? Думаешь, это звучит лучше, чем пьяница?!

Джейми тихонько фыркнул. Я хотела было отнять руку, но он не отпустил.

– Я сказал, саксоночка, только то, что сказал. – Он крепче сжал пальцы, а другой рукой обхватил за предплечье, не давая встать. – Тобою движет твое тело. Разве не поэтому из тебя вышел такой хороший врач?

– Я...

Обида мигом испарилась. Надо признать, в его словах есть толика здравого смысла.

– Возможно, – ответила я, отводя глаза в сторону. – Но не думаю, что ты именно об этом говорил.

– Не совсем. – В его голосе вновь зазвенела сталь. – Послушай.

Я промолчала, но он меня не отпускал – а состязаться с ним в упрямстве бесполезно, хоть сто лет тренируйся. Нравится мне или нет, однако придется его выслушать... и самой сказать все, что он захочет узнать.

– Хорошо, – выдавила я.

Он перевел дух, но хватку не ослабил.

– Саксоночка, я тысячу раз делил с тобой постель, – негромко заговорил он. – Думаешь, я не замечал, как ты себя при этом ведешь?

– Вообще-то не меньше двух тысяч раз, а то и трех, – педантично поправила я, глядя на валявшийся на земле нож. – И да, замечал, наверное.

– Да, я знаю, какая ты в постели. И представляю... как у вас все было, – добавил он, поджав на мгновение губы.

– Ни черта ты не представляешь! – пылко ответила я.

Он хмыкнул, на сей раз нерешительно, и возразил:

– Представляю. Когда я потерял тебя, после Каллодена... я знал, что ты жива... но от этого было только хуже.

На сей раз хмыкнула уже я, но жестом велела ему продолжать.

– Я ведь рассказывал тебе про Мэри Макнаб? Как она пришла ко мне в пещеру?

– Не сразу, – холодно ответила я. – Но да, в конце концов ты собрался с духом и признался. И я тебя ни в чем не винила – и подробностей, кстати, не требовала.

– Да, не требовала, – признал он и потер нос костяшками пальцев. – Может, ты не ревнивая. В отличие от меня. – Он нерешительно замолчал. – Я расскажу тебе, как все было... если хочешь.

Я смотрела на него, кусая губы. Хочу ли? Если откажусь – не воспримет ли он это как знак, что мне все равно? Джейми ведь неспроста сказал: «В отличие от меня».

Я глубоко вздохнула, принимая условия сделки.

– Ладно. Расскажи.

Джейми отвел глаза и с усилием сглотнул.

– Это было... нежно, – тихо произнес он после долгой паузы. – И грустно.

– Грустно? – эхом повторила я. – То есть как это?

Он не сводил взгляда с жирного черного шмеля, сновавшего среди цветов.

– Мы оба оплакивали свою потерю, – медленно произнес Джейми, хмуря брови. – Она сказала, что хотела бы хоть ненадолго тебя вернуть... Наверное, имела в виду, чтобы я вместо нее представлял тебя.

– Не вышло?

– Нет.

Он поднял глаза, и его взгляд пронзил меня острым клинком.

– Такой, как ты, больше нет.

Это прозвучало вовсе не как комплимент. Даже словно бы обиженно.

Я молча пожала плечами. А что тут еще можно ответить?

– И?

Джейми вздохнул и вновь перевел взгляд на сцепленные руки. Правой он сжимал левую, словно бы напоминая себе о недостающем пальце.

– Было тихо. Мы больше не разговаривали.

Глаза он зажмурил. Мне невольно стало интересно, что же он сейчас перед собой видит? Однако, кроме любопытства, я, как ни странно, более ничего не испытывала... разве что жалость к ним обоим. Я ведь своими глазами видела пещеру, где они занимались любовью, – ту ледяную гранитную могилу... И вообще, в те дни на шотландском нагорье жить было несладко. Хотелось ощутить хоть капельку тепла...

«Оба мы оплакивали свою потерю» – так он сказал.

– Это случилось один лишь раз. И длилось не очень долго... У меня же... давно никого не было, – сказал он, заливаясь краской. – Но... Я без этого не смог бы. Она потом меня обняла, и... в этом я тоже нуждался. Я так и уснул в ее руках, а когда проснулся, она уже ушла. Но ее тепло осталось со мной. Надолго, – тихо закончил он.

А меня вдруг захлестнула ревность, и я, чтобы справиться с ней, стиснула кулаки и выпрямила спину. Джейми заметил, что я напряглась, и повернул голову.

– А как это было у вас? – спросил он, глядя прямо в глаза.

– Никакой нежности, – резко отозвалась я. – Или грусти. Когда он пришел и сказал, что не может оплакать тебя в одиночестве, мы поговорили. Потом я встала и подошла... сама не знаю зачем; в голове ни одной связной мысли не имелось.

– Неужели? – в тон мне отозвался он. – Ты что, напилась до поросычьего визга?

– Да, и он тоже! – огрызнулась я.

Знаю ведь, о чем он думает: Джейми и не пытался этого скрыть. Я внезапно вспомнила о том, как мы сидели в той таверне в Кросс-Крике, а он вдруг обхватил мое лицо ладонями и поцеловал, а губы его были сладкими от вина.

Я вскочила со скамьи и хлопнула по ней рукой.

– Да, до поросычьего визга! – заорала в ярости. – Я каждый день пила без просыху с тех пор, как услышала о твоей смерти.

Он протяжно выдохнул, снова зацепившись взглядом за сцепленные на коленях руки. Очень медленно Джейми разжал пальцы.

– И что же ты получила от Грея?

– Грушу для битья. По крайней мере, с этого мы начали.

Джейми изумленно вытаращил глаза.

– Ты его ударила?

– Нет, я ударила тебя! – рявкнула я.

Рука невольно сжалась в кулак, вспомнив тот первый удар в беззащитную плоть – слепой, безумный, выплескивающий всю глубину моего горя. На краткий миг я ощутила чужое тепло, но оно тут же пропало – а через секунду вернулось, когда меня швырнули на туалетный столик, хрустнувший под тяжестью, и навалились сверху, сжимая запястья и заставляя выть в голос от ярости. Что происходило дальше, помнила я смутно... точнее, отдельные фрагменты очень даже хорошо, но в цельную картину они не складывались.

«Как в тумане», – говорят про подобные случаи. Это значит, что объяснить такое невозможно; если сам не пережил, все равно не понять.

– Мэри Макнаб, – сказала я невпопад. – Она дала тебе... как ты говорил – нежность? Наверное, можно как-то описать и то, что дал мне Джон, только я это слово еще не придумала.

А мне оно крайне необходимо.

– Может быть, насилие. Отчасти.

Джейми заметно напрягся. Поняв его опасения, я покачала головой:

– Не в этом смысле. Я ушла в себя. Глубоко, чтобы ничего не чувствовать. А Джон... Он был сильнее. И заставлял меня чувствовать. Поэтому я его ударила.

Джон будто срывал с меня пелену отрицания, шелуху каждодневных бытовых забот, благодаря которым я держалась на ногах и хоть как-то существовала. Он сдирал бинты с гнойной раны горя, обнажая мое истекающее кровью нутро, не желающее заживать.

Густой воздух, влажный и горячий, застревал в горле. Наконец я нашла нужное слово.

– Тriage, – внезапно сказала я. – Так в медицине называется сортировка больных. Под всей этой шелухой я... умираю. Истекала кровью. А когда сортируешь больных... в первую очередь надо остановить кровотечение. Просто остановить. Иначе пациент не жилец. Вот Джон и... остановил кровь.

Залепив мою рану своей собственной – своим горем, яростью... Две раны, сжатые вместе: кровь течет, но уже не теряется зря, она попадает из одного организма в другой, горячая, жгучая, чуждая – но при этом дарующая жизнь.

Джейми пробормотал что-то на гэльском; большую часть слов я не разобрала. Он сидел, повесив голову, упираясь локтями в колени, и шумно дышал.

Я села рядом и тоже вздохнула. Цикады трещали все громче; их стрекотание, заглушавшее даже шелест воды и листьев, пробирало до самых костей.

– Будь он проклят, – пробормотал наконец Джейми и выпрямился. Он выглядел злым – но сердился отнюдь не на меня.

– А Джон... с ним все хорошо? – робко спросила я.

К удивлению – и некоторому облегчению, – Джейми чуть заметно улыбнулся.

– Да. Хорошо. В этом я уверен.

Хотя в голосе, как ни странно, прозвучало некоторое сомнение.

– Ты что, черт возьми, с ним сделал?! – встrepенулась я.

Он сжал на миг губы.

– Ударил. Дважды, – добавил он, отводя глаза.

– Дважды? – потрясенно переспросила я. – А он что?

– Ничего.

– Неужели...

Я откинулась на спинку скамьи. Теперь, успокоившись, отчетливо видела, что Джейми... Тревожится? Испытывает вину?

– И почему же ты его ударил?

Я постаралась, чтобы в голове прозвучало лишь любопытство, а не возмущение. Видимо, не преуспела, потому что Джейми вскинулся, словно ужаленный в задницу медведь.

– Почему? И ты еще спрашиваешь?!

– Вообще-то да, – съязвила я. – Что он такого сделал, чтобы его бить? Еще и дважды.

Нет, Джейми запросто мог кому-нибудь врезать, но обычно на то имелась веская причина.

Он недовольно фыркнул. Однако когда-то, давным-давно, Джейми обещал быть со мной честным – и до сих пор своего слова не нарушил. Он расправил плечи.

– Первый раз это было личное. Я вернул ему старый долг.

– То есть, выходит, ты просто дождался удобного случая? – уточнила я, остерегаясь спрашивать, что за «личный старый долг» мог у него остаться.

– У меня просто не было выбора, – раздраженно отозвался тот. – Он сказал кое-что оскорбительное, и я его ударил.

Я не стала ничего спрашивать, только шумно выдохнула через нос, чтобы Джейми услышал. Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь плеском реки.

– Он сказал, что вы двое не занимались любовью друг с другом, – пробормотал наконец он, опуская взгляд.

– Ну конечно... Я же говорила. Мы ведь... Ох!

Джейми свирепо уставился на меня.

– Вот именно – «ох!», – передразнил он с сарказмом. – «Мы оба трахались с тобой» – вот что он сказал.

– Понятно, – пробормотала я. – М-да. Хм... Да, так и было... – Я потерла переносицу и повторила: – Понятно.

И впрямь яснее некуда. Джейми и Джона связывала давняя крепкая дружба, но я знала, что в основе ее – строжайший запрет каким бы то ни было образом намекать на влечение, которое лорд Грей испытывает к моему мужу. И если Джон настолько потерял самообладание, чтобы покуситься на святое...

– А второй раз?

Подробности первого я решила не выяснять.

– А второй раз уже за тебя, – сказал он, и голос у него смягчился, а хмурые складки на лице разгладились.

– Польщена, – отозвалась я с как можно большей иронией. – Но, право, не стоило.

– Да, теперь я понимаю. – Джейми немного покраснел. – Но я слишком вышел из себя и не мог уже сдержаться. *Ifrinn!* – буркнул он, наклонился за ножом и с силой вонзил его в перекладину скамьи.

Закрыв глаза и сжав губы, он забарабанил пальцами правой руки по бедру. Джейми давно так не делал – с тех самых пор, как я ампутировала обмороженный безымянный палец. Лишь теперь я осознала, насколько все плохо.

– Скажи, – попросила я чуть слышно сквозь стрекот цикад. – Скажи, о чем ты думаешь.

– О Джоне Грее. О Хелуотере. – Глубоко вздохнув, он открыл глаза, хотя избегал встречаться со мной взглядом. – Там я выдержал. Замотался в кокон, как бы ты сказала. Наверное, тоже начал бы пить, выдайся такая возможность.

Он дернул губами и сжал правую руку в кулак, тут же удивленно на нее уставившись: последние тридцать лет она почти не гнулась. Джейми разжал кулак и положил открытую ладонь на колено.

– Я справился. Но там была Женева... Я ведь и про нее тебе рассказывал?

– Да.

Он вздохнул.

– И там был Уильям. Когда Женева умерла, это случилось по моей вине, как нож в сердце... а потом появился Уильям... – Голос его стал мягче. – Ребенок расплосовал меня, саксоночка. Вывернул все кишки наизнанку.

Я накрыла его руку своей, он перевернул ладонь, сплетаясь со мной пальцами.

– А чертов содомит меня исцелил, – сказал он так тихо, что я едва расслышала за шелестом реки. – Исцелил своей дружбой.

Джейми набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул.

– Нет, я не убил его. Не знаю, хорошо это или плохо, но я его не убил.

Тоже вздохнув, я прижалась к плечу Джейми.

– Я так и знала. И очень этому рада.

Туман сгустился в серо-стальные тучи, решительно плывущие над рекой и рокочущие громом. Всеми легкими я втянула в себя запах озона, а еще мужской кожи. От Джейми пахло хищным зверем, что уже само по себе аппетитно, но теперь к обычному аромату добавились загадочные – хотя и вкусные – нотки: колбасное амбре, резковатый душок капусты и... да, горчица, причем с какими-то странными специями.

Я принюхалась к Джейми, с трудом подавив желание его лизнуть.

– Ты пахнешь, как...

– Я пахну, как шукрут³³, – перебил он, скривившись. – Погоди. Сейчас помоюсь.

Он встал и шагнул было к реке, но я поймала его за руку.

³³ Шукрут – эльзасское блюдо из квашеной капусты с мясом.

Джейми посмотрел на меня и медленно притянул к себе. Я не сопротивлялась. Более того, руки сами поднялись его обнять, и мы с облегчением выдохнули в унисон.

Я была бы рада просидеть так вечность, вдыхать острый пыльный запах капусты и слушать стук сердца под моим ухом. Все сказанное – и недавно случившееся – никуда не делось, оно витало рядом с нами призраками из ящика Пандоры, но сейчас, в эту секунду, утратило всякий смысл.

Джейми заправил влажные кудри мне за ухо. Откашлялся и заерзал, и я неохотно его выпустила, хотя и положила руку ему на бедро.

– Хочу кое-что сказать, – заявил он вдруг очень серьезно, словно выступая перед судом.

Сердце, успокоившееся было, вновь затрепетало.

– Что?

Прозвучало это до того испуганно, что он засмеялся. Всего лишь раз фыркнул – но я с облегчением перевела дух.

Джейми взял меня за руку и заглянул в глаза.

– Не буду говорить, что мне все равно, ведь это совсем не так. И не буду обещать, что на этом успокоюсь. Скажу лишь одно: ничто, никакая сила на всем белом свете не сумеет нас с тобой разлучить. Или ты не согласна?

Он приподнял бровь.

– Еще как согласна! – с жаром ответила я.

Джейми выдохнул и уронил напряженные плечи.

– Хорошо. Потому что даже будь ты против, тебя бы это не спасло. И еще один вопрос. Ты жена мне?

– Ну конечно же, – в изумлении отозвалась я. – А как иначе?

Испустив шумный вздох облегчения, Джейми стиснул меня в объятиях. Я тоже обхватила его руками, сжимая изо всех сил, и мы выдохнули уже вместе. Он склонил голову, целуя мне волосы, а я прильнула к его плечу в распахнутом вороте рубашки; ноги у нас подогнулись, и мы сползли на свежевзрыгую землю, укореняясь в ней, словно сбросившее листву дерево с одним стволом – крепким, монолитным – на двоих.

С неба упали первые капли дождя.

* * *

Джейми заметно просветлел, из синих глаз исчезла тревога... по крайней мере, на время.

– Где здесь можно найти постель? Я хочу тебя.

Я была только за, но вот вопрос меня смутил. В дом Джона мы, конечно же, пойти не могли – уж явно не за тем, чтобы заняться любовью. И если, допустим, сам Джон не стал бы возражать, одна мысль о том, что скажет миссис Фигг, вздумай я заявиться в дом в обнимку с верзилой шотландцем и подняться с ним в спальню... К тому же нельзя забывать и про Дженни...

С другой стороны, мне не хотелось укладываться голышом на лютиковую клумбу, где нам в любой момент могли помешать Бертрамы, кусачие шмели или внезапный ливень.

– Может, постоялый двор?.. – предложила я.

– А здесь есть такой, где тебя не знают? И чтоб поприличней?

Я нахмурилась. «Королевский герб», само собой, отпадает. Что до остальных... Неподалеку были две-три гостиницы, Марсали обычно брала там эль или пироги, но хозяйева меня знали – как леди Грей, естественно.

И дело даже не в том, что Джейми лучше сторониться знакомых... Просто после известий о его трагичной гибели и моем поспешном браке с лордом Джоном люди и без того о нас

толковали. И если вдруг полковник Фрэзер воскреснет из мертвых и явится за женой – эта новость взорвется бомбой и затмит даже уход британской армии из города.

Вдруг вспомнилась наша первая ночь, когда Джейми подбадривали из-за стены пьяные шотландцы. Я представила, как история повторяется и обычные посетители кабачка засыпают нас советами.

Может, на крайний случай где-нибудь здесь под кустом отыщется уютный уголок? Я огляделась. Однако день уже клонился к вечеру, и москиты с мошкаррой вились под деревьями плотоядными тучками.

– Я найду нам место.

* * *

Джейми пинком распахнул дверь нового сарая для рассады, и мы очутились в пасмурной темноте, пахнущей горячими досками, землей, водой, влажной глиной и растениями.

– Ну как, пойдет? – спросила я.

Впрочем, Джейми искал укромное место отнюдь не для разговоров и новых упреков. Так что мой вопрос получился риторическим.

Он поставил меня на ноги, повернул к себе спиной и принялся распутывать завязки на платье. Дыхание обжигало голую кожу на шее, заставляя дрожать крохотные волоски.

– А ты... – начала я, но меня тут же перебили властным «Тихо!».

Я замолчала, как и он, услышав негромкий разговор Бертрамов неподалеку. Кажется, они на задней веранде дома, который отделяла от реки густая изгородь английского тиса.

– Они нас не слышат, – вполголоса предупредила я.

– А мы и не будем говорить, – прошептал Джейми и, подавшись вперед, ласково сомкнул зубы на тонкой коже шеи.

– Тихо, – рыкнул он снова.

Хотя я ничего не говорила, а мой стон получился слишком писклявым и мог встревожить разве что летучую мышь. Я выдохнула через нос и почувствовала, как Джейми дрожит от смеха.

Корсет ослаб, и под мокрую ткань сорочки пробрался прохладный воздух. Джейми помедлил, одной рукой распутывая ленты на юбках, а другой обхватил грудь, принявшись пальцем потирать сосок, твердый и круглый, словно вишневая косточка. Я снова застонала, уже не так пронзительно.

Хорошо все-таки, что Джейми левша, ведь именно левой рукой ему выпало избавлять меня от юбок... Наконец они кучей осели у ног, а меня неожиданно посетило яркое видение (как раз когда Джейми выпустил мою грудь и сдернул через голову сорочку) – как молодой мистер Бертрам решает вдруг проверить, не завяли ли саженцы розмарина... Вряд ли он умрет с испугу, но все-таки...

– Не будем мелочиться, – прошептал Джейми, видимо, прочитав мои мысли, когда я повернулась к нему голая, прикрываясь на манер Венеры Боттичелли. – Я, пожалуй, тоже разденусь.

Усмехнувшись, он стянул грязную рубаху (пальто Джейми сбросил еще у скамьи) и, не озаботившись тем, чтобы развязать тесемки, рывком сорвал штаны: те болтались совсем свободно, держась лишь на выпирающих костях, – так сильно он исхудал. Затем Джейми наклонился, чтобы спустить чулки, и под кожей проступили ребра.

Он выпрямился, и я положила руку ему на грудь. Она была теплой и влажной, рыжие волоски поднимались дыбом. Густо пахло мужским желанием, даже сильнее, чем травами и кислой капустой.

– Не так быстро, – прошептала я.

Он раздраженно рыкнул и потянулся ко мне, но я уперлась пальцами ему в грудь.

– Сперва я хочу поцелуй.

Джейми прижался губами к моему уху, облапывая зад.

– Разве ты в том положении, чтобы командовать? – прошептал он, крепко сжимая мне ягодицы.

– Да, черт возьми!

В ответ я тоже ухватила пальцами за кое-какую часть его тела. Да, ему летучих мышцей таким стоном не распугать...

Задыхаясь, мы смотрели друг другу в глаза, стоя в обнимку столь близко, что даже в темноте могли разобрать выражения лиц. Под насмешкой Джейми я видела строгость, под бравадой – нерешительность.

– Я твоя жена, – прошептала, касаясь его губами.

– Знаю, – тихо, очень тихо отозвался он и поцеловал.

Потом закрыл глаза и провел по лицу ртом, не целуя, а скорее очерчивая линии скул, бровей и подбородка, словно бы стремясь познать меня всю – до самого сердца, бьющегося под дрожащей плотью.

Я издала тихий звук и попыталась поймать его губы, прильнув к мужу, такому прохладному и влажному, щекотавшему меня волосками, всем телом. Между нами покачивалась восхитительно твердая плоть. Однако Джейми ускользнул от моих поцелуев. Сгреб на затылке волосы, заставил отстраниться и свободной рукой на манер слепого продолжил ласкать лицо.

Раздался грохот: спиной я задела стол для рассады, и поднос с горшками громко звякнул, замахав пряными листьями базилика. Джейми локтем отодвинул поднос в сторону и усадил меня на стол.

– Сейчас, – задыхаясь, выпалил он. – Не могу больше терпеть.

Он прильнул ко мне – и внезапно стало безразлично, не остались ли на столе осколки.

Я обхватила Джейми ногами, а он опрокинул меня на спину и навалился сверху, держась руками за стол и громко постанывая не то от наслаждения, не то от боли. Он медленно задвигался во мне, и я задохнулась от восторга.

По оловянной крыше сарая звонко барабанил дождь, заглушая любые мои стоны. Похолодало, но духота никуда не делась; наши тела были потными и разгоряченными. Джейми двигался медленно, и я выгнула спину, его подгоняя. Он в ответ обхватил меня за плечи и ласково поцеловал, почти остановившись.

– Я не буду этого делать, – прошептал он, не отзываясь на мои тщетные попытки добиться от него большей страсти.

– Что не будешь? – выдавила я.

– Не буду тебя наказывать, – сказал он так тихо, что я едва разобрала. – Не буду, слышишь?

– Не нужны мне твои наказания, ублюдок! – огрызнулась я, пытаюсь его оттолкнуть. – Я хочу... Господи, да ты сам знаешь, чего я хочу!

– Да, знаю.

Он обхватил меня за ягодицу, касаясь скользкого места, где соединялись наши тела. Я негромко застонала в знак поражения и бессильно обмякла.

Джейми отстранился, но тут же рывком вновь меня наполнил, вызывая крик наслаждения.

– Позови меня в свою постель, – задыхаясь, произнес он, сплетая со мной пальцы. – И я приду. Хотя нет, все равно приду, позовешь ты или нет. Но помни, саксоночка, – я твой мужчина и буду твоим, покуда жив.

– Да! – выпалила я. – Пожалуйста, Джейми. Я так тебя хочу!

Он стиснул мне задницу обеими руками, оставляя синяки, и я выгнулась под ним, бес- сильно скользя ладонями по мокрой от пота коже.

– Черт возьми, саксоночка. Ты мне нужна!

Дождь с ревом колотил по олову крыши; рядом ударила сине-белая молния, едко пахнув- шая озоном. Мы вместе оседлали ее, раздвоенную и слепяще-яркую, и гром эхом прокатился по нашим телам.

Глава 25

Дайте мне свободу

Закат третьего дня вне стен родного дома лорд Джон Уильям Бертрам Армстронг Грей встретил человеком свободным и сытым, с мозолями от кандалов и туманом в голове. Сжимая старый дрянной мушкет, он стоял навтыжку перед преподобным Пелегом Вудсвортом, вски- нув правую руку, и повторял, как было велено:

– Я, Бертрам Армстронг, клянусь быть верным Соединенным Штатам Америки и прав- дою служить им против любых врагов и противников, клянусь повиноваться распоряжениям Континентального Конгресса и исполнять все приказы генералов и вышестоящих офицеров.

Черт возьми! И что ему делать теперь?

Часть 2 Тем временем

Глава 26 Шаг во тьму

30 октября 1980 года

Крэг-на-Дун

На спине между лопаток Баккли темнело мокрое пятно; день выдался прохладным, но подъем на Крэг-на-Дун был очень крутым... Вдобавок от одной мысли о том, что ждет их на вершине, бросало в пот.

– Тебе не обязательно идти со мной, – сказал Роджер ему в спину.

– Пошел к черту.

Прадед огрызнулся рассеянно, словно бы между делом: все его внимание, как и Роджера, сосредоточилось на далеком гребне холма.

Роджер даже отсюда слышал камни: их низкий зловеший гул, словно в улье разъяренных пчел. Этот звук пробирался под кожу, и Баккли яростно заскреб локоть, будто надеясь избавиться от жуткого зуда внутри. Потом вдруг остановился, одной рукой держась за низкую кривую березку, и спросил через плечо:

– Камни у тебя, да?

– Да, – коротко отозвался Роджер. – Тебе твой сейчас отдать?

Тот покачал головой и свободной рукой убрал с лица взлохмаченные волосы.

– Потом.

И вновь принялся карабкаться на холм.

Роджер знал, что алмазы на месте, – и Бак тоже, – однако все равно сунул руку в карман. Тихо звякнули два металлических осколка – половинки старой броши, которую Брианна разломилла надвое кухонными ножницами. На каждой – пяток крохотных, размером с крошку, бриллиантов. Господи, только бы их хватило! Потому что, если не хватит...

Было не так уж холодно, но Роджера все равно пробрала дрожь. Он делал это уже дважды – даже трижды, если считать первую неудачную попытку, которая его чуть не прикончила. В Окраоуке он надеялся, что ему в последний раз довелось побывать в том жутком, выворачивающем наизнанку тело и душу месте, где не имелось ни времени, ни пространства. Тогда при переходе его удержала лишь тяжесть сына на руках. И вот – опять ради Джема – он снова сюда пришел.

Туннель гидроэлектростанции под дамбой на озере Эррочти

Должно быть, он добрался до самого конца туннеля. Воздух, обдувавший лицо, внезапно стал каким-то другим. Хотя сам Джем ничего не видел, кроме красной лампочки на приборной панели... Или как там у поезда называется эта штука?

Ему ужасно не хотелось останавливаться, потому что в таком случае он будет вынужден снова вылезти из кабины в непроглядную темноту. Но дальше поезду все равно идти некуда, так что выбирать не приходится.

Он тронул рычаг, и паровоз замедлил ход. И еще чуть-чуть. И еще. Наконец рычаг громко щелкнул, сдвигаясь до отказа, и поезд с небольшим рывком замер; Дjemu даже пришлось ухватиться за край кабины, чтобы не упасть.

Двигатель у поезда был электрическим и не шумел, но колеса по рельсам стучали громко, и паровоз скрипел. Теперь же, когда он остановился, шум тоже смолк. Стало очень-очень тихо.

– Эй! – сказал Джем вслух, лишь бы не слушать биение собственного сердца.

Голос эхом отразился от стен, и Джем вздрогнул. Мама ведь говорила, что туннель высокий, до потолка больше тридцати футов. Просто он забыл. Становилось жутковато от одной мысли, что над головой столько пустого пространства. Нервно сглотнув, Джем, держась одной рукой за окно, вылез из крохотной кабины.

– Эй, – снова крикнул он в невидимый потолок. – А летучие мыши здесь есть?

Тишина. Хотя бы тут и впрямь были летучие мыши... Их он не боялся – в старом брохе этих тварей полным-полно, и Джем частенько сидел там вечерами, глядя, как они выбираются на охоту.

Однако здесь он был один. Наедине с темнотой.

Ладони взмокли. Он выпустил край кабины и вытер их о джинсы. Теперь он слышал собственное дыхание.

– Вот дерьмо, – прошептал Джем под нос. Полегчало, и он выругался снова. Может, стоило бы вместо этого молиться, но он пока что не чувствовал в себе такой готовности.

Мама говорила, тут есть дверь. В самом конце туннеля. Она ведет в служебное помещение, откуда с дамбы поднимают большие турбины, если их надо отремонтировать.

А что, если дверь заперта?!

Джем внезапно понял, что отошел от поезда и теперь не знает, куда идти: вдруг в темноте нечаянно он повернул обратно, в ту же сторону, откуда приехал? В панике он заметался взад-вперед, вытягивая руки и пытаясь нашарить кабину. Споткнулся о рельс и упал ничком. Несколько секунд лежал, бормоча под нос: «Дерьмо-дерьмо-дерьмо-дерьмо!», потому что разбил оба колена и стесал ладони.

Но это даже хорошо, ведь теперь он знает, где рельсы, и может идти по ним, больше не теряясь.

Джем встал, вытер нос и медленно двинулся вперед, всякий раз ступая на шпалы, чтобы нечаянно не свернуть в сторону. Отошел он не очень далеко, так что куда идти – не важно, вот-вот он найдет либо паровоз, либо конец туннеля. А потом и дверь. Если она заперта, можно будет...

И тут его словно ударило током. Ахнув, Джем упал. Его будто бы огрели световым мечом вроде того, что есть у Люка Скайуотера. На мгновение Джем показалось, будто ему отрубили голову.

Он не чувствовал тела, но в мыслях отчетливо видел, как оно в темноте истекает кровью, а голова лежит рядом, на рельсах. Джем сдавленно пискнул, пытаясь закричать; живот напрягся, и он, слава богу, это ощутил. Слова молитвы сам собой потекли на язык.

– *Deo... gratias!*³⁴ – выдохнул он.

Дедушка всегда так говорил, рассказывая о битвах и убийствах. Пусть не совсем молитва, но тоже сгодится.

Теперь Джем чувствовал свое тело, но все равно первым делом, как сел, схватился за шею убедиться, что голова на месте. Кожа странно подрагивала. Как у лошади, когда ее кусает шершень, только по всей поверхности тела. Сглотнув, он ощутил на языке вкус сладкого серебра и снова ахнул. Джем понял, что именно его ударило.

Это было не совсем так, как когда они проходили сквозь камни в Окракоуке. Там он сидел на руках отца – и вдруг его рассосало на тысячу жидких частиц, словно ртуть в бабушкином кабинете. А потом он снова собрался, а папа сжимал его так крепко, что нечем было дышать.

³⁴ Слава богу! (*лат.*)

А еще папа плакал, и это очень пугало. А во рту был такой же забавный вкус, и частички внутри будто бы пытались снова разлететься, но кожа их удерживала...

Да. Поэтому кожу и дергало. Джем перевел дух, поняв наконец, что с ним творится. Все будет хорошо. Он цел. А это пройдет.

Уже прошло; раздражающая тряска понемногу утихала. Джем встал на шаткие ноги. Осторожно, ведь он не знал, что вокруг.

Постойте-ка – знал. Точно знал!

– Странно, – сказал он вслух, сам того не заметив, потому что темноты больше не боялся. Она утратила смысл.

Видеть он по-прежнему не мог, по крайней мере, не глазами. Джем прищурился, пытаюсь понять, как это получается, но без толку. Это было как слышать, или нюхать, или чувствовать на ощупь, только иначе.

Однако Джем знал, что находится впереди, прямо перед ним... какое-то дрожание в воздухе... и когда он туда смотрел, то в глубине души оно казалось сверкающим, как морские волны под солнцем... или, например, пламя свечи сквозь красную стекляшку...

Хотя Джем знал, что на самом деле вовсе ничего не видит.

Оно протянулось на всю ширину туннеля и до самого потолка. Но было не толстым, а почти прозрачным, как воздух.

Видимо, именно поэтому Дজেма и не засосало сразу, как тогда в камнях у Окраоука. Точнее, он надеялся, что не засосало... На мгновение он испугался, что попал в какое-то другое место. Но нет. Туннель был таким же, да и кожа давно перестала прыгать. Тогда, в Окраоуке, он сразу понял, что стало иначе.

Джем постоял еще немного, просто глядя на эту штуку, потом качнул головой и развернулся, нащупывая ногой рельс. Нет уж, спасибо, сквозь эту дрянь он в жизни не пойдет...

Теперь главное, чтобы дверь не была заперта.

Хозяйский кабинет. Поместье Лаллиброх

Брианна взвесила в руке нож для писем, но, просчитав расстояние от стола до Роба Кэмерона и оценив легкость лезвия на деревянной рукояти, неохотно заключила, что убить этого подонка не получится. Пока что.

– Где мой сын?

– Он цел.

Брианна встала, и Кэмерон невольно попятился. Однако тут же вспыхнул и покрепче стиснул зубы.

– Да я, черт возьми, и не сомневаюсь, что он цел, – огрызнулась она. – Я спросила, где он?

– О нет, детка... – Кэмерон с небрежным видом покачался на каблуках. – Так мы не играем. Не сегодня.

Черт возьми, и почему Роджер не хранит в ящике стола какой-нибудь молоток или отвертку? Не степлером же кидаться в этого козла... Брианне пришлось обеими ладонями упереться в стол, иначе она прыгнула бы и вцепилась в горло этому ублюдку голыми руками.

– А я и не играю, – выдавила она сквозь стиснутые зубы. – И ты тоже. Где Джемми?

Он покачал длинным пальцем.

– Ты, миссис Маккензи, здесь больше не босс. Я теперь главный.

– О, серьезно, ты так считаешь? – обманчиво мягким тоном осведомилась она.

Мысли беспорядочно скользили песчинками в часах: что, если... нет... а вдруг, может...

– Да-да, именно так. – Побагровев еще сильнее, Кэмерон облизнул губы. – Теперь ты, детка, узнаешь, каково торчать на самом дне.

Глаза у него лихорадочно блестели; сквозь короткую стрижку Брианна видела, как на ушах собирается пот. Может, накурился какой дряни? Хотя вряд ли... На Кэмероне были тес-

ные штаны, и он безо всякого стеснения мял промежность, где уже прорисовывалась выпуклость.

Брианна стиснула зубы.

Не в этой жизни, ты, сволочь!

Глядя Кэмерону прямо в глаза, боковым зрением она пыталась его осмотреть. Оружия вроде бы не видать, карманы не оттопыриваются... Он правда думает, что без кандалов и кувалды сумеет принудить ее к сексу?

Кэмерон ткнул пальцем в пол перед собой.

– Иди сюда, сладкая, – тихо велел он. – И снимай штанишки. Сейчас узнаешь, каково это – когда тебя имеют в жопу день ото дня. Ты меня вконец уже затрахала, так что все будет честно.

Очень медленно она встала из-за стола, но остановилась, не доходя до Кэмерона пару шагов. Вслепую, не желая отводить от насильника взгляда, нащупала пуговицу джинсов. Сердце так тяжело билось в ушах, что она почти не слышала его пыхтящее дыхание.

Кэмерон невольно облизнулся и сглотнул, когда она спустила штаны с бедер.

– И трусы тоже, – приказал он, задыхаясь. – Снимай.

– А ты не часто насилуешь женщин, да? – резко ответила она, вылезая из штанин. – Куда так торопишься?

Брианна подняла джинсы и стала сворачивать якобы затем, чтобы положить на стол, но внезапно, сжимая низ штанин, развернулась и взмахнула ими.

Тяжелый пояс с латунной пуговицей и массивной молнией огрел Кэмерона по лицу, и тот удивленно покачнулся. Он перехватил джинсы. Брианна тут же выпустила их, вскочила на стол и прыгнула на Кэмерона, метя в него плечом.

Они с грохотом, тряхнув половицами, упали на ковер, но Брианна оказалась сверху. Она вдавила колени ему в живот и, схватив за уши, что было сил приложила затылком о пол. Кэмерон сдавленно вскрикнул, потянулся было ее схватить, но она тут же убрала руки и вцепилась ему в промежность.

Если б штаны не были такими тесными и ткань не выскальзывала из пальцев, она к черту оторвала бы ему яйца. Впрочем, Брианне и без того удалось стиснуть пальцы так сильно, что он заорал и выгнулся от боли, едва ли не скинув ее с себя.

Врукопашную с ним не справиться. Нельзя, чтобы он ее ударил. Брианна вскочила на ноги и принялась озираться в поисках чего-нибудь тяжелого. Схватила ящик для писем и огрела Кэма по затылку – тот как раз вставал. Удар пришелся вскользь, но посыпавшийся ворох писем на секунду ошеломил ублюдка, так что Брианна, стиснув зубы, со всей дури дала ему в челюсть ногой. Удар по потному лицу вновь пришелся вскользь, но Кэмерону явно досталось.

И самой Брианне тоже: всю ногу от пятки до бедра прострелило болью; наверное, сломала что-нибудь или порвала связки... Плевать.

Кэмерон отчаянно тряс головой, стоя на четвереньках. Он пополз было к ней, хватая за щиколотку. С диким воплем Брианна пнула его в лицо, вырвалась и, хромая, выскочила в коридор.

По стенам для украшения висело оружие: маленькие круглые щиты и палаши, но слишком высоко, чтобы до них не дотянулись дети. Впрочем, имелось и кое-что получше. Брианна подскочила к вешалке и вытащила из-за нее крикетную битку Джема.

Убивать нельзя. Даже странно, что в голове остались связные мысли. Но убивать его нельзя. Рано. Пусть сперва скажет, где Джем.

– Гребаная... сука.

Кэмерон почти нагнал ее, задыхаясь, ослепнув от крови, текущей по лбу, и булькая сукровицей из разбитого носа.

– Да я тебя, тварь... на хрен, так отымею...

– *Caisteal DOOON!* – взревела она на манер гэльского боевого клича и по кривой дуге взмахнула битой, метя в ребра. Издав сдавленный звук, Кэмерон ухватился за живот. Брианна выдохнула, вскинула биту повыше и из последних сил опустила ему на макушку.

Отдачей прострелило руки до самых плеч. Брианна со стуком выронила биту и затряслась, всхлипывая и качаясь на месте.

– Мама?.. – раздался с лестницы тихий дрожащий голосок. – А ты почему без штанов, мамочка?

* * *

Благодарение господу, тут же сработал материнский инстинкт. Брианна пересекла коридор и схватила дочь на руки прежде, чем нашла в себе силы двигаться.

– Почему без штанов? – переспросила она, глядя на неподвижное тело Роба Кэмерона.

После падения тот не шевелился, но вряд ли она его убила. Надо что-нибудь придумать, пока он не очнулся, – и побыстрее.

– Ах да, без штанов... Я уже ложилась спать, как вдруг появился этот нехороший человек.

– Ой! – Мэнди выгнулась в ее руках, пытаясь разглядеть Кэмерона. – Это же м-мистер Роб! Он з-злодей, да?

– Да, детка, – спокойным голосом ответила Брианна.

Мэнди всегда заикалась, если была чем-то напугана или расстроена... Хотя девочка на удивление стойко выдержала зрелище того, как ее мать в одних трусах с футболкой колошматит бандита крикетной битой.

Еще один повод оторвать Кэмерону яйца. Хотя нет. Это позже.

Мэнди крепко вцепилась в мать, но Брианна все равно поставила ее на ступеньку.

– Подожди здесь, *ghraidh*³⁵. А мамочке надо запереть где-нибудь мистера Роба, чтобы он больше никого не мог обидеть.

– Не надо! – воскликнула Мэнди, когда та шагнула к распростертому на полу Кэмерону, но Брианна невозмутимо (как ей казалось) махнула рукой, подобрала для подстраховки биту и осторожно потыкала пленника под ребра. Тот дернулся, но в себя не пришел. На всякий случай она обошла его, сунула биту между ног и пошевелила ею, отчего Мэнди захихикала. Кэмерон не двигался, и Брианна наконец-то, словно впервые за много часов, перевела дух.

Вернувшись к лестнице, она с улыбкой протянула Мэнди биту и заправила за ухо прядь взмокших волос.

– Так, ладно. Давай затащим мистера Роба в тайник. Откроешь мамочке дверь, хорошо?

– Мне его ударить? – с надеждой спросила Мэнди, сжимая биту.

– Нет, милая, думаю, обойдемся без этого. Просто открой дверь.

Рабочая сумка висела здесь же, на вешалке, так что большой рулон клейкой ленты нашелся без труда. Брианна обмотала лодыжки и запястья Кэмерона дюжиной витков и, ухватив за ноги, поволокла к двери в дальнем конце коридора, которая вела на половину прислуги.

Он зашевелился, когда Брианна дотронула его до разделочного стола на кухне. Она бросила его ноги и ровным голосом сказала дочери:

– Мэнди, мне нужно поговорить с мистером Робом о взрослых делах. Дай биту. Иди в прихожую, жди меня там, хорошо?

– Но, мамочка...

Брианна, прижимаясь спиной к раковине, во все глаза глядела на стонущего Кэмерона.

³⁵ Милая (гэльск.).

– Иди, Мэнди. Скорей. Мамочка придет раньше, чем ты досчитаешь до ста. Начинай считать. Один... Два... Три...

Она встала между Кэмероном и Мэнди, решительно указывая дочери на дверь.

Та неохотно зашагала, бормоча под нос:

– Четыре... Пять... Шесть... Семь...

И наконец исчезла в коридоре. На кухне было жарко от разоженной плиты, и у Брианны, хоть и полуголой, по шее текли струйки пота. Она ощущала исходящий от нее запах: дикий, едкий, и он придавал ей сил. Прежде она и не понимала в полной мере, что такое настоящая жажда крови.

До сегодняшней ночи.

– Где мой сын? – спросила она, стараясь не подходить к Кэмерону слишком близко – вдруг он сумеет ее повалить. – Отвечай, ты, кусок дерьма, а то я сверну тебе шею и вызову копов.

– Да? – Кэмерон со стоном перекатился на бок. – И что ты им скажешь? Что я забрал твоего мальчика? А доказательства есть?

Говорил он невнятно, разбитые губы сильно раздуло.

– Ладно, – отрезала она. – Тогда я просто сверну тебе шею.

– Что, будешь бить беспомощного человека? Какой славный пример для твоей дочурки.

С глухим рычанием он перевалился на спину.

– А полицейским я скажу, что ты ворвался в дом и напал на меня. – Она продемонстрировала ему длинные царапины на ноге. – Под ногтями у тебя найдут мою кожу. И пусть мне не хочется втягивать в это Мэнди, но она обязательно повторит копам все, что ты говорил в коридоре.

Еще как повторит... Она запоминает каждое слово, особенно нецензурную брань.

– Ха!

Кэмерон прикрыл было глаза, морщась от яркого света, но тут же снова их открыл. Ступор у него понемногу спадал, взгляд ошутимо прояснился. Как и почти все мужчины, он думал лучше, если не был возбужден, – а Брианна позаботилась о том, чтобы секса ему еще долго не хотелось.

– Угу. А я скажу им, что это была небольшая ролевая игра, просто мы заигрались. Ты будешь все отрицать, и потом они спросят: «Хорошо, миссис, а где тогда ваш муж?» – Он скривил в усмешке разбитые губы. – Сегодня ты решила поломаться, сладкая, да? Внести разнообразие?

Услыхав про Роджера, Брианна вскипела. Говорить ничего не стала, только схватила Кэмерона за ноги и потащила его по кухне к дальней стене. Решетка, закрывавшая тайник – «убежище священника», – была спрятана под скамьей и ящиками с молочными бутылками, старым садовым инвентарем и прочим не самым нужным хламом. Выпустив ноги Роба, Брианна отодвинула скамью, убрала коробки и открыла решетку. За ней стояла лестница, ведущая в черную дыру; ее Брианна тоже вытащила. Подобная роскошь им сегодня ни к чему.

– Эй! – Роб вытаращил глаза.

То ли не знал, что в доме есть тайник, то ли не думал, что Брианна на это осмелится. Не говоря ни слова, она сгребла его за подмышки, подтащила к яме и спихнула. Ногами вниз, потому что если он свернет шею, то не сможет рассказать, где прячет Джема.

Кэмерон упал с криком, оборвавшимся в момент глухого удара. Брианна испугалась было, что тот все-таки приземлился на голову, но наконец он застонал и заворочался. Потом смачно ругнулся, и она вконец успокоилась: значит, он в состоянии отвечать на вопросы. Она выудила из кухонного ящика фонарь и осветила в дыру, выхватив в темноте лицо Кэмерона, перемазанное кровью. Он неуклюже барахтался, пытаясь принять сидячее положение.

– Гребаная ты сука! Ногу мне сломала!

– Вот и славно, – ледяным тоном отозвалась она, в глубине души опять занервничав. – Как только вернем Джема, вызову тебе врача.

Он выдохнул через нос, издав неприятный сморкающийся звук, и провел связанными руками по лицу, размазывая кровь.

– Хочешь его вернуть? Тогда вытащи меня, и живо!

Еще связывая похитителя по рукам и ногам, Брианна перебрала все возможные варианты действий. И варианта «отпустить» среди них не было. Она подумывала даже достать винтовку двадцать второго калибра, которой домашние обычно гоняли крыс, и проделать в Робе пару дырок не в самых нужных местах... Но существовал риск незначай убить его при этом, если он вдруг дернется. К тому же он мог запросто истечь кровью.

– Думай быстрее! – крикнул Кэмерон. – А то твоя дочурка вот-вот досчитает до ста и в любой момент вернется.

Брианна невольно ухмыльнулась. Совсем недавно Мэнди узнала о бесконечности чисел, и эта идея так поразила ее воображение, что отныне она могла считать, пока хватает дыхания. Впрочем, разводить долгие разговоры с пленником Брианна все равно не собиралась.

– Ладно. – Она взялась за решетку. – Посмотрим, как ты заговоришь через денек-другой без еды и питья.

– Больная ты сука! – Кэмерон попытался встать на ноги, но колени подкосились, и он бессильно рухнул на землю. – Ты... ты вообще думаешь, что творишь? Если я буду торчать тут без еды и воды, то и твой парень тоже!

Брианна застыла, вцепившись пальцами в холодный металл.

– Роб, вот ты debil...

Даже удивительно, что голос звучит так спокойно; внутри ее омывали волны ужаса и облегчения, а что-то примитивное в самой глубине сознания вопило от паники.

Из темноты не доносилось ни слова: Роб пытался понять, в чем его просчет.

– Теперь я знаю, что ты не отправил Джема сквозь камни, – пояснила она.

И чуть было не завизжала в истерике: *«Но ты заставил Роджера вернуться за ним в прошлое. И он теперь никогда не найдет сына! Ах ты... ты!..»*

– Я знаю, что он здесь, в нашем времени.

Новая долгая пауза.

– Да, – наконец тихо признал он. – Ладно, это ты знаешь. Но ты понятия не имеешь, где он. И не узнаешь, пока меня не отпустишь. И учти, детка: он уже должен был проголодаться. А к утру тем более.

Она сжала решетку еще крепче.

– Лучше бы тебе сейчас не врать. Самому потом будет легче.

Брианна вернула решетку на место и навалилась на нее коленями, зажимая в пазы. Тайник по сути представлял собой большую дыру: яму размером два на три метра и глубиной в четыре. Даже не будь Роб Кэмерон связан по рукам и ногам, он все равно не сумеет дотянуться до решетки, не говоря уже о том, чтобы безо всякой опоры сдвинуть ее с места.

Не слушая доносившиеся снизу яростные вопли, Брианна отправилась искать дочь. И джинсы заодно.

* * *

В коридоре было пусто. На мгновение Брианна запаниковала – но тут увидела под скамьей крошечные босые ноги с длинными, как у лягушки, пальчиками, и сердце успокоилось. Самую малость.

Мэнди свернулась калачиком под старым пальто Роджера и, засунув в рот палец, крепко спала. Поборов первое желание отнести ее в постель и не тревожить до утра, Брианна ласково

погладила дочь по черным кудрявым волосам – таким же, как у Роджера. Сердце у нее скрутило болью. Надо подумать и о другом ребенке.

– Проснись, солнышко, – позвала она, легонько потрянув девочку. – Просыпайся, милая. Нам надо искать Джема.

Немного увещаний и большой стакан кока-колы – крайне редкое удовольствие, а по ночам и вовсе невиданное, – и Мэнди наконец неохотно разлепила глаза. Однако, как только сообразила, что происходит, тут же встрепенулась, готовая немедля отправиться на поиски брата.

– Мэнди... – негромко начала Брианна, застегивая на дочери розовую стеганую куртку. – Ты чувствуешь Джема? Прямо сейчас?

– Угу, – небрежно отозвалась та, и сердце у Брианны подпрыгнуло. Две ночи назад девочка проснулась в жуткой истерике, истошно крича, что Джем ушел. Полная безутешного горя, она утверждала, будто его проглотили «большие камни», до ужаса перепугав родителей, которые слишком хорошо знали, про какие именно камни она говорит.

Но потом, спустя несколько минут, Мэнди вдруг успокоилась. Джем здесь, сказала она, показывая себе на голову. И как ни в чем не бывало уснула.

В поднявшейся потом суматохе – когда выяснилось, что Джема забрал Роб Кэмерон (один из рабочих гидроэлектростанции, подчиненный Брианны), который, судя по всему, увел его сквозь камни в прошлое, – о словах Мэнди никто и не вспомнил. Но теперь мысли у Брианны метались со скоростью света, перебирая все вероятные сценарии. При нормальных условиях, наверное, на это ушли бы долгие часы.

Кошмарный сценарий номер один: Джем не попал в прошлое.

Само по себе это хорошо, но тогда в силу вступает кошмарный сценарий номер два, куда более мерзкий: Роджер и Уильям Баккли отправились в прошлое на поиски мальчика. Можно было лишь надеяться, что при этом они не погибли: перемещения с помощью чертовых порталов – смертельно опасное занятие. Однако, возвращаясь к кошмарному сценарию номер один, в прошлом Джема нет. И если так, Роджер его не найдет. А поскольку поиски он никогда не бросит, значит...

Кошмарный сценарий номер три Брианна так старательно не пускала в голову, что Мэнди удивлено захлопала глазами.

– Мамочка, ты почему корчишь гримасы?

– Тренируюсь к Хеллоуину.

Брианна выпрямилась, нацепив широкую улыбку, и достала куртку.

Мэнди задумчиво сморщила лоб.

– А когда Хеллоуин?

По коже Брианны пробежал холодок, и не только из-за сквозняка от двери. Удалось ли Роджеру вообще пройти через камни?.. Портал более всего активен в дни солнцестояния и равноденствия – а Самайн среди этих праздников был самым значимым, – но они не могли ждать еще один день из страха, что Джема увезут слишком далеко.

– Завтра, – сказала она, трясущимися пальцами пытаясь застегнуть молнию.

– Ура, ура, ура! – Мэнди запрыгала от радости. – А можно я поеду искать Джема в своей маске?

Глава 27

Ищи свой путь: Удача – верь – с тобой³⁶

Роджер почувствовал, как алмазы взрываются. Это было единственной мыслью в голове. Единственным ощущением. Одно мгновение, короче удара сердца, – и ладонь заливают дрожущим жаром, его всего пронзает насквозь, окутывает, а потом...

Нет, не потом. Больше не существовало никакого «потом» или «сейчас».

А вот теперь уже есть...

Роджер открыл глаза и понял, что все закончилось. Он лежал на камнях и вереске, а рядом пытела корова... нет, не корова. Он сумел приподняться и повернуть голову на полдюйма. Рядом на земле сидел человек и натужно, сипло дышал.

Кто он такой?..

– А, – вслух проговорил Роджер (или так ему показалось). – Это ты...

Слова больно ободрали горло, и он закашлялся.

– Ты... цел? – хрипло спросил он.

– Нет, – простонал тот, и Роджер в страхе нашел силы привстать на четвереньки и, сам едва дыша, поползти к Баку.

Уильям Баккли весь съежился, охватив себя руками и держась за левое плечо. Он был ужасно бледным, мокрым от пота и так сильно сжимал губы, что вокруг рта проступило белое кольцо.

– Где болит?

Роджер неуверенно приподнял руку, не решаясь до него дотронуться. Крови вроде не видать...

– В гру... ди, – прохрипел Бак. – Рука.

– О господи, – пробормотал Роджер, окончательно приходя в себя. – У тебя что, долбанный сердечный приступ?

– Что за хрень?.. – поморщился тот, когда его вроде немного отпустило. Он глотнул воздуха. – Откуда мне знать?

– Это... А, не важно. Давай, ляг на спину.

Роджер огляделся, сам понимая, что смысла в этом нет. Земли вокруг Крэг-на-Дун и в его годы были той еще пустошью, а теперь – тем более. И шансы, что среди скал и вереска найдется вдруг доктор, крайне невелики.

Он взял Бака за плечи, бережно уложил на землю, а сам прижался ухом к его груди, чувствуя себя донельзя глупо.

– Слышишь что-нибудь? – с тревогой спросил Бак.

– Нет, потому что ты болтаешь. Заткнись.

Вроде бы Роджеру удалось разобрать стук сердца, но все равно он не имел ни малейшего понятия, как оно должно звучать. Однако он не спешил выпрямляться, сочиняя подходящий ответ.

Даже если не знаешь, что делать, никогда не показывай виду. Такой совет давали ему не раз: и коллеги из научного сообщества, и тесть с тещей.

Он положил Баку руку на грудь. Тот все еще был мокрым от пота и напуганным, но в лицо понемногу возвращались краски. Губы выглядели уже не такими синими – хороший знак.

– Просто дыши, – посоветовал он прадеду. – И не торопись, ладно?

Роджер и сам старался следовать своему же совету; сердце бешено колотилось, а по спине струился пот, несмотря на холодный ветер, свистящий в ушах.

³⁶ Роберт Геррик. Геспериды, или Сочинения светские и духовные. 1008. Ищи и найдешь (пер. Ю. Иерусалимского).

– У нас получилось? – Грудь Бака двинулась под рукой. Он повернул голову, оглядываясь. – Здесь теперь... по-другому, да?

– Да.

Невзирая на самую ситуацию и страх за сына, Роджер ощутил ликование. Местность вокруг изменилась; дорога внизу из серой ленты асфальта стала обычной заросшей тропой. Деревья и кусты тоже выглядели иначе, теперь повсюду торчали каледонские сосны, похожие на гигантские кочаны брокколи.

У них получилось!

Роджер усмехнулся.

– Да. Так что не смей помирать, ты, сволочь!

– Уж постараюсь, – простонал тот, хотя выглядел уже лучше. – А что случится, если ты вдруг умрешь не в своем времени? Просто возьмешь и исчезнешь, будто тебя никогда и не было?

– Может, в клочки разнесет... Не знаю и выяснять не хочу. Особенно когда я рядом с тобой сижу.

Роджер подобрал под себя ноги, хотя голова нещадно кружилась. Сердце стучало как бешеное, отзываясь пульсом в затылке. Глубоко вздохнув, он кое-как встал.

– Я... воды принесу. Ты только никуда не уходи, хорошо?

* * *

С собой Роджер захватил небольшой термос, хоть и сомневался, что тот переживет путешествие сквозь время. Впрочем, испарились лишь драгоценные камни, а термос остался невредим, как и ножик, и серебряная фляга с бренди, что лежала в кармане.

Пока Роджер искал ручей и набирал воды, Бак успел сесть. Хорошенько умывшись и опустошив половину фляги с бренди, он объявил себя практически здоровым.

Роджер сомневался, что это и впрямь так: все-таки Баккли выглядел еще бледноватым, – но он слишком торопился на поиски Джема, чтобы ждать дальше. Планы они обсудили еще в другом времени, по дороге в Крэг-на-Дун.

Если Кэмерон и Джем успешно прошли сквозь камни (сердце у Роджера тревожно екнуло, когда он вспомнил подборку новостных заметок, кропотливо собранную Гейлис Дункан: о людях, найденных мертвыми близ каменного круга), идти им придется пешком. И хотя Джем – мальчик крепкий и спортивный, вряд ли они сумеют преодолевать более десяти миль в день.

Единственная дорога близ холма – тропа погонщиков скота. Поэтому один выйдет по ней на тракт генерала Уэйда и отправится в Инвернесс; другой последует на запад к перевалу, за которым скрывается Лаллиброх и, еще дальше, Крансмуир.

– Думаю, скорее всего, он выберет Инвернесс, – кажется, в шестой уже раз повторил Роджер. – Он ведь хочет золота и знает, что оно в Америке. Значит, вряд ли отправится в Эдинбург через все высокогорье, когда зима уже наступает на пятки.

– Все равно он не найдет корабль, – напомнил Бак. – Ни один капитан не поплывет через Атлантику в ноябре!

– Думаешь, он это знает? – спросил Роджер. – Он же археолог-любитель, а не историк. Люди в двадцатом веке думают, что в прошлом было так же, как и в наши дни, только одевались по-другому и канализацию еще не изобрели. Мало кто понимает, что путешествия тогда сильно зависели от капризов погоды. Он вполне может думать, что корабли ходят круглый год.

– Хм... Ладно, допустим, он решит пересидеть в Инвернесе с парнем, найти работу, дожидаться весны. Значит, Инвернесс берешь на себя?

Бак указал подбородком в сторону невидимого отсюда города.

– Нет. – Роджер покачал головой и провел рукой по карманам, проверяя, не пропало ли чего. – Джем это место знает. – Он кивнул на каменный круг. – Я не раз приводил его сюда, чтобы он случайно сам не набрел на камни. Значит, он примерно, хотя бы в общих чертах, представляет, как отсюда можно добраться до Лаллиброха. Если сбежит от Кэмерона – а я, черт возьми, надеюсь, что он сбежит, – то отправится домой.

Он не стал утруждать себя лишними подробностями: мол, даже если там не будет Джема, в Лаллиброхе живут родственники Брианны, ее тетка и кузены. Роджер никогда их не встречал, но по письмам из Америки они должны о нем знать. Если Джема там не будет (господи, как он надеялся на обратное!), они помогут в поисках. Надо только придумать, что именно им можно рассказать... Но с этим позднее.

– Тогда ладно. – Бак застегнул пальто и поправил на шее вязаный шарф. – До Инвернесса где-то три дня пути. Еще какое-то время уйдет на поиски в городе и два-три дня – на обратную дорогу. Встретимся здесь через шесть дней. Если тебя не будет, пойду в Лаллиброх.

Роджер кивнул.

– Если я их не найду, но получу зацепку, оставлю в Лаллиброхе весточку. Если... – Он замешкался, но об этом тоже следовало сказать. – Если найдешь свою жену и что-то пойдет не так...

Бак стиснул зубы.

– Уже пошло не так. Но да. Если. Я все равно вернусь.

– Хорошо. – Роджер ссутулил плечи; ему не терпелось тронуться в путь.

Бак уже уходил было, но вдруг обернулся и крепко пожал Роджеру руку.

– Мы найдем его, – пообещал он, глядя прямо в глаза – такие же ярко-зеленые. – Удачи тебе.

Он еще раз тряхнул Роджеру руку и двинулся вниз, кое-как балансируя на камнях, поросших можжевельником. Оглядываться больше не стал.

Глава 28

Горячо и холодно

– И ты знаешь, когда Джем в школе?

– Да. Он ведь в автобус садится.

Мэнди ерзала в детском кресле, норовя выглянуть в окно. Она все-таки нацепила свою маску мышинной принцессы, которую помогла ей смастерить Брианна: на бумажной тарелке они нарисовали мышиную мордочку, вырезали отверстия для глаз и наклеили проволочные усы, обмотанные розовой пряжей. Сверху красовалась шаткая картонная корона, усыпанная золотыми блестками.

Шотландцы отмечают Самайн скромно, от Хеллоуина у них только фонари из репы со свечками внутри, однако Брианна решила для своих детей – наполовину американцев – воссоздать атмосферу настоящего праздника. И теперь все заднее сиденье сверкало, будто обсыпанное пылью фей.

Забыв на миг о тревоге, Брианна улыбнулась.

– Нет. Помнишь, как вы играли с Джемом в «горячо и холодно»? Сумеешь найти его без подсказок? Знаешь, когда он далеко, а когда близко?

Мэнди задумчиво пнула спинку кресла.

– Наверное.

– Давай попробуем?

Они ехали в Инвернесс – именно там жил племянник Роба, у которого должен был заночевать Джем.

– Хорошо, – охотно согласилась та.

Что стало с Робом Кэмероном, Мэнди не спрашивала. Да и Брианна мало думала о судьбе своего пленника. Если надо, она прострелит ему и ступни, и локти, и колени – лишь бы узнать, где Джем, но лучше бы предпочесть более тихий метод допроса. Джем и Мэнди будет мало толку от того, что их мать посадят в тюрьму до скончания дней, особенно если Роджер...

Она отмахнулась от этой мысли и сильнее вдавила педаль газа.

– Холодно, – заявила Мэнди так внезапно, что Брианна от неожиданности нажала на тормоз.

– То есть? Хочешь сказать, мы удаляемся от того места, где сейчас Джем?

– Угу.

Брианна выдохнула и круто развернулась посреди дороги, чудом увернувшись от грузовика; водитель осыпал ее злобной бранью.

– Хорошо, – сказала она, сжимая потные ладони на руле. – Поедем в другую сторону.

* * *

Дверь оказалась не заперта. Джем толкнул ее, и сердце застучало от облегчения – а потом вновь испуганно заколотило: в комнате с турбинами тоже было темно.

Хотя нет, немного света сочилось сверху, сквозь крохотные окошки, за которыми обычно сидели инженеры. Так что в полумраке проступали силуэты огромных чудовищных монстров.

– Это всего лишь машины, – пробормотал Джем, вжимаясь спиной в стену возле распахнутой двери. – Машинымашинымашинымашины!

Он даже знал, как называются эти гигантские подъемные механизмы с висящими крюками и турбинами. Мама их показывала. Но то было днем и при свете.

Пол под ногами вибрировал, и позвонки на спине больно стучались о стену, тоже дрожащую под напором воды, все время текущей через дамбу. Мама говорила, воды здесь тонны. Сотни, тысячи тонн черной воды: и вокруг, и сверху. Если пол или стены вдруг треснут...

– Хватит! – рявкнул он самому себе, провел по лицу ладонью и вытер ее о джинсы. – Идти надо. Шевелись давай.

Здесь есть лестницы. Должны быть. Где-то рядом, среди черных горбатых турбин. Они даже выше, чем большие камни на холме, куда возил его мистер Кэмерон. Джем вспомнил о них, и страх понемногу отпустил: камней он боялся больше. Пусть турбины тоже ревели так, что кости тряслись, – но от этого звука хотя бы не выворачивало наизнанку.

Он подумывал даже вернуться в туннель – может, утром его найдут... но там была та свещающаяся штука. Ужасно не хотелось сидеть рядом с ней.

Джем больше не слышал, как стучит сердце, – машины слишком шумели. И даже мыслей своих не слышал. Но лестница наверняка должна быть где-то возле окон, так что он осторожно побрел вперед, стараясь держаться подальше от больших черных горбов, торчащих из пола.

И только обнаружив наконец дверь и оказавшись на ярко освещенной лестнице, Джем спохватился: не поджидает ли его наверху мистер Кэмерон?

Глава 29

Возвращение в Лаллиброх

Роджер размашисто шагал к перевалу, бормоча под нос уже не первую милю:

– Видел бы прежде ты эти дороги,
Генералу Уэйду поклонился в ноги.

Ирландский генерал Уэйд двенадцать лет возводил мосты и тракты по всей Шотландии, и если бы эти вирши не высекли на одном из камней на генеральской дороге, Роджер сам бы взял в руки зубило. Он вышел на тракт неподалеку от Крэг-на-Дун и с легкостью преодолел по нему несколько миль в сторону Лаллиброха.

Однако нынешний участок пути, увы, был обделен генеральским вниманием. Каменистая тропка, размокшая, заросшая вереском и утесником, вилась по крутому перевалу, за которым притаился Лаллиброх. Ниже по склону росли деревья: буки, ольха, крепкие сосны, но здесь, наверху, – никакого укрытия, и сильный ледяной ветер едва ли не сбивал с ног.

Сумеет ли Джем проделать этот путь в одиночку, если все-таки сбежит? Роджер и Бак осмотрели землю возле Крэг-на-Дун – вдруг Кэмерон после перехода делал поблизости привал? – но не нашли ни следа. Ни одного отпечатка детских кроссовок на мокрой глине. Так что Роджер спешил нагнать похитителя, стучась по дороге в каждый дом, который только попался на пути, но жилья здесь маловато, так что двигался он с приличной скоростью.

Сердце ходило ходуном, и не только из-за крутого подъема. Кэмерон опережает их на два дня, не более. Это если Джем не сбежал и не отправился домой... Конечно, в сам Лаллиброх похититель не явится. Но куда он вообще может пойти? Остаться на хорошей дороге, с которой Роджер сошел десять миль назад, и двинуть по ней на запад – в земли Маккензи? Но зачем?..

– Джем! – изредка кричал он, хотя пустые торфяники и горы молчали, только шуршали изредка кролики и горностаи да хрипло каркали вороны или вдалеке, с побережья, вопили чайки.

– Джем! – заорал еще раз Роджер, словно одного его желания хватило бы, чтобы сын отозвался.

В ответ вроде бы раздался слабый крик. Роджер остановился, прислушиваясь, но то был ветер. Обычный ветер, оглушительно свистевший в ушах. Можно запросто пройти в десяти шагах от Джема... и не заметить его.

И все же, несмотря на страхи, когда Роджер поднялся на перевал и увидел Лаллиброх, его белоснежные стены, горящие в закатном свете, сердце затрепетало. Перед ним мирно раскинулось поместье: ровные грядки поздней капусты и репы, огороженные от вездесущих овец; их маленькое стадо паслось на дальнем лугу, белея в зеленой траве пушистыми круглыми яйцами, – точь-в-точь детская пасхальная корзинка.

У него перехватило горло, потому что вдруг вспомнилась разбросанная по дому целлофановая трава, Мэнди, перемазанная (как и вся комната вокруг) шоколадом, Джем, старательно расписывающий для отца пасхальное яйцо: вот он замирает над баночками с синим и красным красителями, выбирая, какой же цвет лучше...

– Господи, пусть он будет здесь! – прошептал Роджер и заспешил вниз по изрытой колесами тропинке, поскальзываясь на камнях.

Дорожка к дому ухоженная: хорошо выметена, с кустами желтого шиповника, уже подстриженного на зиму. Роджера накрыло вдруг ощущение: сейчас он просто откроет дверь и окажется в собственном коридоре, посреди которого валяются сброшенные в спешке красные ботиночки Мэнди, а на вешалке – рабочий пуховик Брианны, весь пыльный и пахнущий своей владелицей: мылом, мускусом, кислым материнским молоком, свежим хлебом и арахисовым маслом.

– Черт, – пробормотал Роджер. – Не хватает еще разрыдаться прямо на крыльце.

Он постучал в дверь, и из-за угла выскочила большущая псина – вылитая собака Баскервилей. Она остановилась в паре шагов, оглушая Роджера злобным лаем и, точно змея, покачивая огромной головой с прижатými ушами – словно ждала, когда же он сделает хоть одно неловкое движение, которое позволит ей с чистой совестью сожрать незваного гостя.

Роджер понапрасну рисковать не стал: как только завидел собаку, прижался к двери и заорал:

– Эй! Кто-нибудь! Уберите зверя!

Внутри послышались шаги, через мгновение дверь распахнулась. Роджер почти ввалился в коридор.

– Тише, пес, – примирительно велел высокий темноволосый мужчина. – Входите, сэр. О собаке не тревожьтесь. Она все равно вас не съест – только что ужинала.

– Рад слышать... И да, спасибо вам, сэр!

Сняв шляпу, Роджер последовал за мужчиной вглубь темного коридора: до ужаса знакомого, все с теми же половицами, хоть и не столь истертыми. Сейчас они, отполированные пчелиным воском, тускло блестели. В углу тоже стояла вешалка, хоть и другая: более крепкая, из кованого железа, иначе просто смялась бы под грузом бесчисленных плащей, пальто, платков и шляп.

Роджер невольно улыбнулся и вдруг застыл, словно его ударили под дых.

Стенные деревянные панели оказались девственно пусты. Ни одной сабли красномундирников, которые те побросали, раздосадованные неудачей, упустив лорда Лаллиброха. Сабли бережно хранились на протяжении многих веков; они хоть и потемнели от возраста, но по-прежнему украшали дом Роджера... Точнее, дом, который будет принадлежать ему несколько веков спустя.

– Мы храним их для детей, – говорила Бри со своим дядюшкой Йеном. – Чтобы сказать им: вот кто такие англичане.

Роджер не успел оправиться от шока: мужчина, сказав что-то собаке на гэльском, закрыл дверь и с улыбкой повернулся.

– Добро пожаловать, сэр. Отужинаете с нами? Мы уже накрываем на стол.

– О... Да, благодарю. – Роджер поклонился, вспоминая о манерах восемнадцатого века. – Я... Моё имя Роджер Маккензи. Из Кайл-оф-Лохалша, – добавил он: каждый благовоспитанный мужчина обязательно упомянул бы место своего происхождения, а Лохалш находился достаточно далеко, чтобы этот человек (а кто он, собственно, такой? На слугу не похож...) списал любые неурядицы в поведении Роджера на местные традиции.

Он надеялся, что ему тут же ответят: «Маккензи? О, вы, должно быть, отец малютки Джема!»

Однако – увы – мужчина лишь поклонился и протянул руку:

– Брайан Фрэзер из Лаллиброха. Рад знакомству, сэр.

* * *

На мгновение Роджер ослеп, оглох и онемел. Потом раздались слабые шелчки, похожие на звук стартера, когда аккумулятор машины полностью разряжен. Сперва сквозь туман в голове он подумал, что их издает его собственный мозг. Однако потом увидел собаку, которой не дали его сожрать; та вошла в дом, и это ее когти цокали по паркету.

«А. Значит, вот откуда царапины у кухонной двери», – смутно подумалось ему, а пес привстал на задние лапы, навалился на двери в конце коридора и проскользнул внутрь.

– Все хорошо, сэр? – Брайан Фрэзер тревожно приподнял густые брови. – Пройдемте в мой кабинет, сядем. Может, выпьем немного.

– Я... благодарю, – отрывисто выговорил Роджер. Колени подгибались, но он сумел-таки пройти вслед за хозяином Лаллиброха мимо гостевого салона и курительной комнаты в хозяйский кабинет. Его собственный.

Шкафы были такими же, и за спиной хозяина стояли те же бухгалтерские книги, чьи пожелтевшие страницы Роджер не раз листал, вызывая в фантазии образ раннего Лаллиброха. Только тут они новехонькие, а призраком казался самому себе Роджер. Отвратительное чувство!

Брайан Фрэзер протянул невысокий плоский стакан с толстыми стенками. Виски, причем отборный. Крепкий запах спиртного понемногу развеял туман в голове, а жгучий глоток снял в горле спазм.

Как же теперь задать самый важный вопрос? Какой сейчас год?!

Роджер взглянул на стол, но, увы, там не оказалось ни недописанных писем с удобно проставленной датой, ни альманаха, который можно словно невзначай взять в руки и пролистать. От книг на полках тоже мало толку, Роджер узнал лишь «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка» Дефо, опубликованную в тысяча семьсот девятнадцатом. Однако он и без того знал, что год сейчас более поздний; в тысяча семьсот девятнадцатом Лаллиброх еще не был построен.

Он еле сдерживал панику. Не важно, без разницы, какой сейчас год, если Джем здесь же. А он здесь. Наверняка!

– Простите, что отвлекаю, сэр, – заговорил Роджер, откашлявшись, когда поставил стакан. – Дело в том, что я потерял сына и теперь ишу его.

– Потеряли сына?! – удивленно воскликнул Фрэзер. – Господь с вами, сэр! Как же так вышло?

Правду сказать Роджер не мог, оставалось лишь одно:

– Его похитили два дня назад. Мальчику всего девять. Есть причины полагать, что человек, похитивший его, откуда-то из этих мест. Вы, случайно, не видели высокого мужчину, худощавого, темноволосого, который путешествовал бы с рыжеволосым мальчиком вот такого роста?

Роджер ладонью отмерил расстояние чуть выше локтя. Джем для своих лет парнишка высокий – впрочем, и сам Брайан Фрэзер далеко не коротышка, как и его сын.

И Роджера словно пнули еще раз. Выходит, Джейми здесь? В этом самом доме? И если так, сколько же ему тогда лет?..

Фрэзер огорченно покачал головой:

– Увы, сэр. А как зовут того человека, который похитил мальчика?

– Роб... Роберт Кэмерон, так он назвался.

– Кэмерон... – пробормотал Фрэзер, задумчиво постукивая пальцами по столу. Знакомое движение – Джейми тоже так делал, когда усердно о чем-то размышлял. Только у тестя ритм получался неровным из-за искаленного пальца.

Роджер, снова отпив из стакана, принялся изучать Фрэзера, выискивая сходство. Оно имелось, хоть и не очень заметное: такая же посадка головы, разворот плеч и, главное, глаза. А вот лицо совсем другое, с более квадратной челюстью и широкими бровями. Еще у Брайана Фрэзера радужка была орехово-зеленой, а не голубой, а вот разрез глаз и линия губ – точь-в-точь как у Джейми.

– Ближайшие Кэмероны живут в Лохабеле, – качнул наконец тот головой. – И о чужаке последние дни я не слыхал.

Он вдруг уставился на Роджера не то чтобы подозрительно, но с некоторым сомнением.

– А с чего вы взяли, что он направится в эти места?

– Я... его видели, – выпалил тот. – Неподалеку от Крэг-на-Дун.

Фрэзер заметно опешил.

– Крэг-на-Дун, значит, – повторил он, настороженно щурясь. – Вот как... Сами вы откуда идете, сэр?

– Из Инвернесса, – тут же ответил тот. – Я преследую его из самого города.

Почти правда. Он предпочел не вспоминать, что формально поиски Джема начались с того самого кабинета, где Роджер сидел в данный момент.

– Со мной был один друг... родич. Он отправился поспрашивать в Крансмуире.

Услыхав, что он не один – а значит, не такой уж и сумасшедший, – Фрэзер успокоился, встал из кресла и подошел к окну, за которым на фоне закатного неба чернел шиповник.

– Хм... Оставайтесь пока у нас, сэр. Уже темнеет, до ночи вы все равно далеко не уйдете. Отужинаете с нами, переночуете... И, может, завтра объявится ваш родич с хорошими вестями. Или вдруг кто-то из моих арендаторов видел незнакомца. Я поспрашиваю их утром.

У Роджера гудели ноги от желания вскочить, броситься в ночь и сделать хоть что-нибудь полезное. Однако Фрэзер прав: нет смысла бродить по горам в темноте, рискуя заблудиться, что в это время года равносильно верной гибели. Поднимался ветер, колючие ветки шиповника бились о стекло. Скоро начнется дождь... А если он застигнет Джема?!

– Я... Да, благодарю, сэр. Спасибо. Очень мило с вашей стороны.

Фрэзер хлопнул его по плечу, выглянул в коридор и позвал:

– Дженет! Дженет, у нас к ужину будет гость!

Дженет?

Он, сам того не замечая, тоже встал и вышел в коридор. Кухонные двери распахнулись, и на пороге возник хрупкий силуэт девушки, вытиравшей о фартук руки.

– Моя дочь, Дженет, – представил ее Фрэзер, ласково улыбнувшись девушке. – Дженни, это мистер Роджер Маккензи. Он ищет своего малютку сына.

– Правда? – Та застыла на середине реверанса и изумленно распахнула глаза. – А что с ним случилось?

Роджер повторил историю про Роба Кэмерона и Крэг-на-Дун, все это время борясь с желанием спросить у девушки, сколько же ей лет. Пятнадцать? Семнадцать? Двадцать один? Она была на удивление хороша, с прозрачно-белой кожей, разрумившейся от кухонного жара, мягкими черными кудрями, убранными с лица, и приятной гибкой фигуркой, на которую он старался не глядеть. Самое жуткое, что она, несмотря на женственность, оказалась до ужаса похожа на Джейми Фрэзера. Прямо-таки его родная дочь... И тут у Роджера чуть было снова не подогнулись колени, потому что он вспомнил о той, кто на самом деле приходится Фрэзеру дочерью.

О боже. Бри! Святой Господь, помоги ему. Неужто он ее больше не увидит?..

Наконец Роджер понял, что уже некоторое время молчит и с отвисшей челюстью пялится на Дженет Фрэзер. Впрочем, та, видимо, привыкла к подобному поведению мужчин: скромно улыбнулась, заверила, что ужин будет готов уже через несколько минут, и предложила отцу показать мистеру Маккензи путь до уборной. Затем вернулась на кухню, и лишь когда за ней хлопнула тяжелая дверь, Роджер снова обрел способность дышать.

* * *

Ужин был незатейливым, но обильным и очень вкусным. Еда быстро придала Роджеру сил. Хотя ничего удивительного – он и не помнил, когда последний раз ел.

Расположились они на кухне, и за столом вместе с хозяевами сидели горничные, Анна и Сенга, и рабочий по имени Том Мактаггарт. Роджера засыпали вопросами: хотя собравшиеся искренне сочувствовали его горю, куда более их интересовало, из каких он мест и какие принес новости.

Увы, от него оказалось мало толку, хотя бы потому, что Роджер не знал, какой именно сейчас год. (Брайан умер – о господи, еще только умрет! – когда Джейми было девятнадцать, и если тот родился в мае тысяча семьсот двадцать первого... – или двадцать второго? – через два года после Дженни...) Следовательно, Роджер не знал, какие именно события могли недавно произойти в мире. Пришлось выкручиваться и рассказывать о своем «прошлом». К счастью, Кайл-оф-Лохалш располагался едва ли не на другом конце страны, вряд ли в этих местах часто встречаются его «земляки».

Затем, наконец, ему повезло: Мактаггарт поведал, как снял ботинок, чтобы вытряхнуть камешек, а одна из свиней умудрилась в это время пролезть под забором и рысью поскакать напрямик в огород. Он, конечно же, бросился вслед за ней и даже сумел поймать – но когда притащил упрямую скотину обратно, оказалось, что другая свинья тоже вылезла из загона и сжевала его ботинок.

– Вот все, что осталось! – Он сокрушенно вытащил из кармана измятый кусок кожаной подошвы. – И то еле выдрал из зубов!

– И чего так переживать? – Дженни сморщила нос при виде ошметков. – Тагги, не волнуйся. На следующей неделе будем забивать свиней и дадим тебе кусок шкуры на новые подметки.

– Ага, а до того времени мне босиком ходить? – недовольно спросил тот. – По утрам уже заморозки! Я простужусь и умру от плеврита прежде, чем эти свиньи сожрут последнее корыто корма. Тем более кожу надо будет еще продубить.

Рассмеявшись, Брайан кивнул Дженни.

– Твой брат ведь, уезжая в Париж, оставил пару своих старых сапог? Если ты не отдала их нищим, может, Тагги пока поносит?

Итак, Париж. Джейми провел там два года и вернулся... вернулся... Когда? Когда ему было восемнадцать. А восемнадцать ему исполнилось в мае тысяча семьсот тридцать девятого. Значит, сейчас тридцать седьмой, тридцать восьмой или тридцать девятый.

Почти определившись с датой, Роджер понемногу успокоился и стал припоминать, какие события произошли в эти годы. О чем можно упомянуть за столом? Как ни странно, первой в голову пришла мысль об открывалке для бутылок, ее изобрели в тысяча семьсот тридцать восьмом. Затем – о землетрясении в Бомбее тысяча семьсот тридцать седьмого.

Слушатели, само собой, больше заинтересовались новостью об открывалке, и Роджеру пришлось попотеть, описывая ее конструкцию: он ведь понятия не имел, как она изначально выглядела. Впрочем, и в адрес жителей Бомбея прозвучали сочувственные слова. За души людей, погибших под руинами, вознесли краткую молитву.

– Только где он находится, этот Бомбей? – спросила горничная, та, что помоложе.

Она наморщила лоб, рассеянно обводя взглядом собравшихся за столом.

– В Индии, – тут же ответила Дженни и вскочила. – Сенга, подавай краханан³⁷, хорошо? А я покажу, где Индия.

Она исчезла в дверях, и в суете из-за перемены блюд Роджер украдкой выдохнул. Скванность понемногу спадала, хотя он по-прежнему переживал за Джема. На мгновение он вспомнил про Баккли: как тот воспримет известие, что они промахнулись с датой?

Тысяча семьсот тридцать какой-то там год... Господи, Бак ведь еще даже не родился! Хотя какая разница? Роджер ведь появился на свет в двадцатом веке, но вполне счастливо прожил немало лет и в восемнадцатом. Впрочем, до рождения Бака оставалось не так уж много – вдруг это каким-то образом на него повлияет?

Роджер знал (или просто верил), что нельзя вернуться в свое же прошлое. Невозможно физически сосуществовать в одном времени со своим двойником. Возможно, именно это и случилось: вдруг они угодили в прошлое Бака, того отшвырнуло назад, и он утянул за собою Роджера?

Додумать эту пугающую мысль он не успел: вернулась Дженни с большой тонкой книжечкой. Как оказалось, цветным атласом с на удивление точными картами и описанием «народов мира».

³⁷ Краханан – традиционный шотландский десерт из смеси взбитых сливок, виски, меда, малины и обжаренных овсяных хлопьев.

– Брат прислал из Парижа, – горделиво заявила она, открывая атлас на развороте с Индией. Звездный кружок, обозначающий Бомбей, окружали изображения пальм, слонов и какой-то травы: видимо, чайного куста. – Он учится в университете.

– Правда? – улыбнулся Роджер, делая вид, что впечатлен. Впрочем, сей факт и впрямь потрясал воображение: представить только, каких расходов потребовала бы одна лишь дорога из этой горной пустоши в роскошный Париж. – И давно он там?

– О, почти два года, – ответил Брайан, бережно погладив страницы атласа. – Мы по нему очень скучаем, но он часто пишет. И шлет книги.

– Он скоро вернется, – заверила Дженни, хоть и не без некоторого сомнения. – Он обещал.

Брайан улыбнулся, впрочем, тоже натянуто.

– Да, хотелось бы верить, *nighean*. Однако, быть может, он найдет в Париже нечто такое, что задержит его на время.

– Например? Ты про ту даму де Мариньяк? – с сарказмом поинтересовалась Дженни. – Мне не нравится, как он о ней пишет. Очень не нравится.

– Из нее выйдет не самая плохая жена, – пожал Брайан плечами. – Она из хорошей семьи.

Дженни хмыкнула: мол, только из уважения к отцу она не высказывает своего мнения о «той даме», хотя все было понятно без слов. Фрэзер рассмеялся.

– Твой брат не такой уж дурак, – заверил он. – Вряд ли он женится на простушке или... э-э-э...

Кажется, он хотел сказать «шлюхе», губы уже сложились в это слово, и более приличествующее подобрать он не успел.

– Еще как женится, – фыркнула Дженни. – Он охотно шагнет напрямиком в паутину, если у паучихи будет милое личико и крепкая задница.

– Дженет! – с притворным возмущением воскликнул отец.

Мактаггарт открыто вздохнул, а горничные хихикнули в кулачок. Дженни смерила их сердитым взглядом, поднялась с достоинством и спросила у гостя:

– Что ж, мистер Маккензи. Надеюсь, ваша-то супруга жива? И это она мать вашего мальчика?

– А разве...

Вопрос застал его врасплох, но тут Роджер вспомнил, в каком веке находится. В это время для женщины пережить роды – большая удача.

– Да. Да, она... в Инвернесе, с нашей дочерью.

Мэнди. О господи, его крошка Мэнди. И Бри. И Джем. Роджера только сейчас осенило. До сих пор он об этом и не думал, сосредоточившись на поисках сына. Однако теперь сердце сковало ледяной болью. Ведь скорее всего он более никогда не увидит родных. И они даже не узнают, что с ним случилось.

– О боже... – прошептала Дженни, в ужасе распахивая глаза, осознав наконец, что именно ее угораздило ляпнуть. Она наклонилась через стол и взяла Роджера за руку. – Простите, мне так жаль. Я не хотела...

– Все хорошо, – протолкнул он сквозь сдавленную гортань. – Я просто...

Роджер, извиняясь, махнул рукой, кое-как встал, вышел через заднюю дверь и очутился в ночи.

Над вершинами гор, где тучи были не такими густыми, пробивалась полоска тусклого света, но двор уже заволокли тени, и ветер, дувший в лицо, пах дождем. Роджер вздрогнул, но не от холода, и сел на один из больших камней вдоль дорожки, где обычно играли дети, когда было совсем уж грязно.

В приступе отчаяния он спрятал лицо в ладонях. Не только из-за себя – Роджер переживал за тех, кто остался в доме. Скоро Джейми Фрэзер вернется из Парижа. А потом настанет

день, и в поместье, когда Дженни со слугами будет одна, ворвутся красномундирники. События покатаются снежным комом – и завершится все смертью Брайана, которого разобьет удар, когда он будет смотреть, как его единственного сына забивают кнутом насмерть.

Джейми...

Роджер вздрогнул, представив не сурового тестя, а беззаботного юношу, который при всех соблазнах Парижа шлет сестре книги.

Начался дождь, тут же смочивший лицо. Хорошо, теперь никто не узнает, что он плакал...

Роджер все равно не сумеет ничего изменить. Он не может рассказать им о том, что случится в ближайшие годы.

За спиной вдруг послышались тяжелые шаги, и рядом, едва не спихнув Роджера с камня, уселся пес и ткнул в ухо большим фырчащим носом, волосатым и мокрым, как дождь.

– Господи. – Роджер чуть было не рассмеялся. – Господи...

Он обнял здоровенную вонючую собаку и прижался лбом к массивной башке.

Роджер старался ни о чем не думать, и тяжесть с плеч понемногу спадала. Однако малопомалу мысли вернулись. Может, это неправда – что прошлое нельзя изменить? Вдруг позволительно сделать хоть что-то? Самую малость, не столь масштабное, как битвы и короли... Пусть не рассказать Фрэзерам из Лаллиброха прямо, какая участь их ждет, но хотя бы намекнуть, предупредить...

И что тогда? Если его послушают? Наверное, этот славный мужчина все равно умрет от апоплексии, только дома; сосуд в мозгу лопнет, когда он будет возвращаться, допустим, из сарая. Однако тогда его сын и дочь не пострадают от солдат... и что?

Джейми женится в Париже на игривой француженке? А потом вернется домой и будет управлять поместьем и заботиться о сестре?

Однако тогда пять или шесть лет спустя он не окажется возле Крэг-на-Дун, удирая от британских солдат, раненый... и не столкнется со случайной путешественницей во времени, которая только что прошла сквозь камни. А если он не повстречает Клэр Рэндолл... Тогда Бри... Господи, Бри!

Позади скрипнула дверь, и на дорожку упал луч фонаря.

– Мистер Маккензи? – В ночи стоял Брайан Фрэзер. – Все хорошо, сэр?

– Господи, – пошептал Роджер, крепче стискивая пса. – Молю, направь меня.

Глава 30

Свет, мотор, сирены

Дверь наверху оказалась заперта. Джем заколотил в нее, забарабанил ногами и заорал. Из темноты что-то подкрадывалось к нему сзади, хотело утащить, и ощущение это было столь ярким, что Джем испуганно завизжал, всем телом ударяясь о дверь...

А та вдруг распахнулась, и он упал на грязный заплыванный линолеум, весь усыпанный окурками.

– Какого... Эй, парень, ты кто такой и что, черт возьми, здесь делаешь?!

Большая рука сгребла его за плечо, ставя на ноги. Джем, задыхаясь от криков, не сразу вспомнил, как его зовут.

– Я Джем... – Он сглотнул, щурясь от света, и провел по лицу рукой. – Джем Маккензи. Моя мама... – Он рассеянно замолчал, потому что вдруг забыл мамино имя. – Она здесь работает.

– Я знаю твою маму. По волосам вижу, чей ты.

Мужчина, судя по бейджику на куртке, – охранник. Склонив голову набок, он внимательно разглядывал Джема, а на лысине и в стеклах очков мерцал свет от длинных трубок

на потолке – папа называл их флуоресцентными. Они гудели, напоминая о той штуке в туннеле, и Джем подскочил к двери и с треском ее захлопнул.

– Эй, за тобой что, кто-то гонится?

Охранник потянулся было к ручке, и Джем, не пуская его, привалился к двери спиной.

– Нет!

Он чувствовал, что оно там, снаружи. Ждет его.

Охранник нахмурился.

– Я... просто... там внизу очень темно!

– Ты что, был там один? А где же твоя мама?

– Не знаю.

Джему снова стало страшно. Взаправду страшно. Потому что мистер Кэмерон запер его в туннеле, а сам куда-то поехал. А если в Лаллиброх?..

– Меня мистер Кэмерон сюда привез, – выпалил он. – Я должен был переночевать у Бобби, но вместо этого он отвез меня на Крэг-на-Дун, а потом к себе домой и запер на весь день в комнате. А затем привез сюда и закрыл в туннеле.

– Какой еще Кэмерон?.. Роб Кэмерон?! – Присев на корточки, охранник заглянул Джему в лицо. – Но зачем?

– Не... не знаю.

Никогда никому не рассказывай – так говорил папа. Джем сглотнул. Он все равно не знает, с чего начать. Можно сказать, что мистер Кэмерон отвез его на холм Крэг-на-Дун, к тем камням, и толкнул в круг. Но что случилось потом, Джем не понял. А еще он не понимал, как рассказать мистеру Маклауду – так было написано у охранника на бейджике – про ту блестящую штуку из туннеля.

Мистер Маклауд задумчиво покачал головой и выпрямился.

– Ладно, позвоню твоим родителям, пусть забирают тебя домой. И сами уже решают, сообщать ли в полицию.

– Да, пожалуйста... – прошептал Джем, и коленки у него подогнулись при одной мысли, что скоро за ним приедут мама с папой.

Мистер Маклауд отвел его в маленькую комнату с телефоном, дал банку кока-колы, велел сесть и сказать домашний номер. Потягивая теплую шипучку и глядя, как охранник толстым пальцем набирает цифры, Джем почувствовал, что жизнь налаживается. Пауза, и в трубке послышались гудки. Один, второй, третий. Бип... Бип... Бип...

В комнате было тепло, но руки внезапно заledenели. Никто не брал трубку.

– Может, они спят... – сказал он, сглотнув отрывку от колы.

Мистер Маклауд странно посмотрел на него, покачал головой и снова стал набирать номер, на сей раз велел диктовать цифры по одной.

Бип... Бип... Бип...

Джем так пялился на трубку, мечтая уже, чтобы на том конце провода отозвались, что не замечал ничего вокруг. А мистер Маклауд вдруг удивленно повернулся к двери.

– Что за... – успел проговорить он, как вдруг раздался свист и громкий стук – совсем как когда кузен Йен со стрелами охотился на оленей.

Мистер Маклауд издал ужасающий хрип и сполз со стула на пол, а сам стул с треском развалился пополам.

Джем не помнил, как вскочил на ноги. Оказалось, он стоит, вжимаясь спиной в шкафы с документами, и стискивает жестяную банку так сильно, что кола пенится и течет по пальцам.

– Ты, мальчик, идешь со мной, – сказал мужчина, ударивший мистера Маклауда.

Он держал какую-то черную палку – наверное, это и есть полицейская дубинка. Джем застыл, не в силах шевельнуться.

Мужчина нетерпеливо фыркнул и небрежно переступил через мистера Маклауда, словно охранник был всего лишь мешком мусора. Он схватил Джема за руку, но тот в ужасе его укусил. Мужчина вскрикнул, разжал пальцы, а Джем швырнул банку ему в лицо, а когда тот увернулся, прошмыгнул мимо и выскочил в коридор, драпая со всех ног.

* * *

Было уже поздно, по дороге попадалось все меньше машин, и Мэнди начала клевать носом. Маска сползла на макушку, и проволочные усы теперь торчали в разные стороны тонкими антеннами. Поглядывая на дочь в зеркало заднего вида, Брианна внезапно поняла, что Мэнди сейчас похожа на миниатюрный радар, сканирующий пустынную местность в поисках крохотного огонька-Джема.

Однако справится ли она?..

Брианна потрясла головой – не только чтобы вытряхнуть ненужную мысль, но и чтобы сбросить сонливость. Адреналин, бушевавший в крови после недавней схватки, вконец иссяк; ладони порой соскальзывали с руля, а тьма вокруг была такой беспроглядной, что, казалось, останови автомобиль, выключи фары – и темнота в тот же миг поглотит их...

– Теплее, – сонно пробормотала Мэнди.

– Что, детка?

Брианна так сосредоточилась на дороге, силясь не отводить от нее глаз, что не сразу услышала дочь.

– Теп... лее. – Мэнди зевнула.

Маска запуталась у нее в волосах, и дочь с раздраженным сопением принялась за них дергать. Брианна аккуратно съехала на обочину и, поставив машину на ручной тормоз, перегнулась через сиденье, чтобы ей помочь.

– Хочешь сказать, мы едем к Джему? – спросила она, еле сдерживая дрожь в голосе.

– Угу... – Справившись наконец с маской, Мэнди во весь рот зевнула и ткнула рукой в окно. – Туда.

Потом сложила ладошки, пристроила их под голову и сонно замурлыкала.

Брианна сглотнула, закрыла на миг глаза и всмотрелась ту сторону, куда указала Мэнди. Там же нет дороги...

Хотя нет, есть. По спине поползли ледяные мурашки: она увидела небольшой знак, гласивший: «Для служебного пользования. Посторонним въезд запрещен. Северо-шотландская гидроэнергетическая компания».

Дамба на озере Эррочти. Туннель.

– Черт!

Брианна, забыв про ручной тормоз, нажала на педаль газа. Машина дернулась, и Мэнди тут же вскинула голову, распахнув круглые, как у совы, стеклянные глаза.

– Мы уже дома?

* * *

Джем пробежал через весь коридор и нырком влетел в распашные двери с такой скоростью, что проехал пару ярдов по скользкому полу железной лестничной площадки, не удержался на верхней ступеньке и кувыркнулся вниз, с грохотом упав пролетом ниже.

Сверху донеслись быстрые шаги, и он, испуганно пискнув, кое-как встал на четвереньки и уже сам, спустившись головой вниз на несколько ступенек, взялся за перила, перевалился через них и прыгнул на следующую площадку.

От страха из глаз текли слезы, однако он, глотая воздух, старался не шуметь; спотыкался, кряхтел от боли, но бежал по коридору, высматривая выход: нужно любой ценой выбраться наружу. Пошатываясь, Джем выскочил в полутемный вестибюль – на все помещение горела одна лишь лампочка там, где обычно сидит охранник. Погоня не отставала. Джем слышал, так мужчина громко ругается на лестнице.

Главная дверь заперта, на решетке – цепь с замком. Смахнув рукавом слезы, Джем бросился к стойке охранника, безумно озираясь во все стороны. Вот он – знак «Аварийный выход», красным огоньком горящий над дверью в дальнем конце тесного коридорчика.

Мужчина тем временем выскочил в вестибюль.

– А ну иди сюда, маленький поганец!

Джем в ужасе оглянулся, схватил первое, что попало на глаза – крутящийся стул, – и что было сил толкнул к нему. Мужчина с руганью отскочил в сторону, а Джем бросился к двери и выскочил в ночь, полную ярких вспышек и сирен.

* * *

– Что случилось, мамочка?! Мамочка, мне страшно! Страшно-страшно-СТРАШНО!

– Думаешь, мне не страшно? – буркнула под нос Брианна, сглатывая вязкую слюну. – Все хорошо, детка, – сказала она уже вслух и нажала на тормоз. – Мы просто пойдем и найдем Джема.

Машина, скрипнув по гравию, остановилась, и Брианна выскочила наружу. Как ни хотелось ей бежать к зданию, освещенному вспышками полицейских огней под вой сирен, Мэнди оставлять одну нельзя. Рядом по водосбору громко шумела вода.

– Идем, девочка моя. – Она торопливо распутала ремень безопасности. – Вот так, сюда, давай я тебя на ручки возьму...

Даже разговаривая с дочерью, Брианна глядела в темноту, расцвеченную огнями, и каждая жилка в ее теле буквально вопила от ужаса, что где-то здесь ее сын. Брианну трясло от одной мысли, что Джем мог упасть в воду или застрять в служебном туннеле... Господи, и почему она сразу не догадалась про это место? Ну конечно, Роб Кэмерон должен был спрятать мальчика на гидроэлектростанции, у него же есть ключи... Но откуда тогда полиция?..

Брианна хотела уже с дочерью наперевес бежать к полицейским со всех ног, как вдруг заметила высокого мужчину, который обыскивал кусты на обочине, забористо ругаясь под нос.

– Ты что, твою мать, делаешь? – взревела Брианна. Мэнди тоже испуганно завизжала бешеным бабуином.

Мужчина от неожиданности вздрогнул и повернулся, вскидывая над головой какую-то палку.

– Ты-то что тут забыла? – от удивления спросил он почти нормальным голосом. – Ты ведь сейчас должна...

Бри поставила Мэнди на землю и, загородив собой, стиснула кулаки, готовая разобраться с обидчиком хоть голыми руками, если придется. Тот вдруг бросил палку и исчез в кустах.

Однако, судя по ярким вспышкам за спиной, спугнула его отнюдь не Брианна. Мэнди боязливо вцепилась матери в ногу, опасаясь даже плакать. Бри подняла ее на руки, погладила и медленно повернулась к двум полицейским, которые шагали к ней, настороженно держась за дубинки на поясе. Ее трясло, голова кружилась, перед глазами все плыло от мигающих огней. В ушах ревела вода.

– Мэнди... – заговорила она, прижимаясь губами к теплым кудряшкам дочери, и ее голос почти заглушил вой сирен. – Ты все еще чувствуешь Джема? Пожалуйста, скажи, что чувствуешь...

– Я здесь, мамочка, – послышался за спиной тонкий голосок.

Не веря собственным ушам, она предостерегающе махнула полицейским и медленно повернулась. Неподалеку стоял Джем, весь мокрый, облепленный грязью и листьями, шатающийся, точно пьяный.

А потом она сидела прямо на земле, прижимая к себе детей, и всеми силами старалась не дрожать, чтобы не пугать их еще больше. И даже сдерживала слезы, пока Джем не поднял заплаканное личико и не спросил:

– А где папа?

Глава 31

Блестящие глаза игрушечной лошадки

Фрэзер, к его чести, не стал ничего спрашивать, только налил им еще по глотку виски, горячего на вкус и пахнущего дымом. Есть что-то уютное в том, чтобы пить виски в чужой компании, и не важно, хорош ли напиток. Или приятная ли компания – как нынче, например. Что до бутылки, то она явно из личных запасов, и Роджеру хотелось поблагодарить и за отличный виски, и за ложное чувство успокоения, которое джинном выплывало со дна стакана.

– *Slàinte*³⁸, – сказал он, и в глазах Фрэзера вспыхнул любопытный огонек.

Вот черт, угораздило же ляпнуть!.. Произношение этого слова сильно зависит от тех мест, где ты родился: в Харрисе и Люисе говорят «сланья», а у северян получается что-то похожее на «сланче». Роджер сказал так, как принято в Инвернесе, где он вырос, а это шло вразрез с его легендой. Только бы теперь Фрэзер не счел гостя лжецом...

– Чем занимаетесь, *chompanaich*?³⁹ – спросил тот, делая глоток и на мгновение щуя глаза из уважения к напитку. Затем уставился на Роджера с искренним любопытством; впрочем, не без настороженности: легкой, чтобы не смущать гостя. – Я привык сразу определять род занятий человека по его одежде и манерам... Хотя в наших местах это несложно. – Он усмехнулся. – Трудно не узнать дровосека, ремесленника и цыгана. Вы, судя по всему, не из них.

– У меня есть надел земли.

Роджер ждал этого вопроса и заранее приготовил ответ, но вдруг понял, что хочет рассказать о себе подробнее. Правду – насколько это возможно.

– Дела я оставил на жену, а сам поехал искать нашего мальчика. Кроме того... – он пожал одним плечом, – я учился на священника.

– Неужели? – Фрэзер откинулся на спинку кресла, с интересом его разглядывая. – Я так и понял, что человек вы образованный. Решил, что учитель или клерк... или, может, юрист.

– Мне довелось побывать и учителем, и клерком, – улыбнулся Роджер. – И даже самую малость... хотя не слишком успешно, попрактиковаться в праве.

– Это тоже хорошо, – усмехнулся Фрэзер.

Роджер пожал плечами.

– Как ни прогнили законы, придумали их люди, и они позволяют хоть как-то управлять нашим обществом.

– И не говорите, – согласился Фрэзер. – Законы – неизбежное зло, без них нам не выжить... Но, по-вашему, хорошая ли это замена совести? Что скажете как священник?

– Я... хм... Да, пожалуй, – удивился Роджер. – Конечно, для людей было бы лучше жить по заветам Господа, уж простите, что я так выразился. Однако что поделывать, если одним до Господа вообще нет никакого дела, а другие не видят над собой иной власти, кроме себя самих?

Фрэзер с интересом кивнул:

³⁸ За здоровье (*гэльск.*), традиционный шотландский тост.

³⁹ Друг, приятель (*гэльск.*).

– Да, верно. Никакая совесть не спасет человека, который не ищет спасения. Но что, если та же совесть внушает людям самые разные мысли?

– Как в политике? Когда сторонники Стюартов выступают против... дома Ганноверов?

Крайне опрометчиво поднимать столь скользкую тему, но это поможет Роджеру самому разобраться в своих пристрастиях и, если повезет, представит его так, будто у него есть личный интерес с обеих сторон.

На лице Фрэзера сменилась целая гамма чувств: от крайнего удивления до полузабытой усталости.

– Да, – согласился он. – В юности я сражался за дом Стюартов, и не то чтобы жил тогда не по совести, но на поле битвы было не до нее.

Он фыркнул с кривоватой усмешкой, и у Роджера внутри все вновь всколыхнулось, как поверхность пруда от брошенного камня. Так всегда делал Джейми. И Джем иногда. А вот за Брианной он подобного не замечал.

Хотя не стоит сейчас об этом думать: разговор ходит по чересчур тонкой кромке, и Роджер рискует свалиться в пропасть политических разногласий.

– После Шерамура? – уточнил он.

– Да, – удивился Фрэзер и с сомнением прищурил глаз. – Вы там никак не могли побывать... Должно быть, отец рассказывал?

– Нет, – ответил Роджер. При мыслях об отце, как всегда, кольнуло тупой болью.

По правде говоря, Фрэзер был старше на какой-то десяток лет, не более, но он, видимо, полагал, что Роджер гораздо моложе его.

– Я... слышал одну песню. Про двух пастухов, которые встретились на холме и завели спор про ту великую битву и о том, кто же все-таки тогда победил.

Фрэзер рассмеялся.

– Да, было такое. Мы начали спорить, еще не успев собрать раненых. – Он глотнул из стакана и задумчиво покатал виски по языку, явно вспоминая прошлое. – И что за песня?

Роджер вдохнул, собираясь запеть, и вдруг вспомнил про сломанный голос. Фрэзер наверняка заметил у него на горле шрам от веревки, но деликатно не стал ничего говорить. Хотя все равно вышло неловко... Так что Роджер просто произнес нараспев первые строки, отбивая по столу ритм бодрама – единственного инструмента, под который исполнялась эта песня.

– Пришел ли ты пасти овец
Со мной в тиши лесной, брат,
Иль с поля битвы ты беглец
И видел страшный бой, брат?
– Бой Шерамурский был жесток.
Кровавый пенился поток,
Нам страх сердца сжимал в комок.
Такой был гром. И напролом
В лохмотье клетчатом своем
Шотландцы мчались в бой с врагом,
Что шел из трех краев, брат⁴⁰.

Вышло даже лучше, чем он думал; песню и полагалось исполнять речитативом, а Роджеру удалось не захрипеть, не закашлять.

Фрэзер пришел в восхищение, забыл даже про стакан в руке.

⁴⁰ Р. Бернс. Шерамурский бой (пер. С. Маршака).

– О, это великолепно! – воскликнул он. – Хотя у автора ужасное произношение. Из каких он мест, не знаете, случайно?

– Э-э-э... Из Эршира, кажется.

Фрэзер в экстазе покачал головой и сел прямо.

– Можете записать мне слова? – почти робко попросил он. – Не буду досаждать вам просьбами спеть еще раз, но мне очень хотелось бы узнать ее целиком.

– Я... конечно, – ошеломленно ответил Роджер.

Впрочем, что страшного, если одно из стихотворений Роберта Бернса станет известным миру чуточку раньше, чем его сочинит сам автор?..

– У вас кто-нибудь умеет играть на бодраме? Исполнять лучше под ритмичный стук.

И он для наглядности побарабанил пальцами по столу.

– Да, да.

Фрэзер, покопавшись в ящике, извлек несколько листов бумаги, большей частью испи-санных. Он хмуро пролистал их, выбрал из пачки один и протянул Роджеру, перевернув чистой стороной.

В банке на столе стояли гусиные перья, весьма потрепанные, но заточенные, и медная чернильница, на которую Фрэзер указал широким взмахом.

– Друг моего сына неплохо играет... Жаль, ушел в солдаты.

На его лицо набежала тень.

– Да уж. – Роджер сочувственно прищелкнул языком, при этом стараясь разобрать пись-мена, слабо просвечивающие с той стороны бумаги. – Присоединился к Горному полку, да?

– Нет, – чуть озадаченно ответил Фрэзер... Проклятье, неужели Горных полков еще нет? – Уехал во Францию наемником. Там лучше платят и реже наказывают плетьюми, как он пишет отцу.

У Роджера скакнуло сердце. Есть! Бумага оказалась письмом или страницей из днев-ника; как бы там ни было, на ней стояла дата. Тысяча семьсот... Дальше это что – тройка? Да, конечно, восьмеркой быть никак не может. Тысяча семьсот тридцать... Потом или девять, или ноль, по бумаге не понять... Но должна быть девятка. Так что получается тысяча семьсот тридцать девять. Роджер с облегчением выдохнул. Итак, нынче октябрь тысяча семьсот трид-цать девятого года.

– Да и безопаснее, – сказал он, вполуха слушая Фрэзера, пока выцарапывал по бумаге слова песни. Прошло немало времени с тех пор, как он последний раз писал пером, и буквы выходили кривоватыми.

– Безопаснее?

– Да. В армии, знаете ли, чаще всего умирают от различных хворей. Живут все вповалку, в холодных бараках, питаются одним лишь пайком... Думаю, у наемников свободы побольше.

Фрэзер пробормотал что-то про «свободу голодать», но слишком тихо. Он принялся сту-чать по столу, пытаясь уловить нужный ритм, а потом негромко напевать приятным тенором, на удивление мелодично барабанил в такт.

Роджер сосредоточился на непростой задаче. Вид бумаги, ее шелест, запах чернил невольно вызвали в памяти образ деревянной коробки с письмами Клэр и Джейми. Он с тру-дом сдержался, чтобы не бросить взгляд на полку, где она будет стоять годы спустя.

Обычно они с Брианной растягивали удовольствие и читали письма медленно, по одному. Однако, когда Джема похитили, было уже не до подобных забав. Они перерыли всю коробку, проглядели каждый клочок бумаги в надежде увидеть хоть одно упоминание о Джеме – вдруг ему удалось сбежать от Кэмерона и укрыться у бабки с дедом. Увы, о мальчике не было ни слова.

В своем безумии они даже не вчитывались в текст, хотя в голове все равно зацепились отдельные фразы, разрозненные (например, о смерти дядюшки Йена) и тогда совершенно бесполезные.

Да и сейчас от них мало толку – к чему лишний раз вспоминать?..

– Значит, ваш сын изучает в Париже право? – отрывисто спросил Роджер.

Он взял стакан, который Брайан снова наполнил, и сделал большой глоток.

– Да, из него выйдет прекрасный адвокат. Он самого заядлого спорщика заткнет за пояс. Правда, терпения для подобной службы у него маловато. – Фрэзер вдруг улыбнулся. – Джейми сразу видит, как, по его мнению, должно быть, и не понимает, почему кто-то с ним не согласен. И если уж на то пошло, для него лучшие аргументы – кулаки, а не слова.

Роджер грустно рассмеялся.

– Как я его понимаю.

– Да, пожалуй, – кивнул Фрэзер, откидываясь на спинку кресла. – И я даже не буду спорить: порой хорошая оплеуха действеннее любых слов. Особенно в наших горах.

Он невесело скривился и спросил вдруг прямо:

– Ладно... Как думаете, почему этот самый Кэмерон похитил вашего мальчика?

Застать Роджера врасплох ему не удалось. Тот с первого момента встречи понимал: Фрэзер рано или поздно поинтересуется, что, собственно, происходит. Поэтому успел приготовить почти правдивый ответ.

– Какое-то время мы жили в Америке, – начал он, и сердце сжалось от тоски.

На мгновение Роджер вновь очутился в их уютной хижине, рядом, рассыпав по подушке волосы, спала Брианна, и сладким шелестом слышалось дыхание детей.

– О, неужто в самой Америке? – удивленно воскликнул Фрэзер. – Где же именно?

– В Северной Каролине есть одна колония. Славное место... – После некоторой паузы Роджер все-таки добавил: – Но не такое уж безопасное.

– А где сейчас безопасно? – отмахнулся Фрэзер. – Вы поэтому и вернулись?

Роджер покачал головой, и горло вдруг перехватило.

– Нет. Потому что наша крошка... Мэнди, то есть Аманда, так ее зовут... Она родилась с больным сердцем, и там не было врача, который мог бы ее вылечить. Поэтому мы... вернулись в Шотландию, здесь моя жена как раз получила в наследство землю. Вот мы и остались. Однако...

Роджер замешкался: как рассказать о главном? Впрочем, зная о непростых отношениях Брайана с Маккензи из Леоха... Вряд ли Фрэзера смутит финал его истории.

– Отец моей супруги... – начал он осторожно, – человек хороший, очень хороший, но он из тех, кто... всегда привлекает к себе внимание. Он как-то сказал мне, что его собственный отец не раз предупреждал: мол, другие постоянно будут бросать тебе вызов и испытывать на прочность. Так и вышло.

Он пристально глядел на Брайана, но тот ничем не выдавал своих мыслей, только вопросительно вздергивал бровь.

– Не буду пересказывать всю историю. – Тем более ей еще только предстоит случиться. – Но в итоге у моего тестя на руках оказалась весьма солидная сумма в золоте. Своей он ее не считал; скорее, верил, что ему передали это сокровище на хранение. В общем, мы, конечно, пытались сохранить все в секрете, но...

Фрэзер сочувственно цокнул языком, понимая всю сложность стоящей перед ними задачи.

– Выходит, Кэмерон узнал про сокровище, да? И решил отобрать его шантажом, взамен на мальчишку?

– Может, и так. Но главное не это: мой сын знает, где спрятано золото. Он был тогда вместе с дедом. О тайнике знают лишь двое, и каким-то образом Кэмерон это выведал.

– О...

Какое-то время Брайан сидел неподвижно, задумчиво глядя в свой стакан. Наконец откашлялся и поднял голову, перехватывая взгляд Роджера.

– Возможно, мне не стоит так говорить... Но наверняка вы и сами об этом думали. Если он забрал мальчика лишь затем, чтобы выведать у него, где зарыт клад... Будь я подонком без чести и совести, то при первой же возможности вытянул бы все нужные мне сведения из парнишки силой.

У Роджера похолодело в животе. Да, такая мысль мелькала у него в голове, но он упорно ее гнал.

– Хотите сказать, пытал бы его... а потом убил?

Фрэзер поморщился.

– Знаю, вам не хочется об этом думать... Но рыжий мальчишка – слишком яркая примета. А кто обратит внимание на одинокого путника, куда бы тот ни направлялся?

– Все верно. – Роджер глубоко вдохнул. – Да. Только... Он так не поступит... Я... я немного его знаю. Не думаю, что он отважится уб...

Горло вдруг сжалось, и он закашлялся, хрипло выдавив наконец:

– Убить ребенка. Просто не поднимется рука.

* * *

Ему отвели спальню на втором этаже в конце коридора. Потом, когда здесь будет жить семья Роджера, в ней сделают игровую для детей.

Он разделся до рубашки, погасил свечу и лег в постель, старательно не замечая в углах призрачные тени от кукольных домиков и коробок с конструктором. Где-то на краю зрения то и дело мелькала пышная юбочка Мэнди от карнавального костюма.

Болело все, от волос до ногтей, и внутри и снаружи, но первая паника уже прошла. И впрямь не важно, какой сейчас год, куда актуальнее другое: что теперь? Да, они с Баком угодили не в тот год, но место должно быть нужное. Джем где-то здесь.

Возможно, Роб Кэмерон лучше их понял механизмы путешествия во времени и, научившись ими управлять, нарочно отправился в другой год, пытаясь сбить погоню со следа.

Впрочем, Роджер слишком устал, чтобы ухватиться за эту идею и проследить, куда она приведет. Он выкинул все мысли из головы и бездумно лежал, глядя в блестящие глаза игровой лошадки.

А потом вылез из постели, встал коленями на ледяной пол и начал молиться.

Глава 32

Кто споткнется на пороге дома, опасность должен в нем подозревать⁴¹

Лаллиброх.

31 октября 1980 года

Брианна не могла отпереть собственную парадную дверь. Она тыкала большим железным ключом, пытаясь попасть в нужное отверстие, пока наконец женщина-полицейский не вытащила ключ из ее трясущихся рук и сама не вставила в замочную скважину.

– Замок совсем старый, – скептически заметила она. – Не менялся со времен постройки дома, да?

⁴¹ В. Шекспир. Генрих VI (в пер. Е. Бируковой).

Она подняла голову, глядя на белоснежный фасад, и скривила губы при виде таблички с датой постройки.

– Не знаю. Мы обычно не запираемся. Здесь не бывает грабителей.

Брианна растянула онемелые губы в подобии улыбки. К счастью, Мэнди не могла уличить ее во лжи: дочка увидела в траве жабу и теперь гоняла ее по газону, поддевая носком ботинка, чтобы та прыгала повыше. Джемми, которого Брианна все это время крепко держала за плечи, не отпуская ни на шаг, сдавленно фыркнул – точь-в-точь как ее отец, – и Брианна бросила на него предостерегающий взгляд.

Он снова хмыкнул и отвернулся.

Послышался скрежет, щелчок отпирающейся щеколды, и женщина с радостным восклицанием выпрямилась.

– Вот и славно. Миссис Маккензи, вы уверены, что вам не нужна помощь? – Она недовольно прищурилась. – Вы здесь одна, а муж далеко.

– Он скоро будет, – заверила Брианна, хотя в животе от этих слов похолодело.

Та недоверчиво поморщилась, но все-таки кивнула и открыла дверь.

– Что ж, вам виднее. Тогда я просто проверю, работает ли телефон и заперты ли окна и двери. А вы пока посмотрите, все ли на своих местах.

Ледяная глыба в груди, с каждым часом допроса становившаяся все тяжелее, вдруг раздулась до невероятных размеров.

– Я... я... я уверена, что все хорошо.

Однако женщина уже вошла в дом и стояла в коридоре, нетерпеливо ее поджидая.

– Джем, возьми Мэнди, отведи в детскую, хорошо?

Нельзя, чтобы дети оставались на улице, на виду. Брианне ужасно не хотелось их от себя отпускать. Однако не хватало еще, чтобы Мэнди услужливо рассказала констеблю Лафлин о запертом в тайнике мистере Робе.

Оставив дверь открытой, Брианна заспешила за незваной гостьей.

– Телефон там, – сообщила она, догнав констебля в коридоре и показывая ей на кабинет Роджера. – На кухне еще одна трубка. Я пойду проверю и заодно гляну замки на черном выходе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.